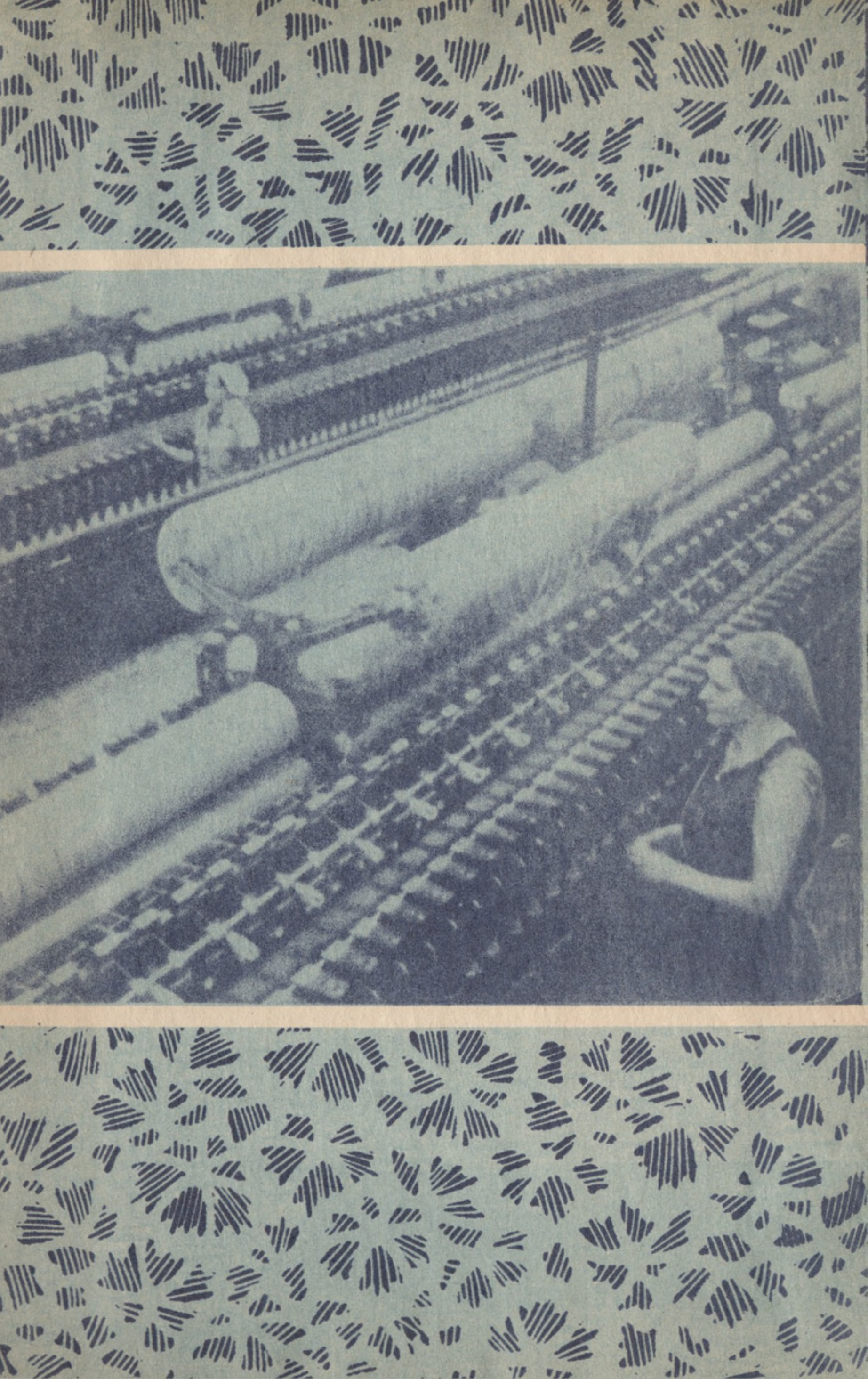
РУБЕЖИ текстильщиков

За свою жизнь мне часто приходилось слышать о трудовой доблести моих коллег — текстильщиков Ульяновской области. Воочию убеждалась, как ударно работают волжане, несколько раз будучи у них в гостях.
Искренне рада, что выходит в свет эта книга, рассказывающая об истории и сегодняшнем дне нашей отрасли. Думаю, она будет интересной всем советским текстильщикам. А своим друзьям — рабочим родины Ленина, желаю стахановских успехов в работе и жизни.

М. Виноградова
Герой
Социалистического Труда

О. Никитин

РУБЕЖИ текстильщиков



О. Никитин

РУБЕЖИ текстильщиков

Саратов
Приволжское
книжное издательство
Ульяновское отделение
1988

ББК 63.3(2)7—24
Н62

Рецензент: начальник республиканского промышленного объединения «Ульяновскпромшерсть» *Е. В. Мешков.*

Никитин О. В.

Н62 Рубежи текстильщиков. — Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульян. отд-ние), 1988. — 208 с.
ISBN 5—7633—0020—3

Исторический очерк о возникновении, развитии и сегодняшней деятельности крупнейшей в Ульяновской области отрасли промышленности — текстильной.

Н $\frac{3101020000-49}{153(01)-88}$ **20—88** **ББК 63.3(2)7—24**

ISBN 5—7633—0020—3

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ткани. Они окружают нас всегда и везде. Спасают от дождя и мороза. Вносят уют в наш дом. Подчеркивают женскую красоту...

Нарядные, удобные, разнообразные современные ткани — это итог пытливой мысли, упорного труда многих поколений людей, имя которым — текстильщики.

Поволжье исстари славилось как край, где люди занимались шерстяным ткачеством. Более двух столетий насчитывает история текстильной промышленности Ульяновской области, которая сегодня является здесь одной из ведущих отраслей: на нее приходится около трети всей промышленной продукции, выпускаемой в крае Ильича. Двенадцать крупных предприятий, входящих в состав республиканского промышленного объединения «Ульяновскпромшерсть» ныне ежегодно производят десятки миллионов метров шерстяных тканей, одеял, технических сукон, новейших нетканых материалов. Ульяновские текстильщики дают стране около четверти общесоюзного объема ковровых тафтинговых изделий.

Сегодня, в условиях революционной перестройки общества, рабочие и специалисты отрасли видят одну из главных своих задач в продолжении и развитии славных трудовых традиций, которые всегда отличали текстильщиков, в глубоком анализе прошлого, извлечении из него полезных уроков и освобождении от всего вредного, тормозящего.

Хочется надеяться, что эта книга, рассказывающая о героической истории отрасли, поможет текстильщикам в их сегодняшнем движении вперед.

Под гнетом помещиков

Симбирские помещики Кротковы были известны в губернии своим безудержным пристрастием к спиртному. Младший брат, поручик Иван Степанович Кротков, любил и карты. Так проматывались доходы от четырех имений, и зажиточным на вид дворянам денег всегда не хватало. Самодуры и крепостники, Кротковы все же отличались известной прогрессивностью взглядов: они не боялись вводить новое (но такое, что непременно давало бы доходы) без всякой оглядки на состояние трудового люда.

— А что, Иван, заводи-ка ты суконную мануфактуру,— предложил Дмитрий Степанович, когда младший брат гостил у него в селе Крестово Городище, в Заволжье.— Вон посмотри, сколько их в округе. Состояние поправишь.

Прикинули помещики: у Н. А. Дурасова в Никольском-на-Черемшане есть мануфактура, у бригадира лейб-гвардии Преображенского полка С. Г. Мельгунова в Мулловке тоже есть, и у княгини Голициной в Тереньге имеется суконное заведение. Княгиня на своей мануфактуре поставила дело на широкую ногу: распорядилась установить больше сотни ручных ткацких станков, посадила за работу 1200 крепостных.

— И мы купим машины, да и крепостные не перевелись — для задела душ четыреста найдем,— рассудили Кротковы.

Этой же весной 1800 года отправились они смотреть, как поставлено дело в Мулловке у С. Г. Мельгунова.

Управляющий начал с показа желобов для мытья шерсти, которые размещены были за селом, на реке Сосновке. Поодаль, на плотине, шумели 15 прядильных колес, которые имели по 20 и 40 веретен и приводились

в движение руками двух работниц каждое. Тут же были и два чесальных барабана. Шестеро мальчиков мотали шпули, столько же человек чесали шерсть, 30 девушек готовили пряжу. Рядом, в особом здании, разместились ткацкие станы, сделанные местными плотниками. Мужики, работающие здесь, о чем-то оживленно разговаривали, улыбались, у многих на скуластых лицах была написана радость. Кротковы вопросительно посмотрели на управляющего.

— Вольготно им веселиться. Заведение-то наше последние дни дорабатывает.

Дело в том, что все сукно и каразею, окрашенные в красные тона, нужно было сдавать в Казанскую комиссариатскую комиссию по закупке мундирных сукон для армии. Так и поступали на предприятии Мельгунова. Но государственная Мануфактур-коллегия одним этим распоряжением не ограничилась. Указом от 30 января 1800 года она затребовала от владельцев вольных мануфактур образцы производимых сукон и проставляемых клейм. Хозяин мулловской вотчины посчитал такое вторжение в дела его собственности оскорбительным. И вот в марте того же года он объявил о закрытии фабрики. А 17 апреля Мануфактур-коллегия вычеркнула предприятие Мельгунова из своих списков.

Крепостные работники были рады-радехоньки. Каторгой без кандалов, проклятием господним называли они мануфактуру. Жизнь по «работному регулу» — правилам внутреннего распорядка — была намного тяжелее отработки барщинных уроков на земле помещика. Зимой при мерцающем свете лучины да отблесков огня от печки начинали люди работу в четыре часа утра. На обед полагался один час. И только в восьмом часу вечера уходили крепостные из цеха. Полдня трудились и в субботу. Время работникам отбивал большой колокол, которому как бы в отместку в Мулловке не раз вырывали «язык». Редкий день обходился работным людям без наказания. Регул гласил: за ослушание на первый раз — плети, на второй — батоги со штрафом, на третий — год каторги. Даже вольных мастеров, которых было на фабрике по пальцам сосчитать, регул не обходил: за нарушение им грозил вычет задельной платы за три месяца.

Помещичий взгляд Кротковых уловил на Мулловской мануфактуре все для их будущего заведения «полез-

ное»: как держать работников в узде и быстрее обучить их, наладив станки для труда. Хорошо ли будет людям — об этом крепостники не думали. Зато сбыт сукна их очень волновал.

— Тут уж, как Степан Григорьевич Мельгунов, впросак не попади, — говорил старший Кротков, — в лапы Мануфактур-коллегии не дайся.

И Иван Степанович Кротков втихую, не особо обнародуя, построил в 1802 году текстильную мануфактуру в своей вотчине — Ишеевке. Лишь в 1809 году, когда потребовалась денежная ссуда на обзаведение мануфактуры Дмитрия Степановича Кроткова в селе Городище, братья подали прошение разрешить им основать вотчинные суконные фабрики.

Вскоре вышел манифест Александра I «О способах к лучшему устройству суконных фабрик», и Кротковых даже поощрили за создание мануфактур, дали полную свободу производства и торговли, а Мануфактур-коллегия под каждую тысячу аршин сукна стала выделять ссуду — 3 тысячи рублей.

За сырье Кротковы не беспокоились. В губернии были огромные овчарни у Ф. В. Самарина, графа Орлова-Давыдова, графини Паниной, князя Вяземского. Ундоровский помещик П. Н. Ивашев даже состоял членом Главного Московского общества овцеводов и членом-корреспондентом Лейпцигского общества. Немало шерсти (чаще всего это была грубая русская) приносили и собственные крепостные крестьяне в качестве оброка. Через симбирские земли тянулись проторенные торговые пути с востока, из Оренбурга, Самары к центру России. И все текстильные предприятия губернии находились в выгодном положении: даже привозная шерсть здесь была дешевле, чем в центре, а ярмарки — Москва, Нижний — сравнительно близко, сбыт облегчен.

— И водой эти места бог не обидел,— рассуждал И. С. Кротков, глядя, как широко разливается весной Свияга.

Он приказал строить большое водяное колесо. Деловой материал был, вокруг — лесов вдоволь, древесина помещику ничего не стоила. Из сосны срубили десять длинных бараков. В них расселили насильно оторванных от родных мест крепостных Кроткова из всех его вотчин: Полдомасова, Кезьмина, Шигон, Кротовки, Усть-Уреня. Подбирали работников на будущую ману-

фактуру по двум признакам: чтобы был молод и знаком с кустарным промыслом. Некоторых одаренных крепостных Иван Степанович купил или выменял у других помещиков: привез ремесленных из сел Никитино и Александрово Карсунского уезда.

На берегу Свияги в одноэтажном каменном доме работали пряхи и ткачи. Фабрика для них была той же барщиной, но в зимнее время. Каждой семье помещик определил урок-задание: соткать за месяц три половинки * сукна. Не успел выполнить урок в стенах мануфактуры — доделывай дома, поздним вечером, при лучине. На фабрике работали «брат за брата»: три дня Рябовы за себя и за Устимовых, три дня Устимовы — за Рябовых и за себя.

«Крепостных от земли отрывать нельзя, — рассудил Кротков. — А дворовые? Эти пусть работают на мануфактуре и зиму и лето. Чтобы даром свою «месячину» не съедали да место в моих домах не занимали». И, не имея своей земли, никакой собственности, живя в бараках «на общих харчах», дворовые становились, по существу, первыми постоянными рабочими фабрики.

С утра 8 августа 1812 года на колокольне ишеевской церкви звонили в набат. На площадь сбежались крестьяне, работники мануфактуры. Война! С французами.

Общество отправило, родители перекрестили на трудную дорогу своих сыновей — рекрутов очередного набора. А в середине сентября сельский староста объявил запись добровольцев в народное ополчение. В первый раз уходили на защиту России симбирские суконщики, уходили в своих, из родного материала, шинелях — с Ишеевской, Усть-Уренской, Городищенской мануфактур Кротковых, с Ундоровской — Ивашева, с Мулловской — Мельгунова. В том времени — истоки стойкости текстильщиков и в будущих боях с иноземцами, а также в классовых битвах со своими угнетателями. Истоки характера прочного, без изъянов, как то сукно, которое согревало солдат.

Отечественная война вызвала рост текстильных мануфактур. В 1809—1812 годах в Симбирской губернии было основано 12 новых вотчинных фабрик. Сукон для

---

* Половинка — законченный кусок сукна, равный 40—45 аршинам (28,5—32 погонным метрам).

нужд армии вырабатывалось все больше. Сами крепостные работники испытывали внутренний подъем: казалось им, что шинели из их сукна лучше защитят русского солдата от пули и штыка, лучше согреют; что кончится война — и кончится их неволя, тяжкая крепостная судьба.

У помещиков же патриотические устремления больше согревались мыслью о выгоде от военных поставок. Мануфактура И. С. Кроткова росла как на дрожжах. В 1817 году она совместно с городищенским заведением Кроткова-старшего вырабатывала в год 70 тысяч аршин солдатского сукна. Но не за счет новых машин и расширения производства выросла цифра — мускулы крепостных обогащали помещиков...

«Чем старее, тем страшнее»,— говорили про Кротковых их мужики. А русский писатель В. А. Соллогуб, познакомившись в 1822 году с этими симбирскими крепостниками, так описал их нравы: «Сосед наш Дмитрий Степанович Кротков принадлежал к разряду... самодуров, и в его доме происходили разные безобразия. От беспрерывного своего возбуждения спиртными напитками барин мог спать только урывками, беспрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидели дураки и дуры с обязанностью говорить, шуметь, ссориться и даже драться между собой. Тут же сидел кучер с арапником. Как только от усталости и дремоты шум утихал, кучер должен был «поощрять» задремавших арапником, гвалт начинался снова, и барин опять засыпал. Таковы были барские ночи» *.

Сын Дмитрия Степановича умер от чахотки. «Когда старика подвели к гробу, он зарыдал и громко воскликнул: «Миша, Миша, встань, Миша, пойдем выпьем!» **

И писателя Д. С. Григоровича привлекла эта фигура. «Д. С. Кротков известен был во всем околотке своею неукротимою строгостью. Когда он выезжал на улицу деревни, в сопровождении крепостного Грызлова, своего экзекутора, или, вернее, домашнего палача, ребятишки стремглав ныряли в подворотни, бабы падали ничком, у мужиков озноб пробегал по телу. Его боялись все домашние, начиная с жены. Побеждая в себе робость...

---

* Соллогуб В. А. Воспоминания. М.—Л., 1931, с. 236—237.
** Там же, с. 237.

жена решалась иногда просить мужа отпустить ее в Москву для свидания с родственниками.

— Хорошо,— соглашался Д. С. — Эй, позвать ко мне Грызлова. Грызлов, Марья Федоровна в Москву собирается, нужны деньги... Поезжай по деревням, я видел, много там этой мелкоты, шушеры накопилось — распорядись!..

Это значило, что Грызлову поручалось... забрать по усмотрению лишних детей и девок, продать их, а деньги доставить помещику» *.

Хотя поручик Иван Степанович Кротков из Ишеевки не был такой приметной для писателей фигурой, как его старший братец, приемами крепостника и он владел в совершенстве. Для него было ничуть не богопротивным делом выменять на борзую собаку два десятка крепостных душ. Он пригнал их из Пензенской губернии и приказал расселить в фабричной слободе Грачихе в Ишеевке.

Казалось, дух Кротковых царит над всеми суконными фабриками Симбирской губернии. Сын основателя Мулловской мануфактуры Петр Степанович Мельгунов взял в жены Елизавету Дмитриевну Кроткову, дочь городищенского крепостника, и перенял от тестя все самодурные порядки. В 1834 году, проиграв в карты таганрогскому виноторговцу Бернадаки все наличные деньги, Мельгунов «расплатился» тремя душами крепостных. В том же году он проиграл полугодовую армейскую поставку сукна — 6200 аршин. Комитет снабжения войск оштрафовал владельца фабрики на 16 тысяч рублей. Но это было не его бедой, а горьким несчастьем для крепостных текстильщиков, которых барин заставил дополнительно работать на мануфактуре. К великой радости своих подневольных, зять Кротковых П. С. Мельгунов умер от белой горячки в 1838 году...

Волею судьбы Кротковы оказались и у истоков зарождения Гурьевского фабричного района. В начале прошлого столетия Дмитрий Степанович решил купить село Куроедово и окрестные деревни (ныне город Барыш). Вышло по дешевке, разорившийся дворянин Новиков много не запросил. Здесь, в Гурьевке, в 1825 году Кротков приказал строить суконную мануфактуру.

---

* Григорович Д. С. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1961, с. 25.

— Благо,— рассуждал Дмитрий Степанович, — дело в Ишеевке, Усть-Урене и Городище пошло.

Помещики сдавали производимое сукно только в Симбирское комиссариатское ведомство на предмет обмундирования армии. Жилось легко — товар сбывался независимо от колебаний рынка, без забот о качестве, по твердым интендантским ценам. А тут начали поговаривать о новой войне, с Турцией.

Получив ссуду на строительство, Кротков начал с того, что распорядился перегородить речку. На земляной плотине поставили длинный сруб, в нем — шесть чесальных аппаратов, две сукностригальные машины и промывные барабаны. Натянули ременные передачи, которые приводило в движение большое мельничное колесо.

Для прядения и ткачества построили отдельные здания. Суровье ткали на громоздких деревянных станках саженной высоты и полуторасаженной длины. Ткач руками уплотнял уточную нить, вручную толкал челнок, а для того, чтобы поднять и опустить ремизки, нужно было с силой ударить по перекладине ногой. Тогда не знали приспособлений для возврата челнока, поэтому к стану ткача ставили помощника. С такой несовершенной техникой гурьевская фабрика могла выпускать в год лишь от 11 до 14 тысяч аршин отделанных и окрашенных сукон.

Небольшим было производство, да и сама-то Гурьевка — 50 дворов, 205 мужчин и 192 женщины. Но с появлением фабрики, считали местные жители, и в их малое село пришла беда. Известный декабрист, уроженец Симбирской губернии, Н. И. Тургенев писал: «Другое еще несчастье, которое в эти последние годы появилось для бедного русского крестьянина,— это устройство подобия фабрик сукон и других мануфактур... Они (помещики.— **О. Н.**) набили по сотне своих крепостных в жалкие хижины, преимущественно молодых девушек и мальчиков, и заставили их работать как можно больше... Помню... с каким ужасом они (крепостные. — **О. Н.**) говорили об этих учреждениях; они говорили: «В этой деревне есть фабрика» так, как если бы говорилось: «Там появилась чума». Например, один лишь слух об открытии в городе Сенгилее суконного предприятия, на которое якобы будут брать детей и женщин из удельных деревень, принадлежащих царской фами-

лии, вызвал сильные волнения среди жителей села Нижние Коки и всей его округи.

Искра неповиновения вспыхнула и в Гурьевке. Зажег ее кротковский крепостной Василий Федоров — бывалый, крутой мужик. Знали его многие: борода, как у Пугачева, голос — раскатистый бас. Умел Василий читать и немного писать, поэтому его всегда посылали с товаром на ярмарки в Симбирск и Нижний. Вернувшись однажды из Пензенской губернии, он стал рассказывать своим:

— Мужики, точно знаю: есть на краю Руси вольная земля.

— Неужто? — не верили крестьяне, но все же жадно глотали каждое слово Василия.

— Говорю, есть, только далеко она,— рассказчик показывал рукою на восток. — Земля эта по реке Урал и за рекой Дарья лежит. Зовут землю ту Новой Линией.

— Неужто и дойти туда можно, и надел взять, и от проклятой мануфактуры избавиться? — продолжали сомневаться гурьевские.

— Толкую вам, дурачье, что есть указ — господским людям быть вольными.

Вскоре с этой же «бунтавщической» вестью Василий Федоров приехал в кротковскую вотчину Кезьмино. Спустя несколько дней отправился в Ишеевку.

...В приезжей избе собрались ткачи, красильщики, плотники.

— Вот что вам скажу, — начал Василий,— в Кезьмине мужики уж четвертый день не работают на Кроткова. Потому как есть указ о воле.

— И мы не пойдем на треклятую суконку, хватит спину гнуть,— подхватили крепостные.

И слова с делом не разминулись: все ишеевские прекратили отрабатывать барщинные уроки на фабрике Кроткова, стали собираться на Новую Линию. Управляющий в испуге отправился в Симбирск прямиком к хозяину и потом вместе с ним — в полицейское управление.

Высланный в Ишеевку отряд подавил волнения. Василия Федорова как зачинщика волнений отдали под суд, и тот отправил его на каторгу в Сибирь. Многих ишеевцев постигло наказание — плеть, батоги. В «Памятной книжке Симбирской губернии на 1860 год» говорилось о том времени: «Кроме увещеваний и внуше-

ний... экзекуция была главной мерой к восстановлению спокойствия». По приказу взволнованного губернатора были разосланы роты солдат во все неспокойные села: Самайкино, Феоктистовку и другие.

Но тяга к свободе была сильнее истязаний. Осенью 1846 года бежали от неволи ткач Мулловской фабрики Тимофей Галактионов и пряха Анна Егорова. Это горькая история любви двух бесправных людей. Решив жениться, сирота Тимофей должен был испросить благословения у опекуна фабрики Скобелицина.

— Барин, благослови — на Анне, Егора дочери, жениться хочу, — встал Тимофей на колени.

Но Скобелицин был не в духе: дела на мануфактуре шли неважно.

— Пошел прочь,— отмахнулся он.

Тимофей и Анна отправились к попу, однако тот без господского разрешения венчать не стал...

Темной ночью они бежали на паре господских лошадей. Вслед им снарядили погоню, только та вернулась ни с чем. И лишь через полгода беглецов задержали, по этапу пригнали в Мулловку. Тимофея осудили на вечное поселение в Сибири, Анну приговорили к шести годам содержания в рабочем доме. Еще одна судьба крепостных суконщиков искалечена!

В этот же год с фабрики бежали чесальщик Степан Дмитриев с женой, братья Григорий и Борис Шпаровы.

— Ох, совсем стало невтерпеж,— стонали текстильщики. Но большинство протестовали молча, пассивно: отлыниванием от работ, бегством. И лишь немногие решались на открытый бунт.

Мулловский приказчик Плаксин известен был своими издевательствами над крепостными. Поделом его и избили до полусмерти чесальщики Андрей Григорьев и Елистрат Иванов. За это потом на них спустили собак, но они сумели отбиться, перемахнули через забор и в село больше не вернулись.

Осточертела мулловцам работа на фабрике. Смельчаки решили сжечь ее. Июньской ночью 1849 года запылали мануфактура и господский дом. Сгорело новое помещение для отделки суровья, в нем три сукновальных машины. И только двухэтажное каменное здание, в котором размещалось 35 ткацких станов, осталось цело. В поджоге обвинили ткача Андриана Тимофеева, сбежавшего из села незадолго до пожара. Позднее его пой-

мали, и суд приговорил Тимофеева к двенадцатилетней ссылке в арестантские роты.

Дух протеста невозможно было истребить. Он, как быстрый ткацкий челнок, перебрасывался с одной мануфактуры на другую. Не выдержав нечеловеческого труда на Шигонской суконной фабрике, самодурства сына Кроткова — Петра Дмитриевича, работники фабрики убили этого изверга. И до какого же состояния надо было довести крепостных, что они, лишив жизни ненавистного помещика, и труп его решили сжечь, а пепел развеять по ветру! По решению военно-полевого суда, которому были переданы 85 бунтарей, одного из них расстреляли, а четырех насмерть забили шпицрутенами.

Само время было против крепостничества. В недрах феодализма вызревали основы новых экономических отношений. Но пробивать дорогу им было непросто. Казалось бы, текстильное дело давало в Поволжье прибыль немалую, но купцы не спешили заводить капиталистические предприятия. Новые суконные заведения: кезьминское (1827), архангельское (1835), вельяминовское (1843), полдомасовское (1847) — как и раньше, открывали преимущественно дворяне-душевладельцы, имевшие перед прочими предпринимателями немалые привилегии.

Большинство помещиков не могли поспеть за временем, вели дело по старинке, будучи не в силах, да и не желая вводить у себя технические новшества. «Зачем думать о новых порядках, когда по тропинке Кротковых идти легче: не тратить деньги на иностранные машины, не болеть за качество, а сукна сдавать непридирчивому интенданту. Доход твердый. И крепостных — как пчел», — рассуждал, например, симбирский дворянин М. Я. Прибыловский, основавший в 1845 году Измайловскую мануфактуру.

Крупный помещик А. А. Протопопов тоже решил основать фабрику в своей вотчине — селе Румянцеве. Но этот дворянин был более расторопен и прогрессивен. Колесо завертелось быстро, и первые аршины суровья мануфактура выдала в 1848 году. По словам исследователя Симбирской губернии XIX века А. Липинского, «здесь крепостнические отношения выразились в строгом порядке работ, в постоянном усиленном труде». А. А. Протопопов согнал сюда более 700 крепостных и дворовых крестьян. «Провинившихся», — считали мест-

ные жители. Да почти так оно и было: добровольно на фабрику никто не шел.

Приезжавшие в Румянцево дворяне, друзья Протопопова, удивлялись:

— Вы прямо-таки европейские порядки завели...

«Европейские порядки» заключались в том, что в бараках Протопопов дал каждой семье по отдельной комнатке — 6—7 метров, и что застольная в Румянцеве была почище (если на Гурьевской или Ишеевской фабриках крепостных кормили харчами из несвежей солонины, дешевой старой капусты и мороженой картошки, то здесь такое выпадало крайне редко). Но зато хозяин, как и везде, сохранил право в любой момент выселить неугодных из бараков и застольной. Протопопов считал этот метод вполне подходящим в борьбе с разного рода беспорядками, помнил, как быстро охладила данная мера пыл выступлений в январе 1847 года в Тереньге, когда прямо на мороз было выселено несколько семей суконщиков.

От нововведений Протопопов в накладе не остался. Большой доход приносила и фабричная лавка. Она была создана якобы для удобства рабочих, чтобы тем не ездить в единственный выходной на базар, но цены в ней были выше рыночных, а соль, сахар, мука, лапти, рукавицы, кушаки и другие необходимые товары — и качеством похуже. Наберет неграмотный мужик товару, глядишь, денег от зарплаты на второй раз не осталось.

— Благодари, — говорил конторщик, — могу дать без денег.

Это означало — в кредит, в счет будущего заработка.

— Хоть что-нибудь... — соглашался рабочий, — жить-то надо.

В долг, в счет будущего жалованья на Румянцевской мануфактуре выписывали и сукно. И, как пишет Липинский, фабричные «чрезвычайно легко запутывались в долги и работали безо всякого вознаграждения».

«Европейские порядки» заключались и в том, что при протопоповской фабрике открыли больницу на 200 коек. Такой действительно не было ни при одном из предприятий в Симбирской губернии, да и, пожалуй, во всей России. Но хозяин вынужден был построить ее вовсе не из любви к простому народу. Пруды вокруг фабрики, необходимые суконному производству, плодили несметные полчища комаров, и эпидемии одна за другой накатыва-

лись на Румянцево. Не обходили стороной ни тиф, ни холера. К инфекционным больным добавлялись увечные, которых то и дело рождало мануфактурное производство, и, таким образом, больница никогда не пустовала, удовлетворяя в первую очередь хозяйскую корысть — помогала быстрее поставить рабочую силу на ноги, вернуть к станкам.

— Я, господа, решил просвещать работников, — докладывал владелец Румянцевской фабрики симбирским дворянам. — В селе заведена воскресная школа для трехсот человек, и, знаете, азбуку велено повесить даже у станков и машин, на колоннах.

Но не говорил помещик, что румянцевские суконщики были чрезвычайно забитыми людьми и рабочими-то их трудно было назвать: большинство сохранили наделы, к фабрике не тяготели. И в грамоте проку не видели. До грамоты ли, если их все больше закабаляли «усиленным трудом, строгим порядком работ».

Именно в те годы, будучи еще в крепостной зависимости, узнали румянцевцы нерусское слово «штраф». Прядильщики штрафовались за каждый уток и основу, сработанные выше или ниже нормального веса. Сновальщицы — за то, что недоложили или переложили пасьмы в основе, переметали или неправильно перебрали нити основы. Ткачей наказывали за близны, за двойные нитки, за полосы, затканные утками других партий, за изорванное сукно. Причем если крепостному ткачу всегда платили за половинку в два раза меньше, чем вольнонаемному, то штрафы для обоих были одинаковы.

Применялись штрафы и другого рода.

— Куда идешь, Семен? — останавливал мастер Шпанов рабочего.

— Да вот воды испить, в горле пересохло.

— Работу оставил. Шатаешься без дела. Мало я тебя за близну на последнем куске оштрафовал? Еще за беспорядок получишь.

И в табеле к последнему штрафу в 30 копеек мастер приплюсовывал свежую цифру — 20 копеек, записывал причину штрафа: «За хождение без дела на фабрике, за проход по неуказанным местам».

Еще больше ужесточились порядки, когда румянцевское предприятие перешло по наследству к генералу Н. Д. Селиверстову (шефу жандармов России). Дворянин с капиталистическим уклоном, он стал рассматри-

вать суконную фабрику как серьезный источник своих будущих доходов.

Уже в год открытия Румянцевской мануфактуры Россия испытывала большую потребность в суконных тканях. А в период Крымской войны (1853—1856) эта потребность еще более возросла. Ведь если в 1826 году в армии насчитывалось 1029 тысяч солдат и офицеров, то в 1856 году их было уже 2154 тысячи.

За первое десятилетие своего существования Румянцевская фабрика увеличила выпуск тканей в 8—10 раз, стала самым крупным предприятием Симбирской губернии (1000—1500 работающих, около 400 тысяч аршин сукна в год. Для сравнения: Ишеевская фабрика дочери Кроткова — Веревкиной в эти годы имела 600—700 работающих, выпускала 60—70 тысяч аршин тканей). Но, будучи предпринимателем дальновидным, Н. Д. Селиверстов ориентировался не только на поставки для армии, на выпуск серошинельного и темно-зеленого сукна. Он понимал, что связь с казной сковывает и в один прекрасный день может лопнуть. Нужен открытый рынок.

— Хватит того, что все тридцать суконных заведений губернии делают шинельное сукно, — рассуждал Николай Дмитриевич. — А кто выпускает сукна, похожие на английские? Никто.

И его предприятие первым в губернии стало ткать высококачественные и разнообразные тонкошерстные ткани. Выступая с речью на собрании Казанского университета 9 июня 1857 года, исследователь русской промышленности профессор М. Я. Киттаров так оценил румянцевское предприятие: «Вот какие есть фабрики на Руси православной, и где же? Не в Москве, не в Петербурге, а где-то в Симбирской губернии». Он восхищался качеством румянцевского сукна.

На фабрике к тому времени выпускали более 30 сортов ткани, многие подработки родились здесь же, в Румянцеве. Из черной вигони с ворсом шили очень модные пальто. Сукно «желтяк» у жадовцев с удовольствием брали купцы из Средней Азии и Закавказья. Липинский отмечал, что простое сукно по 45 копеек (это в 2—2,5 раза дешевле, чем стоимость высококачественных сортов драпа) стало поистине народным. В 1862 году Н. Д. Селиверстов за свои ткани получил на Российской выставке золотую медаль.

В то время на фабрике, конечно, не было художников, дессинаторов. Мастеровым приходилось учиться у иностранных специалистов, которых Селиверстов за большие деньги приглашал к себе, и ездить за опытом на фабрики в Москву. Постепенно открывались и собственные таланты.

Пытливый ум выходцев из народа рождал новые переплетения, расцветки, рисунки. Всюду прославились румянцевские драпы из чебачи. Поначалу эта шерсть никак не поддавалась обработке. Сукно получалось грубым, неравномерным.

— Нужны другие чесальные аппараты,— смекнул один из мастеровых.

С товарищами нарисовали, как сделать новые; на кожевенном заводе, который работал при фабрике, объяснили: так, мол, и так, нужны особые кардоленты. Потом сами опробовали новую чесальную машину. Добро! И драп из чебачи стал своею, как бы мы сейчас сказали, фирменной тканью румянцевцев.

Фабрика ушла далеко вперед от своих сестер в губернии. И было известно, почему: Селиверстов, думая о будущих доходах, выписал дорогое, производительное оборудование. При бывшем хозяине А. А. Протопопове работали всего 60 ручных ткацких станков. В 1861 году здесь появилась первая паровая машина, чуть позднее — вторая паровая машина и локомобиль. А как писал В. И. Ленин, «применение паровых двигателей к производству является одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии» *.

Но если о паровой машине Н. Д. Селиверстов не мог похвастаться, что первым установил ее (в 1850 году паровые двигатели уже имелись на Ишеевской, Полдомасовской и Ундоровской фабриках), то в приобретении аппаратов контеню (секретов) первенство принадлежало румянцевскому фабриканту. Эти высокопроизводительные чесальные аппараты потребовали усовершенствований и в последующих звеньях текстильного производства. Так, в прядении появились мюльные машины, которые имели по 180 и более веретен. За день работы пряха Румянцевской фабрики могла выработать более 30 фунтов основы, или 1 пуд 10 фунтов утка, или 3 пуда ров-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 506.

ницы. Мотальщицы перематывали уточные нити на шпули, выдавая 1,5 пуда готовой пряжи в день.

На фабрике Селиверстова было несколько сот ткацких станков. Но все ручные и хозяина не устраивали.

— Механический ткацкий станок пусть дорог, но выписать из Англии можно,— думал фабрикант,— а где нанять механика?

Управляющий предложил обучить сметливого и немного знающего грамоту Ивана Глухова, двадцатипятилетнего парня, который работал подмастерьем на литейно-чугунном заводе при фабрике.

Иван запротивился. Любил он, как говаривал сам, чувствовать собственную силу, когда ударял молотом или поднимал тяжелые ковши со светящимся металлом.

— А тут чего? Не дай бог, еще ткать поставят.

Но управляющий убеждал: будешь только за механизмом следить, чтобы работал. И для пущей вескости убеждения пригрозил: не пойдешь — отдам в рекруты на долгие годы.

Иван выучился, стал отменным механиком, следил за механическим ткацким станком — первым в Симбирской губернии (его установили в 1852 году). Имея такого специалиста из народа, лишь изредка, скорее для престижа приглашая городского инженера Н. Зверева, Н. Д. Селиверстов мог уже спокойно расширять ткацкое производство. И к 1870 году на фабрике работало 13 механических ткацких станков. Средняя выработка на одного ткача превысила 10 аршин суровья в день.

Уже в пятидесятых годах Селиверстов попытался привлечь на фабрику как можно больше вольнонаемных из мещан, оброчных, выкупившихся и безземельных крестьян. Они становились первыми пролетариями. Труд их покупался и оплачивался сдельно. Но хотя считалось, что на Румянцевской фабрике самая высокая оплата вольнонаемных, хитрая система штрафов, лавка и застольная не оставляли никакой возможности сделать сбережения. Находясь у станка по 12 часов в день, самый опытный ткач из вольных мог заработать за месяц лишь 12—18 рублей, а получить и вовсе гроши. Крепостные за труд на фабрике тоже получали надбавку, но она была очень небольшой. А ежегодный доход владельца предприятия достигал 75 тысяч рублей.

«Строгий порядок работ», «постоянный и усиленный

труд» на Румянцевской фабрике был мостиком, перекинутым от вотчинной мануфактуры к новому капиталистическому предприятию. Но то, что к предпринимательской деятельности тянулся помещик, было исключением из правила. Другое дело — купец.

Отец Сулеймана Акчурина Абдулла слыл крупным торговцем шерсти в Симбирской губернии. Сулейман же решил, что намного выгодней заниматься не скупкой-продажей, а основать переработку — суконное производство. Но, конечно, для успеха требовалось поставить дело не так, как было заведено на вотчинных мануфактурах, а с размахом, нанять батраков, постоянных рабочих.

Замысел осуществился в 1849 году — на второй год после выхода царского указа, поощряющего новые суконные заведения. Момент был удобный, и место Сулейман Акчурин выбрал наивыгоднейшее: село Старое Тимошкино. Село стояло на пересечении дорог, через него издавна гоняли овец — шерсть, именуемая перегоном, стоила дешевле, чем в других местах. Задолго до основания суконной фабрики Старое Тимошкино превратилось в центр шерстомоек Симбирской губернии. Малая Свияга давала воду. Окрестные леса — строительный материал и топливо.

Липинский, побывав в Старом Тимошкине, так описал построенное предприятие: «Акчуринское заведение не отличается наружной отделкой и не претендует на картинность, чем страдают многие помещичьи фабрики. Оно состоит из трех деревянных трехэтажных флигелей на каменных фундаментах и расположенных сосредоточенно».

Корпуса построены. Где же брать работников на фабрику, ведь Акчурин не помещик, своих душ у него нет. Но это не было проблемой. Старое Тимошкино являлось удельным селом, то есть принадлежало царской фамилии. Крестьяне выплачивали оброк продуктами своего хозяйства. А чтобы заработать на собственное пропитание, вынуждены были идти на предприятие Акчурина.

Никогда до создания суконного заведения село Старое Тимошкино не слышало столько разных языков: татарского, калмыцкого, башкирского, русского. Как писал Липинский, «здесь собирался народ, которому не было места на помещичьих фабриках, преимущественно

отставные или бессрочно отпускные солдаты. Были, впрочем, и здесь постоянные работники вроде крепостных: это задолжавшие тимошкинские татары, которые составляют на фабрике не менее половины всего числа рабочих». Попав сюда, они вынуждены были соглашаться на кабальные условия: двенадцатичасовой рабочий день (в который не входило время на заправку и уборку станка, сдачу кусков суровья на склад), двухсменную работу, жизнь в общем бараке.

Поначалу на фабрике купца первой гильдии С. Акчурина работало 200—250 человек. Резко расширила производство Крымская война. Если до ее начала на Старотимошкинской мануфактуре было не больше 50 ручных и механических ткацких станов, то к концу войны их число увеличилось до 200. Только здесь можно было встретить в то время мюльные станки на несколько сот веретен.

Еще одно свидетельство Липинского: «По машинам и по внутреннему устройству фабрика эта, вместе с фабрикой Селиверстова, представляется лучшей, а по материальным средствам и по оборотным капиталам владельца, без сомнения, преобладает над всеми фабриками губернии». Да, только за 1855 год С. Акчурин увеличил оборотный капитал с 30 до 80 тысяч рублей, и прежде всего за счет эксплуатации своих же соплеменников-татар.

В пятидесятые годы Симбирская губерния стала поистине текстильным краем. Работали 30 суконных мануфактур, множество шерстомоек. Складывался Гурьевский фабричный район. Чувствовалось наступление нового, промышленного времени — капитализма.

Но помещики не торопились сдавать свои позиции. Поздновато осенила идея создать мануфактуру Василия Петровича Языкова (племянника известного поэта). Будучи человеком военным (вышел в отставку в чине подпоручика), он предвидел, что война, которая вот-вот разразится в Крыму, потребует много шинельного сукна. И в 1853 году родилась Языковская вотчинная мануфактура. Она стала тяжким крепостным ярмом для местных крестьян. Казалось, веяния времени не доходили в село Языково. Тут до 1860 года оставалась специальная наказная изба — единственная в Симбирской губернии. И с основанием суконной фабрики ею стали пользоваться много чаще.

Хозяином в избе был Иван Шипков — палач, или, как на европейский лад называли его помещики Языковы, экзекутор. Невысокого роста, с выпирающей вперед грудью, красной рубленой шеей и мясистыми короткими руками, он одним ударом рассекал кожу до крови. Расплата за провинность была установлена четко: за невыполнение ко времени барщинного урока — от 3 до 8 ударов кнутом, за невыход на фабрику — 8—25 ударов, за пререкания и ругание вышестоящих — до 50 ударов.

Мало кого обошло стороной наказание в избе. Не миновала эта участь и аршинщика Ивана Таекина. Он единственный из рабочих фабрики знал грамоту, умел читать и писать, за что благодарен был Николаю Михайловичу Языкову. Поэт брал его в Италию, и там произошла незабываемая для Таекина встреча с Николаем Васильевичем Гоголем.

— Как мужики живут, как хлеб уродился? — спрашивал Гоголь молодого Ивана (сам писатель уже больше года жил на чужбине).

— Известно, у Николая Михайловича живется хорошо. Он человек добрый. И хлеба собрали полно,— постарался представить все в лучшем виде Иван Таекин. В действительности, конечно, многое было не так благополучно.

Гоголю понравился молодой кудрявый паренек, его тяга к грамоте. На прощание Николай Васильевич подарил языковскому крепостному томик «Мертвых душ». За него-то и поплатился Иван Таекин, будучи уже сорокалетним отцом семейства, мастеровым языковской суконной фабрики. Он знал поэму Гоголя наизусть, нередко пересказывал рабочим отрывки из книги. И вот в один из осенних дней 1860 года на него донесли помещице Прасковье Ивановне Языковой: читает, мутит народ. Барыня распорядилась:

— У Ивана книжки отнять — не для его ума. А за то, что читать стал неположенные места, и за безделье — выпороть.

И намекнула палачу Шипкову: мол, можешь и до смерти забить «грамотея».

Первыми о господском решении узнали крепостные ткачи.

— Не бывать смерти, не дадим,— взбунтовались они.

А когда Шипков пригрозил, что и их ждет то же, да плеткой замахнулся, один из фабричных — ткач Лобов,— не выдержав, ударил ненавистного палача по голове тем, что попалось под руку — челноком. Шипков свалился замертво.

Рабочие отстояли своего любимца Ивана Таекина. Но многие из них как бунтари поплатились свободой, были сосланы на каторжные работы, отправлены в рекруты.

От такой жизни языковцы рады бы были бежать, да неурожайные годы как раз делали обратное: крестьяне из окрестных сел бросали землю и приходили на фабрику. Уход в отхожие промыслы стал настолько массовым явлением в Симбирской губернии, что привлек внимание даже Карла Маркса. Он писал: «В некоторых местностях, и как-то в Тушенской и Языковской волостях в селах Базарном Урене и Теньковке, крестьяне поголовно уходят для заработка на сторону, оставляя свои домашние дела» *.

Так уехала из села Кезьмино семья Демидовых. Глава ее Степан был из дворовых людей помещика И. С. Кроткова.

— Бежал от своей мануфактуры, — говорил Степан Демидов, — а попал на такую же — Языковых. Из огня да в полымя.

Новые хозяева и поступали по-кротковски. Например, они насильно женили сына Демидова — Михаила. Восемнадцатилетний парень любил девушку Надю, молил бога, чтобы судьба их не разлучала. Но господа распорядились по-своему.

В субботу к Демидовым зашел староста, бросил на пол новые лапти:

— Вот что, Степан: завтра сына веди в церковь, женить будем.

— Кузьма Никитич, как-то не по-христиански выходит: ни смотрин, ни сватовства, — опешил глава семейства. — И кто невеста-то?

— Не хуже других девок. Завтра узнаете. — Староста и сам еще не знал и постарался побыстрее кончить разговор, вышел из избы.

В углу запричитала, словно по покойнику, мать. Отирая холодный пот, Степан Демидов промолвил:

---

* Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1955. Т. XXIII, с. 184.

— Видать, богу так угодно.

В церкви только узнал Михаил, кто его невеста — соседская девка Устинья. Поп обвенчал. Родные напутствовали. А пришла ночь, и Михаил, от рождения честный, признался:

— Устинька, ты мне богом данная жена. Но, сама знаешь, люблю другую и любить до гроба буду. Ты уж меня прости ради христа, коли на тебя рука поднимется.

Фабрика ломала судьбы крепостных. Не давала она большой прибыли и помещикам Языковым. Кончилась Крымская кампания, спрос на армейские сукна упал, а грубошерстная мануфактура с рутинной техникой не могла перестроиться для работы на свободный рынок. В 1861 году она сократила производство в два раза, выпустив всего 35 аршин суровья.

Еще более жалкое существование влачила суконная мануфактура князя Алексея Алексеевича Долгорукого. В 1854 году, уже будучи немолодым, но жаждая обогатиться за счет военных заказов, он основал предприятие в селе Игнатовка на речке Гуще. Причем деньги на строительство занял, и за неплатеж долгов заведение было передано через год в другие руки. В 1858 году князь умер, так и не расплатившись. По наследству мануфактура перешла двум его несовершеннолетним дочерям, которые вскоре, чтобы расплатиться с кредиторами, сдали ее в аренду сенгилеевскому купцу П. И. Козлову. Он чуть-чуть притормозил падение фабрики тем, что слегка обновил устаревшее оборудование, стал выплачивать надбавку за труд крепостным, твердую заработную плату наемным рабочим. На мануфактуре кроме водяных колес установили двенадцатисильную паровую машину. Но ткацкие станы (их было 60) так и остались ручными, 40 прядильных машин также были допотопными — по 50—60 веретен каждая. Всю эту технику обслуживали 342 человека. В это время мануфактура выпускала только грубое сукно черного и серого цвета, причем даже в лучший год — не более 120 тысяч аршин. А ко времени отмены крепостного права она вообще дышала на ладан. В 1861 году предприятие произвело лишь 12,4 тысячи аршин суровья, оказавшись по производительности на последнем месте в Симбирской губернии.

Близилось новое время — свободного предпринима-

тельства. Выживали только те из помещичьих фабрик, которые выходили за рамки вотчинного хозяйства, были насыщены техникой, могли поставлять товар на рынок и свободно конкурировать. Например, Румянцевская фабрика процветала. Но большая часть предприятий терпела крах. В 1862 году закрылась Игнатовская мануфактура и более 200 безземельных работников были выброшены на улицу. Тогда же еще семь предприятий остановили работу. Помещичьи мануфактуры в селах Гурьевка, Языково, Полдомасово, Кезьмино, Феоктистово, Усть-Урень, Репьевка, Ундоры попали в аренду к купцам-промышленникам.

В прошлое уходили крепостники Кротковы, Языковы, Долгорукие, уступая место капиталистам Акчуриным, Степановым, Арацковым, поработителям не хуже помещиков, но предпринимателям оборотистым, энергичным, напористым, каких и требовало время.

Вместо цепей крепостных

В 1861 году полковник Генерального штаба А. Липинский, работающий над «Материалами для географии и статистики России», объезжал суконные заведения Симбирской губернии. Интересовался устройством производств, технологией.

Управляющий Старотимошкинской фабрикой старался показать все в лучшем свете, говорил угодливо:

— Извольте заметить, господин полковник, здесь у нас производится трепание шерсти. До этого процесса она основательно промывается... Вот эта трепальная машина разбирает в день от тридцати до пятидесяти пудов шерсти. Пройдемте дальше... Что такое? — управляющий заметил на кипе шерсти мальчика лет девяти, тот проснулся от окрика. — Марш бегом на свое место... — закричал он по-татарски. И, оправдываясь, объяснил гостю: — Это, видите ли, шпульник. Заснул, стервец... Здесь приготовляется шерсть к прядению. Окончательно расчесывают шерсть работники на новых аппаратах — секретах. Этих машин у нас десять, только установили. Вы просили показать, как осуществляется прядение, извольте — оно в этой мастерской. На каждом ручном станке по шестьдесят веретен. А вот

новые мюльные машины, по сто восемьдесят и более веретен...

В ткацкой части осмотрели паровую машину с водяными приводами. Ткачи работали на 19 механических и 170 ручных станках.

— Чтобы возвращать челнок обратно, — говорил управляющий, — двое ткачей берут одного помощника. А вот эти шпули мотать большого навыка не требуется, справляются даже малолетние.

Да, отметил про себя Липинский, здесь ткачи пока работают с помощником, а вот на одной, помнится, фабрике — за Волгой, в Мулловке, — сделали приспособление для самостоятельного возвращения челнока. Как же зовут заволжского изобретателя? Липинский заглянул в свои записи: вольнонаемный мастер Богдан Федорович Ленике.

Осмотр акчуринской фабрики подходил к концу. Липинскому показали мытье и валянье. Прошли в красильные отделения, где были установлены чугунные котлы, каждый из которых мог вместить до семи половинок сукна. Ткани сушили при помощи громоздких деревянных рам. В летнее время на них натягивали полотнища и выставляли на фабричный двор, зимой ставили в сушилки. Потом рабочие перетаскивали сукно в отделку, на продольные и поперечные стригальные машины, затем — на прессовку механического действия: одним рычажным прессом в день обрабатывали десять половинок сукна.

Липинский остался доволен посещением Старотимошкинской фабрики, еще раз убедился в мысли, что купеческие предприятия живучее, надежнее помещичьих, потому что здесь платят за труд сдельно, и рабочие, считал он, трудятся с охотой. Но царскому полковнику нелегко было понять, что эта «охота» — от голода и нужды. Непросто было в то время разглядеть капитализм как новую, еще большую неволю для трудового люда.

Каждое техническое новшество для текстильщиков было хуже прежних побоев. Среди суконных предприятий губернии самой высокой считалась зарплата на Гурьевской фабрике — опытный ткач мог заработать в месяц до 25 рублей (примерно столько тогда стоила корова). Но когда фабрика была сдана в аренду, а затем продана Курамше Акчурину, то расценки из года в год

стали сокращаться. Если в 1861 году ткач получал за половинку 1 рубль 60 копеек, то в 1881-м имел уже на 20 копеек меньше.

Конечно, именно Курамша Акчурин, а затем его сын Тимербулат вывели фабрику из упадка, в котором она находилась в последние годы при Кротковых. В 1861 году мануфактура выпустила лишь 58 тысяч аршин суровья, а к концу десятилетия выдавала уже 290 тысяч. Поначалу Акчурин нанял и больше рабочих, но по мере того как появлялись новые аппараты в прядении (их число было доведено до 19), мюльные машины и локомобиль, фабрикант без зазрения совести отказал от места 200 текстильщикам.

У Тимербулата существовало правило: мужиков по возможности брать поменьше — «от них и пьянство и смута». То ли дело подростки (тем более что выше шести рублей им не платили) и женщины (они получали не больше десяти рублей). Так что из 780 гурьевских рабочих 270 были моложе 16 лет и 290 составляли женщины.

По официальным данным, средний заработок русского рабочего на суконных предприятиях центра России в шестидесятых годах равнялся 14 рублям 54 копейкам в месяц. А на Старотимошкинской фабрике Хасана Акчурина в 1869 году получали в среднем 6 рублей 20 копеек. Причем ткач мог заработать в день 50—60 копеек, но сам должен был платить шпульнику. А с его дневной выработки (8—10 аршин сукна) Акчурин получал 80 копеек или даже рубль прибыли.

— Видели мы кабалу, но такую... — возмущенно говорил староста артели суконщиков Иван Афанасьев.

Артельщики приехали в Старое Тимошкино в 1863 году с московских суконных мануфактур — хорошие мастера, дельные работники. Не подозревали они, что могут попасть в нечеловеческие условия, в столице невиданные, когда заманивал их в Тимошкино Хасан Акчурин. Сулил заработок от 20 до 23 рублей. Тогда, в Москве, поверили рабочие сыну фабриканта на слово, договора не заключали. На дорогу каждый получил 15 рублей.

Дальним и нелегким был зимний путь. Не согрели москвичей и в Тимошкине ни размещением — их поселили в грязной, тесной застольной, ни работой — вместо обещанной русской шерсти их ожидала низше-

го сорта ордынка, на которой можно было выработать в месяц от силы 6—7 половинок. К тому же хозяин требовал, чтобы в половинке сукна было не 45 аршин, а все 60.

— Выходит, обманул нас в Москве молодой Акчурин, — негодовали ткачи.

Продолжал обманывать и старший, заверяя, что отослал семьям ткачей задельную плату — 95 рублей, сам же и не думал делать этого. Фабричная контора задержала и харчевые деньги — 176 рублей 05 копеек. Акчурин принуждал москвичей питаться в застольне. Те наотрез отказались. Их староста Иван Афанасьев был вынужден заложить за 30 рублей свой полушубок, две пары яловых сапог и еще кое-что. А хозяин фабрики продолжал гнуть свое.

— Бастуем, — решили 46 приезжих ткачей, и 4 июня 1863 года не вышли на работу, требуя от Акчурина или соблюдать условия оплаты, заключенные в Москве, или выдать паспорта и 15 рублей путевых денег на обратную дорогу.

Фабрикант в гневе отправил гонца за приставом: «В бараний рог скручу!». По приезде того объяснил:

— Не могу сделать, как требуют московские. Отпустить их — сорвешь казенные поставки для армии. А что потом? Свои, глядя на этих, распустятся, начнут вымогать. А потом, пусть пришлые со мной расплатятся. Пока жили здесь — пили, ели. Долг у них большой.

Пристав думать долго не стал, выслушивать противоположную сторону не собирался, приказал ткачам: немедля приступить к работе.

— А не хотите, так получайте по 8 рублей — их милостиво жалует вам Сулейман Акчурин на дорогу, — забирайте паспорта и марш отсюда!

Но бастующие ответили твердо: и на работу не выйдем, и с места не сойдем, пока по справедливости не будет.

Рассерженный пристав, вернувшись к себе, написал пристрастное донесение уездному исправнику. Исправник, разговаривая с москвичами, пригрозил:

— За вымогательство, какое вы чините господину Акчурину, я вас под суд отдам!

Так оно и вышло. Уездный исправник представил свое заключение губернатору, тот передал его губернскому правлению, и уж последнее — в Сенгилеевский

уездный суд. К делу приобщили фиктивный список, составленный Акчуриным. По нему выходило, что москвичи задолжали фабриканту 2223 рубля 11,5 копейки. Управляющий Патрикеев дал следствию ложные показания: московские рабочие, мол, зарабатывают помалу из-за своей лености, а задолжали столько потому, что страх как много пили водки.

Не помогло москвичам и то, что они направили депутатов к губернатору — тот их не принял.

20 августа суд отправил дело на доследование, требуя договора о найме, которого и в помине не было. За эту «волокиту» Акчурин отыгрался на рабочих: он выселил их из общежития и пригрозил старотимошкинцам, чтобы не пускали на квартиры. Бастующие, желая поторопить дело, перебрались в Сенгилей.

Еще раз просились на прием к губернатору. Но через месяц суд опять отложил дело. Измученные рабочие уже готовы были прекратить борьбу, лишь бы выдали паспорта и деньги на дорогу.

Наступил новый год. Делу рабочих не видно было конца. В январе пошли новые разбирательства. Открылись новые факты: Акчурин избил рабочего Степана Егорова, а купеческие сыновья изнасиловали трех женщин-москвичек. Но на это суд, как обычно, посмотрел сквозь пальцы.

Только 30 июня 1864 года закончился мучительный для бастующих текстильщиков процесс. Итог был неутешительным, простить бунт против порядка царский суд не мог. «...За сопротивление, оказанное ими губернскому начальству, Ивана Афанасьева, Владимира Лукьянова и Никифора Семенова, как зачинщиков и главных ходатаев по сему делу... поместить в смирительный дом на два года, а затем всех прочих заключить на шесть месяцев... И притом взыскать с них или с имений взамен выданных им из казны на одежду, а также на удовлетворение купца Акчурина, деньги», — гласило решение.

Но дело на том не остановилось. Рабочие довели его до Правительствующего сената, и тот вынужден был признать в действиях симбирских властей нарушение законности. Москвичи отбывали в тюрьме уже четвертый месяц, когда пришло решение об их освобождении: рабочих отправили в родные места. И опять Акчурин умывал руки: все издержки по суду легли на их плечи, а в

адрес фабриканта даже слова упрека не было высказано.

Акчурин благодарил аллаха, что его постоянные рабочие, старотимошкинцы, не примкнули к стачке. Ислам, слепая вера останавливали татар, запрещали противиться хозяину. Постарались и местные муллы: всем внушали, что русские — это неверные, что быть в союзе с ними — великий грех. Малограмотным татарам с акчуринской фабрики было далеко до московских пролетариев и в политическом смысле. Поэтому они остались в стороне. Но тем не менее для рабочих фабрики и и всей текстильной промышленности края эта забастовка имела большое значение уже потому, что была здесь первой в период капитализма.

Началу новой, капиталистической эпохе в суконной промышленности сопутствовал экономический кризис, который разразился после Крымской войны. Он остановил добрый десяток симбирских предприятий, а затем вылился в затяжную депрессию. И только те предприятия мало ощущали его, которые производительно работали в основном на рынок.

А условием для этого было качество. Его давала передовая техника и технология. Купцы-промышленники поняли это быстрее. К 1880 году в симбирскую суконную промышленность вложили капиталы десять таких купцов. 1879 год стал годом технического сдвига. На фабриках губернии вдвое увеличилось число секретов и мюльных машин, появились ватеры. Механизмы приводились в движение паровыми машинами и локомобилями. Но они сделали труд более потогонным.

Ткач все 12 часов был в движении — требовалось набить 20 прометов на один дюйм; при 19 оплата снижалась, а при 18 браковалась вся половинка. Вдвойне напряженнее было оттого, что вращающиеся части машин никто не ограждал: чтобы не попасть в беду, смотри сам. Фабрикант не думал заботиться даже о надежности помещений. Так, на Старотимошкинской фабрике Акчурина развалилась кузница, построенная владельцем кое-как, наспех. Но за смерть рабочих ответил не «почетный симбирский гражданин Акчурин», а местный крестьянин, один из строителей кузни.

В то время как побирались по уездным деревням вдовы и дети погибших, просили о помощи покалеченные на фабрике рабочие, капиталисты Акчурины рас-

ширяли дело: ведь в годы подъема текстильное производство давало неслыханные барыши: от 50 до 100 процентов чистой прибыли. Семейство Акчуриных прибрало к рукам многие симбирские суконные предприятия: в Вельяминовке, Тереньге, Шигонах, Коромысловке. Тимербулат Курамшиевич Акчурин владел Гурьевской и Самайкинской мануфактурами. Братья Ибрагим и Исмаил Акчурины в 1876 году купили у помещицы Веревкиной убыточную ишеевскую фабрику. Здесь они установили паровой котел, несколько самоткацких станков и секретов, стали платить за труд всем рабочим.

После реформы 1861 года вслед за Акчуриными купцы постепенно прибрали к рукам и другие фабрики губернии.

Хасан Алеев, торгуя кожами и скотом в Мелекессе, выбился в купцы второй гильдии. А с 1874 года его фигура появилась на Мулловской суконной фабрике. Внешне он был похож на хищного паука: маленького роста, сутулый, длиннорукий, с приплюснутой головой, горбатым носом и жидкой козьей бородкой. Бывший кожеторговец сначала арендовал мулловское предприятие, а в 1876 году стал его владельцем.

Всю жизнь мечтал выбиться в люди Федор Степанов. Он торговал рогожками и всякой мелочью на симбирском базаре да потихоньку набивал мошну. Но для крупного дела кишка была тонка. А тут — не было бы счастья, да несчастье помогло — в 1864 году в Симбирске случился громадный пожар. Весь город был охвачен огнем. Купец же только руки потирал: по дешевке скупал у погорельцев оставшиеся вещи, а потом им же втридорога продавал.

Так или иначе, но если в 1862 году он мог только арендовать Языковскую фабрику, то к 1877 году у него уже было состояние, достаточное для покупки предприятия. И приобрел он его как нельзя более удачно: русско-турецкая война 1877—1878 годов потребовала много солдатского сукна. «Кому война, а кому мошна полна...» — говорили о Степанове языковцы. Барыши его были настолько велики, что в 1881 году он купил всю языковскую усадьбу.

А вот малоярославский мещанин ростовщик И. А. Виноградов с покупкой мануфактуры немного опоздал: война на Балканах уже закончилась, в суконной промышленности губернии опять наступил спад. Но, рабо-

тая на Игнатовской фабрике аппаратным мастером, он во что бы то ни стало хотел стать ее хозяином.

— Одному не получится, — делился он своими планами с женой, — что ж, возьму денежного компаньона.

Так и сделал. Только по прирожденной своей вороватости оформил купчую на фабрику на одно собственное имя. Компаньон не увидел обещанных прибылей. Виноградов не дал ему ни процента дохода и лишь когда сам получил барыши, вернул долг.

Темной тропкой обмана и делячества дошел от простого торговца до владельца Ишеевской фабрики А. Арацков. В 1884 году он на паях со своей родственницей купчихой Кирпичниковой перекупил предприятие у Акчуриных.

Купцом-фабрикантом был и Н. Я. Шатров. В 1885 году он стал владельцем измайловской суконной фабрики. Шатров — первый промышленник в Симбирской губернии, который, реконструируя и оснащая вновь предприятие, сделал ставку на отечественное оборудование.

— Наше надежнее, — говорил он, закупая ткацкие станки с заводов Доброва и Натгольца в Москве.

Он же позднее организовал при фабрике мощные вспомогательные цехи. Здесь своими силами изготавливали аппараты контеню, стригальные и ваточные машины.

Алеев, Арацков, Виноградов, Степанов, Шатров... Разные фамилии, разные люди. Но как все они похожи своими биографиями, жизненными принципами и, главное, своим отношением к тем, кто давал ход их делу — к рабочим-текстильщикам.

...Приходил ткач наниматься и сразу же попадал под недоверчивый взгляд старшего приказчика, ведавшего наймом, — не лодырь ли, не пьяница, не смутьян?

Приказчик смотрел паспорт, проверял мускульную силу, спрашивал:

— Условие знаешь?

— Что еще за условие?

— Мы тебя возьмем, если хорошо сработаешь испытательный урок — одну половинку, сорок пять аршин.

— Ну, а что ж, сотку.

— Бесплатно, — уточнял приказчик

— Знаю, было уже, — отвечал рабочий, а в душе ругал фабричное начальство за драконовские порядки: три-четыре дня ему придется работать «за так».

Законом «О взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и надзоре за заведениями фабричной промышленности», который был вынужденно принят правительством после стачки текстильщиков Морозовской мануфактуры в Орехово-Зуеве и высочайше утвержден 3 июня 1886 года, предусматривалось все-таки контролировать фабрикантов. Обязательным документом становились расчетные книжки рабочих. «Срок найма» и «Квартирные отметки: казарма №..., камора №...», «Прогулы», «Штрафы» — такие графы были в этих книжках. Здесь же печатались «Правила о найме», которые, впрочем, постоянно нарушались, начиная с того, что расчетную книжку многим вообще не выдавали. Иди докажи потом, когда нанимался, сколько зарабатывал.

Ткач устраивался на работу, и ему сразу ставили условия: во-первых, нужно иметь свой челнок. Нет — купи (а значит, выложи 3 рубля с полтиной). Во-вторых, освещай станок сам — лампа и керосин в лавке есть. Начинал ткач работать и убеждался, что за пять зимних месяцев у него уходит на освещение больше четырех рублей — половина месячного заработка. И не знал неграмотный рабочий, что в пункте № 17 «Правил о найме» было сказано: «Воспрещается взимание с рабочих платы... б) за освещение мастерских, в) за орудия производства». Да что рабочий... Фабричный инспектор, должность которого была утверждена в Симбирской губернии в 1894 году, и тот не мог добиться, чтобы даже этот половинчатый закон исполнялся.

При каждой фабрике было «бесплатное» жилье: ветхие, со времен крепостного права, казармы. Новые хозяева, чтобы разместить свежую рабочую силу и сильнее закабалить ее, строили свои бараки. Широко размахнулся Н. Д. Селиверстов: только за три года (с 1863 по 1865) он заселил более 20 каменных и деревянных корпусов при Румянцевской фабрике. А Хасан Алеев из Мулловки старался вкладывать в это дело как можно меньше средств. При нем срубили две большие избы с низкими потолками. Нечто похожее построили и в Ишеевке. Потом рабочие дали своим жилищам говорящие сами за себя названия: «Вшивые номера», «Белые номера» (которые в отличие от других топились по белому), «Крысиные выселки». В Языкове бараки назывались «Сибирь», «Сахалин», «Вшивый» — на 56 семей каждый, флигель «Маленький» из 28 «номеров».

Эти «номера» не шли ни в какое сравнение даже с самыми захудалыми гостиничными. Шесть-семь квадратных метров полагалось для целой семьи. Отделялись «каморы» друг от друга легкими загородками или просто холстиной. Грубо сколоченный стол, кровать, чурбаны вместо стульев — все, чем обходились люди. На клопов, тараканов, сверчков не обращали внимания. Например, в «Замечаниях при осмотре языковской фабрики 13 декабря 1895 года» фабричный инспектор М. Хомченко записал: «На нарах настолько грязно, что рабочие сидят на полу».

Но в другом смысле закрепившееся за лачугами суконщиков название «номера» было оправдано — из них, как из гостиницы, рабочих в любой момент могли выселить прямо на улицу. В «Правилах внутреннего распорядка» Ишеевской — как, впрочем, и других — мануфактуры было сказано: «При оставлении работы на фабрике занимающие квартиру должны освободить ее немедленно и не далее 2 дней».

Та же участь после увольнения ждала и жителей застольной — общежития для одиноких. Мало что изменилось здесь со времен крепостного права. По-прежнему часто кормили хлебом, наполовину изготовленным из ржаной муки и сырого картофеля. Особенно это практиковалось в Румянцеве, Измайлове и Старом Тимошкине. Земский врач Казакевич, узнав об этом, был возмущен. Он выступил со статьей в «Симбирских губернских ведомостях», где писал, что «этот хлеб голодный и золотушный» и что «даже сено питательнее этого хлеба».

Еще сильнее, чем до реформы 1861 года, опутывала рабочих сеть фабричных лавок. О многих продуктах текстильщики знали лишь понаслышке, а пищу себе готовили исключительно растительную. В пост добавляли умеренно конопляное масло. В мясоед — немного сала и молока. Все это отпускала фабричная лавка, одурачивая рабочих кредитом. Инспектор, побывав на фабрике Арацкова, отмечал: «Несмотря на сделанные инспекцией замечания... на фабрике... производится отпуск в кредит всякого рода товаров, стоимость которых может быть удерживаема при расплате из заработка рабочих по совершенно произвольным, не контролируемым инспекцией ценам». Так, по прейскуранту гурьевской лавки 1899 года пуд ржаной муки стоил 60 копеек, ов-

2 Заказ 229

са — 45, гороха — 70 копеек, в то время как на базаре в Карсуне за те же продукты платили соответственно 48, 37 и 60 копеек.

Кредиты, как болотная грязь, засасывали рабочих. Даже управляющий Ишеевской фабрикой писал: «При просмотре нескольких находящихся в конторе книжек оказалось, что большая часть заработка идет в лавку, хотя по отчетам конторы... выходит, что в лавку идет одна пятая часть заработка, а $^4/_5$ выдаются наличными деньгами».

Таким образом, фабричные конторы обманывали инспекцию, запрещавшую давать продукты в кредит, задерживали и зарплату рабочим. Да как! Если было положено платить раз или два в месяц, то на деле выдачу денег оттягивали на долгие месяцы. Например, на Румянцевской фабрике зарплату выдавали лишь два раза в году — к пасхе и к Михайлову дню. Служащий одной из фабрик писал в жалобе инспектору: «Денежные вычеты производятся тогда, когда рабочему получать нечего: задержкою выдачи рабочий волей-неволей вынуждается брать в лавках продукты, не разрешенные законом (к тому же гнилые и недоброкачественные). Цены на все анафемские, заработная плата мизерная, а потом обмеры и обвесы».

А после удержания с рабочих штрафов от их заработков и вовсе ничего не оставалось. Мастера и управляющие штрафовали произвольно, за любую мелочь, чтобы показать свою силу и получить от фабриканта подачку в виде премии за усердность. По закону от 3 июля 1886 года штрафы должны были идти не в карман хозяев, а на нужды рабочих, для пособий. Но на эти цели на Ишеевской фабрике Арацкова, например, в течение 1900 года было израсходовано всего 23 рубля, в то время как взыскано штрафных денег более 115 рублей. Да сколько еще обложений не записано в книгу штрафов! Нередко вместо того, чтобы по правилам начислить денежный штраф, хозяин заставлял провинившихся отрабатывать лишние дни.

По закону от 2 июня 1897 года (закон был принят под давлением 30-тысячной забастовки петербургских текстильщиков 1896 года, которую возглавил ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса») устанавливался рабочий день в 11 с половиной часов. А на деле, как писал в октябре 1901 года старшему фаб-

ричному инспектору губернии аппаратный мастер из Старого Тимошкина Федор Васильевич Мордвинов, рабочих заставляли трудиться с шести утра до девяти вечера, с перерывами в 45 минут на завтрак и полдник и один час — на обед. Рабочий день составлял 12 с половиной часов, не считая времени на уборку станка. Чуть короче, чем во времена крепостного права! Кроме того, на восьми суконных фабриках, главным образом в аппаратных и прядильных отделениях, текстильщиков заставляли выходить во вторую смену. Фабрикант по своему усмотрению и опираясь на циркуляр министра финансов мог раздувать сверхурочные работы до неимоверных размеров. И жаловаться было некуда.

Наравне с мужьями работали и женщины, хотя им платили в два раза меньше — 4—6 рублей в месяц. Число текстильщиц росло год от года. Отчасти это было следствием того, что производство совершенствовалось; например, механический ткацкий станок, в отличие от ручного, могла обслуживать женщина. Другая причина указана в отчете фабричного инспектора за 1906 год: фабриканты стремились заменить многих мужчин, которые значительную часть рабочего времени отдавали различным митингам и собраниям.

Ни ткачихам, ни прядильщицам, ни присучальщицам на большинстве симбирских фабрик не полагалось иметь отпуск по беременности. На измайловской фабрике Н. Я. Шатрова некоторым женщинам давались две недели отпуска до родов и 1 рубль 50 копеек пособия. И даже на последних месяцах беременности работниц штрафовали, как и всех, без поблажек.

«Не успеешь отпроситься, добежать домой — родишь прямо в цехе», — сетовали текстильщицы. Так случилось с Устиньей, женой Михаила Демидова (оба они работали на одном ткацком стане на Языковской фабрике)*. Прямо на кипах суровья родилась у Устиньи дочка, которую в честь первой любви Михаила Демидова назвали Надеждой.

Отец на радостях запил, две недели не показывался в ткацком. Но его запой заведующий фабрикой Иван Иванович Дубцов стерпел, даже штрафовать Михаила не стал: слишком ценным для фабриканта М. Ф. Сте-

* Об этой семье рассказывалось в 1-й главе.

панова был ткач, лучшим из всех — в два раза больше половинок давал, чем другие, да отличного качества.

— Надя, Надюша, — наклонялся Михаил Демидов над люлькой, целуя дочку. — Родилась ты у станка, выходит, там тебе и работать. Другого для тебя хотелось бы...

Но участь сыновей и дочерей текстильщиков была одна: так и не узнав радости детства, с малых лет они попадали на фабрику на примитивные, но тяжелые работы: шпульниками, присучалками, подметальщиками. Это привлекло внимание Ильи Николаевича Ульянова, который писал: «В следующих местностях находятся суконные фабрики, на которых дети школьного возраста употребляются на работу за плату... 1) с. Языково — дети с 7 лет работают на фабрике целый год... (далее идет перечисление семи других, ныне не существующих предприятий. — **О. Н.**)... 9) с. Игнатовка — почти все дети 8—9 лет поступают на фабрику, с платою мальчикам от 1 до 3 руб., а девочкам от 1—2 руб. в месяц, работая по 9 часов в сутки...

По моему мнению, необходимо обязать содержателей фабрик иметь для работающих там детей школы, по примеру уже существующих при суконных фабриках Воейкова *, в Сызранском, и Селиверстова, в Карсунском уездах» **, — заключал Илья Николаевич.

Но голосу просвещения мало кто из фабрикантов внимал. Наоборот, хозяева умело обходили закон 1882 года о малолетних рабочих, по которому запрещалось принимать на предприятия детей до 12 лет. Лишь в одном случае за его невыполнение фабрикант Арацков из Ишеевки был привлечен к суду и получил две недели ареста: на его фабрике дети работали вместо 8 часов по закону — 13 и не освобождались от труда ни в праздничные дни, ни в ночные смены. Об этом «редком случае» рассказывала казанская газета «Волжский вестник» (№№ 219, 244 за 1885 год).

Но и в 1895 году на другой фабрике — Языковской — дело обстояло так же. Фабричный инспектор отмечал: «Нет того, чтобы шпульники, поступающие на работу,

---

* Воейков Александр Николаевич (1842—1916) — симбирский помещик и фабрикант, основоположник климатологии в России, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

** Материалы по вопросу о введении обязательного обучения в России, т. 1. Спб., 1880, с. 334.

предъявляли документы о своем возрасте и немедленно заносились в книгу».

Надя Демидова, родившаяся в ткацком цехе в 1899 году, в десять лет, как и предвидели, попала сюда. Теперь каждое утро отец нес ее, сонную, до фабричных ворот, дальше брела сама и становилась на десять часов мотать шпули. Ростом маленькая, Надя не доставала до станка, и отцу пришлось на детские башмаки набить по чурке.

Однажды в Языково приехал фабричный инспектор. Откушав чаю в конторе, он в сопровождении заведующего фабрикой отправился осматривать производство.

Мастер знал, что делать, скомандовал Наде Демидовой:

— А ну-ка, шеметом под колоброд. — А ее сверстнице Насте Антроповой приказал: — Ты полезай в ящик, накрою суровьем. Да смотрите, чтобы ни-ни, — прокричал он в сторону родителей.

Но на этот раз уловка не удалась — фабричный инспектор уже заходил в цех. Достал Надю из-под колоброда, недовольно глянул на заведующего фабрикой М. Крайнова.

Так Н. Демидова попала в книгу замечаний фабричной инспекции. Но жизнь ее от этого легче не стала и заработок остался прежний — 40 копеек с сотканной половинки. Причем платила не контора, а отец — ткач, такой был порядок. Поэтому и брали в помощники своих, чтобы не пришлось доплачивать чужим шпульникам.

Такие порядки были выгодны фабриканту. Но он ужимал рабочую копейку не только на этом, а экономил даже на пространстве, на свете, на воздухе. Тот же фабричный инспектор отмечал 20 февраля 1896 года на Языковской фабрике: «Воздух в трепальном отделении удушливый». Газета «Симбирские вести», орган социал-демократов, писала в 1906 году (за десятилетие условия ничуть не изменились), что во всех 20 отделениях Ишеевской фабрики Арацкова «вентиляции нет... вместо этого окна наполовину выбиты и сквозной ветер поднимает клочья пыли и шерсти, которая от сотрясения станков сыплется через трещины пола из верхнего этажа в нижний и засоряет глаза. Машины стоят друг от друга на поларшина, что мешает проходу». Людям приходилось привыкать к духоте, в потогонной работе некогда было обращать внимание на то, что воздух в це-

хах, особенно в ворсовальном и чесальном, насыщен волокнистой пылью. И вспоминали об этом словом проклятья лишь тогда, когда появлялись кровавый кашель, затрудненное дыхание. Ткачи мучались болезнями ног, нарушениями венозного кровообращения.

Еще в 1889 году земская управа отмечала: «Правил об устройстве и содержании в санитарном отношении фабричных и промышленных заведений губернским земством не издавалось». Но когда и вышли в свет подобные правила, фабрики не стали чище, заболеваемость не уменьшилась.

А лечиться приходилось по-прежнему у знахарей. Ведь нормальная вместительная больница была лишь в Румянцеве. Текстильщики Мулловки, если хотели попасть в свою лечебницу, ждали в очереди долгие месяцы. Коек имелось всего 12, единственный фельдшер и санитар не успевали управляться. То же было на Ишеевской фабрике Арацкова (лишь в 1895 году здесь открыли приемный покой с одним фельдшером), на Старотимошкинской фабрике товарищества Акчуриных. Корреспондент газеты «Симбирские вести» сообщал с Измайловской фабрики: «Больница, богадельня — это лишь декорация, красивая оболочка без содержания. В больнице нет больных... Родильный приют помещается рядом с бильярдной, где развлекается фабричная администрация. Отдельных дверей в комнату рожениц не имеется. Одинокая акушерка изнемогает в бесплодных попытках поспеть везде».

В Языкове до 1911 года оказывали лишь амбулаторную помощь, но даже когда М. Ф. Степанов расщедрился, денег хватило лишь на больницу в 12 коек. Сюда попадали в основном увечные, покалеченные на производстве рабочие.

Сколько же таких было, без вины виноватых, заплативших кровью хозяину, преступно экономившему на технике безопасности!

11 мая 1899 года отрезало все пальцы на руке стригальщику Измайловской фабрики Ивану Семенову. Калека на всю жизнь! Владелец же предприятия Николай Яковлевич Шатров «милостиво» выдал единовременное пособие — 3 рубля.

За два года (1898—1899) больше всего пострадали рабочие на Ишеевской (6 несчастных случаев), Языковской (5 случаев) и Гурьевской (4 случая) фабриках.

(Число происшествий наверняка было больше, но не обо всех ставили в известность фабричного инспектора.) Причины везде одинаковые: не было ограждений у движущихся частей машин, люди понятия не имели об инструктаже по технике безопасности, а длинный рабочий день, потогонная система и удушливый воздух доводили ткачей и прядильщиков до безразличного, похмельного состояния, в котором настигала их беда, а иногда и гибель.

Но страдания текстильщиков не трогали хозяев. Соболезнуя потерпевшим лишь для вида, в глубине души фабрикант таил мысль о том, что лучше потерять рабочего (благо таких в достатке за воротами), чем тратиться на технику безопасности. С другой стороны, безработица, голод заставляли людей мириться с тяжкими условиями.

«Рабочий, оскорбивший владельца или мастера,— отмечал старший фабричный инспектор Симбирской губернии,— увольняется от работы без предупреждения. А мастеру или владельцу, оскорбившему рабочего или его жену, проходят бесследно поступки, иногда вопиющие, опять потому, что свидетели, желающие сохранить за собой место, лжесвидетельствуют или отзываются незнанием... Положение невыносимое, тяжкое, безвыходное, порождающее скрытое раздражение и неприязнь. Приходилось в уголовном суде видеть этих свидетелей, которые в страхе потерять насущный кусок хлеба, страшно волнуясь, стараются снять вину с владельца».

Что может быть страшнее, даже в сравнении с физическими увечьями и материальной нищетой, чем измельчание человека как личности!

Филер жандармского управления Никифоров, имевший специальное задание наблюдать за настроениями рабочих, доносил начальству: «На фабрике Протопопова: управляющим фабрикой Хутаревым ведется очень строгий порядок по отношению к рабочим: за малейшее прекословие против фабричной администрации рабочие увольняются... На фабрике Шатрова: среди рабочих со временем бывает разговор относительно притеснений со стороны фабриканта... но во всех случаях, где бы ни велся разговор, почему-то управляющему известно, и управляющий таких людей выгоняет, через несколько времени призывает в контору и выдает расчет».

Еще худшая участь постигла чесальщика Гурьевской фабрики Равиля Аитова. В 1901 году он нанялся работать на год за 70 рублей, 5 аршин верблюжьего сукна и две овчины. Шел уже второй месяц работы, а обещанное не выдавали.

— Коли хочешь, — предложил управляющий С. Аблюков, — бери серошинельное сукно. А овчины — и не надейся, не получишь.

Равилю бы промолчать да согласиться, а он кулаки сжал, начал перечить. За это был выгнан с фабрики. Но самое страшное — в паспорте Аитова появилась отметка о неблагонадежности.

— Что же делать, паспорт не перепишешь, а куда я с таким пойду? — со слезами жаловался рабочий фабричному инспектору.

Но реально чем-то помочь последний был не в силах. Самодержавно-капиталистическое государство издавало законы так, что фабричной инспекции давались лишь номинальные права. «Состава преступлений не нахожу», — отвечал член окружного губернского суда на иск старшего фабричного инспектора, который требовал привлечь к ответственности заведующего Гурьевской фабрикой Мангушева: тот из месяца в месяц игнорировал требования инспекции подавать отчеты о числе рабочих на случай болезни и о размере их заработка. Но дело редко доходило до суда, фабриканты просто подкупали инспекторов или обманывали, хитрили с ними, как, например, владелец Старотимошкинской фабрики Якуб Акчурин. «Получили ли вы жалобу ваших рабочих Х. Алиева и С. Тамаргалеева?», — запрашивал инспектор. Акчурин, чтобы не отвечать по существу, писал: ничего не знаю, вероятно, затеряла почта. Пока же велась переписка, он сумел по-своему рассчитаться с правдоискателями, вынудив их забрать свою жалобу.

М. Ф. Степанов действовал еще изощреннее. Он опережал жалобы рабочих, сам писал фабричному инспектору, требуя привлечь их к ответственности.

Протест рабочих против произвола был еще разрозненным, пассивным. После стачки москвичей на старотимошкинской фабрике организованные выступления долго обходили стороной текстильную отрасль Симбирской губернии. Имелись тут свои, местные причины: на предприятиях работали текстильщики разных национальностей, еще не научились они быть солидарными в

борьбе за интересы класса. Были и всеобщие причины, на которые указывал В. И. Ленин: «...текстильные рабочие... представляют из себя элемент наихуже оплачиваемый, наименее развитой, слабее всего участвовавший в предыдущих движениях, теснее всего связанный с крестьянством» *. И действительно, вплоть до 900-х годов около 20 процентов симбирских текстильщиков весной и летом прерывало работу на фабриках, уходило в деревню пахать и сеять.

Но капитализм развивался, перерастал в свою высшую стадию. И неотвратимо рос и мужал его могильщик — пролетариат.

В 1899 году произошло выступление ткачей на Языковской фабрике. 15 октября бросили работу 18 человек. Все они были из Усть-Уреня, где трудились на суконной фабрике Кузнецова, в Языково попали в поисках лучшей доли.

В тот день, как обычно, работали с шести утра. В полдесятого пошли в застольню, на завтрак. Быстро пролетели 30 минут перерыва, и раздался первый свисток, созывающий на работу.

— Поспешай, ребята, — крикнул Иван Визгалин, встал со скамьи, надел кепку. Все вместе дружно пошли на фабрику. Но оставалось всего несколько шагов до ворот, как прозвучал второй сигнал, проход сразу же закрыли; к станку теперь можно было попасть, лишь доложив об опоздании в фабричной конторе.

— Ну порядки, — уныло протянул один из ткачей, Иван Ильин, но деваться было некуда, все отправились в контору.

Управляющий Дубцов встретил их хмурым взглядом из-под пенсне.

— Порядок знаете? С каждого по двадцать копеек штрафа за опоздание сниму.

— Это как же? — недоумевали ткачи. — Ведь всего чуть не успели: будто нарочно ворота перед носом захлопнули — и штрафовать!

— Бери, мужики, расчет, — крикнул Дмитрий Прокофьев.

Но деньги — 134 рубля на всех — контора не выдала. Задержала и паспорта. А в своем письме фабрично-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 32.

му инспектору хозяин Языковской фабрики М. Ф. Степанов требовал привлечь смутьянов к уголовной ответственности.

Бунтарское выступление рабочим пользы не принесло, оно было экономическим, стихийным и не широким. Точно так же, как стачка рабочих на Старотимошкинской фабрике Якуба Акчурина осенью 1900 года. Здесь запалом послужило объявление хозяином более низких расценок. Мирные переговоры к согласию не привели, и от лица всех ткачей старый рабочий Сафа Тумаров написал жалобу фабричному инспектору, за что сразу же получил от хозяина расчет. Причем Тумарову недоплатили 24 рубля. Хозяин задержал дополнительную плату и другим ткачам, не рассчитался за работу в сентябре. Тогда 5 октября ткачи не вышли к станкам. Выдвинули ряд экономических требований: выдать не позже 13 октября всю дополнительную плату и зарплату за сентябрь, выдавать деньги не в самые праздники, а накануне их и регулярно, два раза в месяц; плата шпульникам должна быть от конторы, а не от ткача.

В ответ на эти требования Я. Акчурин безо всякой оглядки на фабричную инспекцию уволил 90 рабочих. В накладе сам не остался — нанял замену из местных жителей. И те, устраиваясь, пока не задумывались, что тем самым подводят своих товарищей, а фабриканту помогают вести беззаботную и безнаказанную жизнь. Не пришло еще время. Не было у симбирских текстильщиков политической организации.

Но все-таки выступления в Языкове и Старом Тимошкине — это уже стачки, первый промет в полотне грядущих революционных событий.

Новый век

Пережив экономический кризис 1890 года и испытав в 1893 году небывалый подъем, текстильная промышленность Симбирской губернии вступила в новый век с неплохой технической базой. Теперь предприниматели старались не организовывать новые фабрики, а укрупнять уже существующие. Последних в губернии насчитывалось 18 с общим числом работающих 7—8 тысяч человек. Выпускалось продукции примерно на 6 мил-

лионов рублей в год. Это было возможно лишь при достаточно высоком уровне механизации производства. На всех фабриках губернии действовало 22 505 механических и 20 200 ручных веретен, 256 механических ткацких станков и 2441 — ручной. Осуществлялся переход с мюльного прядения на ватерное.

1900 год принес и новые беды — прежде всего рабочим. Разразился очередной экономический кризис, постоянный спутник капитализма. Но владельцы уже научились не закрывать фабрики — снижая зарплату рабочим, увольняя лишних, повышая цены в лавке. Чтобы не потерять в барышах, они подкупали интендантских приемщиков сукна. Еще в прошлом веке, с 1880 по 1898 год, в Симбирской губернии велось следствие по так называемому «степановскому делу»: 25 фабрикантов обвинялись в даче взяток армейским чиновникам. Оно так ничем и не кончилось, а хозяева предприятий сделали вывод: проще подкупать и диктовать высокие закупочные цены тогда, когда существует объединение, монополия. Владелец Румянцевской фабрики А. Д. Протопопов с начала 900-х годов предлагал основать подобие синдиката. И не только для решения проблемы сбыта, а главным образом потому, как он заявлял, что «рабочий вопрос обостряется все более и более» и нужно зажать производителя так, чтобы бунтовать не смел. Уволили на одной фабрике, а на другой не принимают. Захотел зарплаты повыше, а она на всех предприятиях одинаковая. Монополия!

Ранее в текстильной промышленности губернии уже существовали акционерные объединения: «Товарищество Старотимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных», «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина» (Гурьевская и Самайкинская фабрики). В начале XX столетия наследники Алеева основали торговый дом в Мулловке. Но в этих обществах паи распределялись в основном между членами семьи. А. Д. Протопопов ратовал за другие монополии. И с благодарным воодушевлением он поддержал идею губернатора собрать всех суконных фабрикантов Симбирской губернии на первое совещание. Для него выбрали удобное время: 6 марта 1905 года в Симбирске открывалась Соборная ярмарка. Накануне, 5 марта, в кабинете генерал-губернатора владельцы фабрик должны были выработать единую политику.

Первое выступление — представителя губернского присутствия по фабричным и горно-заводским делам — капиталистов мало обрадовало. Представитель сообщил, что решением сверху повышается норма средней поденной платы чернорабочим. «Теперь, — прикинул каждый, — взрослому рабочему надо платить по 40 копеек в день, женщине — 30 копеек, а малолетним — по 15...» Ну да закон что дышло, куда повернул, туда и вышло. Лишь бы пореже инспекторы наезжали, думали промышленники, а для этого надо обрисовать дело так, будто на фабриках все прекрасно.

И владельцы постарались представить положение дел в самом радужном свете. В своих докладах расписывали, что существующий заработок ткачей — 15 рублей в месяц — вполне устраивает рабочих, что даже слесари на железной дороге, где платят по 40 рублей, рады бы бросить службу и переквалифицироваться в ткачи: тут якобы и работа спокойнее, и готовая квартира, и харчи. Губернатора нетрудно было уверить в этих полусказочных доводах. Успокоенный настроением и словами фабрикантов, он сделал заключение: «Необходимости в каких-либо неотложных, экстренных мероприятиях к улучшению быта рабочих местных суконных фабрик нет».

Собравшись раз, промышленники решили объединиться и на дальнейшие действия. 1 марта 1907 года образовался монополистический «Союз 19 суконных фабрик района Волги» с общим капиталом в 20 миллионов рублей. Его создатель А. Д. Протопопов знал, что такие союзы — дело незаконное (царское правительство выступало против монополизации), поэтому официально зарегистрировал синдикат как внешне безобидное «профессиональное общество фабрикантов сукон». Участники объединения пытались установить монопольно высокие цены на сукно — в ответ на то, что шерсть доставалась все тяжелее, становилась дороже (особенно когда всю ее продажу в России захватили в свои руки иностранные компании «Якоби и Зоргаген» и «Стукен и К°»). Но до конца наладить сбыт своей продукции симбирские фабриканты не могли: внутренний рынок был перенасыщен. А вот на казну удалось повлиять: если в 1905 году за половинку сукна она выплачивала 46 рублей, то в 1907 году — 52—56 рублей. Занимались монополисты и испытанным делом: подкупом чинов. На-

пример, в торговой книге Румянцевской фабрики за 1910 год есть такая запись: «На расходы по ревизии сенатора Гарина — 60 000 рублей». На члена правительственного органа, который как раз изучал, нет ли монополистического сговора между фабрикантами, стоило потратиться!

Превращаясь в хищного спрута, капиталистическое производство неизбежно готовило себе могильщика. Когда тот же Протопопов панически писал в 1909 году: «...и у нас нарождается «наследственный рабочий», приспособленный специально для фабрики, органически связанный с ней, попросту «фабричный пролетариат», — он ошибался лишь во времени. Текстильный пролетариат не нарождался, а уже был, сложился в класс, пройдя через революционные бури 1905 года.

«Кровавое воскресенье» 9 января болью и ненавистью отозвалось в сердцах текстильщиков. Симбирская группа РСДРП выпустила прокламацию, и под ее влиянием 11—12 января прошли забастовки протеста на Измайловской и Ишеевской фабриках. А в апреле на фабрике Арацкова отказались работать 20 человек, требуя повышения заработной платы. Но большинство текстильщиков не поддержало стачечников, и хозяин уволил бунтарей.

К лету 1905 года то на одной, то на другой фабрике стали появляться революционеры-агитаторы, и как ни стремились их вылавливать (Арацков, например, обещал за каждого пойманного на его фабрике «крамольника»-социалиста платить по 25 рублей), слово правды доходило до симбирских шерстяников.

Сами они еще робко отмечали 1 мая, но зато узнали, какую первомайскую стачку провели рабочие Саратова. Жадно схватывая каждое слово, слушали рассказы об иваново-вознесенской стачке и восстании текстильщиков в польском городе Лодзи. И пусть не понимали пока симбирские суконщики политических требований бастующих, соглашаясь только с экономическими, — слова агитации откладывались в их памяти. Появилась у самых передовых и «зарубка» о первом иваново-вознесенском совете — «Собрании уполномоченных депутатов». Конечно, они не задумывались тогда об исторической роли этого органа власти. Но почувствовали — объединившись, имея сильных вожаков, можно и требовать, и управлять.

Мощная стачка иваново-вознесенских текстильщиков еще продолжалась, когда 12 июля 1905 года, словно откликнувшись на нее, забастовали 250 ткачей на Измайловской фабрике. Потребовали у Шатрова: «Повысьте расценки. Отмените вычеты за дрова (75 копеек в месяц). Уплатите за время забастовки». Фабрикант был всерьез напуган: зная о событиях в центре России, сразу пошел на уступки. Расценки повысил до 1 рубля 50 копеек за кусок суровья, сотканного на механических станках, и 1 рубля 70 копеек — на ручных. Распорядился больше не удерживать за дрова. Но уплатить за время забастовки отказался. По уговору рабочие на следующее утро вышли к станкам.

Вся вторая половина 1905 года прошла в небольших, но частых стачках. В октябре бастовали рабочие опять на Измайловской фабрике и на Екатериновской фабрике Кузнецова. В конце ноября 550 суконщиков Гурьевки, не прекращая работы, выдвинули перед Т. Акчуриным экономические требования. Они были невелики, и Акчурин постарался, ввиду общего тревожного настроения, их удовлетворить.

Революция нарастала. В декабре 1905 года в Москве началась всеобщая забастовка, вскоре переросшая в вооруженное восстание. Оно потерпело поражение, но как маховик дает вращение передаточным шестерням, так и революционное движение шло от центра на периферию, усиливаясь и нарастая.

В марте 1906 года забастовали ткачи на Подъячевской фабрике. В апреле объявили стачку рабочие Игнатовской грубосуконной фабрики А. И. Виноградова. Четыре дня ткачи и члены их семей — почти вся фабрика — не выходили на работу. Самые боевые из рабочих, Антон Прохоров и Михаил Буянов, от имени всех потребовали: «Увеличить расценки до 1 рубля 50 копеек за сотканный кусок сукна на механических и до 2 рублей — на ручных станках (до этого Виноградов платил соответственно 1 рубль 10 копеек и 1 рубль 60 копеек. — **О. Н.**), прекратить вычеты за самосновку, новые расценки засвидетельствовать на год, удерживать в погашение долга конторе не более 10 процентов заработка».

Первыми словами фабриканта были:

— Не нравятся условия, берите расчет.

Но когда остановились производства фабрики, он понял, что лучше уступить, чем все потерять. Посето-

вав: «Не те времена, чтобы диктовать», поднял плату за ткачество на 30 копеек, удовлетворил и все остальные требования ткачей.

Пламя революционных пожаров то притухало, то разгоралось с новой силой. Но часто рабочие не знали, куда его направить, и случалось, оно обжигало их самих. Нужны были вожаки, руководители. Как бы откликаясь на зов времени, на предприятиях стали появляться, вести агитацию революционеры, социал-демократы.

Ближе всех к Симбирску находилась Ишеевская фабрика, и именно с ее рабочими в 1906 году установил связь симбирский большевик Михаил Андреевич Гимов.

Выезжая в Ишеевку впервые, он не имел ни адресов, ни явок, но в душе была уверенность, что текстильщики его поймут. Однако с чего начать? Молодой и горячий, Гимов просто остановил рабочих, идущих со смены, и открыто выступил с речью.

— Эксплуататоры, фабриканты и помещики — это трутни, — пламенно и доходчиво говорил он. — Трутни сами мед не добывают, а жрут... Царь Николай пролил кровь рабочих. Рабочие Петрограда, Москвы и других городов бастуют, они взялись за оружие, а мы здесь спим. Пора и нам начинать. Добьемся восьмичасового рабочего дня! Долой царя! Долой трутней-эксплуататоров!

Митинг пришлось свернуть — появились урядник и становой. Рабочие скрыли Гимова в сельской пожарке. «С тех пор, — писал в воспоминаниях член Симбирской группы РСДРП В. В. Рябиков, — влияние большевистской организации на Ишеевскую фабрику было закреплено», а М. А. Гимов стал любимцем текстильщиков.

Связными с Симбирским комитетом РСДРП выступали передовые ткачи. 6 июня 1906 года они призвали: «Бросай работу!» Фабричный гудок стал сигналом к началу стачки. Арацков в панике бежал в Симбирск, рискнув вернуться только со стражниками.

На третий день около 600 человек с революционными песнями двинулись к дому фабриканта. Возбужденные голоса настойчиво требовали:

— Прибавьте жалованье. Выдавайте в срок.

Арацков заискивающе объяснил, что сразу не может удовлетворить все требования, призывал рабочих соблюдать закон, а о новых расценках обещал подумать... У

стачечников не было единого мнения, как действовать дальше, и большинство из них вышли на работу.

Поистине вершиной революции 1905—1907 годов в Симбирской губернии стали события в Гурьевском фабричном районе, где располагались вблизи друг от друга восемь текстильных предприятий. Весной 1906 года по России проходили выборы в I Государственную думу. В рабочую курию Думы от симбирян депутатом прошел крестьянин села Русская Хомутерь, а в последующем ткач Базарно-Сызганской фабрики П. Ф. Матвеев. Как своего товарища-рабочего, провожали его текстильщики в апреле в Петроград. Напутствовали: «Добивайся восьмичасового рабочего дня, земли и воли».

9 июля 1906 года самодержавие разогнало «смутную» Думу. Трудовика Матвеева, который, примкнув к «Выборгскому воззванию», призывал не платить царю налогов, не давать рекрутов, не подчиняться полиции, велено было за противоправительственную пропаганду арестовать.

— Не бывать этому аресту, — решили рабочие Базарно-Сызганской фабрики. Жандармам Матвеева не выдали и, верно сообразив, что власти применят силу, обратились за поддержкой к суконщикам Гурьевки. Те в любую минуту готовы были прийти на помощь, готовы были выступить не только в защиту П. Ф. Матвеева, но и за свои рабочие права.

И рассказы агитаторов-большевиков об иваново-вознесенском совете 1905 года не забылись, и связь Симбирского комитета РСДРП с текстильщиками Гурьевского района к тому времени стала прочной. Она осуществлялась через подлесничего Карсунского уезда Бациева. В руководимом им социал-демократическом кружке собирались рабочие суконных фабрик: А. Зубцов, А. Палибин, Я. Рожков и другие. Изучив по брошюрам и прокламациям основы революционной борьбы, они-то и предложили создать боевую организацию — Союз рабочих депутатов. 16 августа на Гурьевской фабрике был открыт комитет союза, а на Базарно-Сызганской, Измайловской и Румянцевской фабриках — его отделения. На каждом предприятии создавались стачечные кассы взаимопомощи, делались попытки организовать отряды рабочей милиции.

20 августа, посовещавшись, депутаты фабрик решили, что П. Ф. Матвееву в Базарном Сызгане оставать-

ся небезопасно. Сызганские текстильщики проводили Петра Федоровича до Гурьевки; здесь его укрыл в своем доме ткач Павел Бортнев.

Волнение нарастало. На следующий день по заданию комитета на Румянцевскую фабрику отправился один из агитаторов, рабочий Петр Афанасьев. Более 200 текстильщиков собралось на митинг.

— Сколько можно молчать? Сами видите, бастовать надо. Покажем хозяину, чего мы стоим. И оружие в руки взять — так надежней.

Афанасьева поддержал ткач из местных — Тимофей Воеводин:

— Верно, будет оружие — сразу поймут нашу силу. Давай, мужики, собирай деньги, кто сколько сможет.

Многие побежали домой за сбереженной копейкой.

24 августа фабрика остановилась. Рабочие предъявили Протопопову требования: прибавить наполовину заработную плату, выплачивать квартирные тем, кто проживает на квартирах, сократить рабочий день с 12 до 10 часов, во время болезни выдавать пособие (50% жалованья) в течение двух месяцев, выплату зарплаты производить еженедельно, а продукты из лавки отпускать всем на равных условиях.

Протопопов, получив через заведующего фабрикой эту петицию, взъярился и тут же послал телеграмму симбирскому губернатору: «Рабочие забастовали... Опасаясь дальнейших осложнений, прошу Ваше Превосходительство приказать исправникам, в случае моего требования, оказать помощь». 26 августа рота солдат прибыла в Жадовку. Но ее появление не устрашило стачечников.

— Чего нам бояться, — выступали перед своими товарищами передовые рабочие Федор Агафонов, Степан Панюшкин, Николай Лебедев и Николай Горшенин. — Солдаты такие же рабочие и крестьяне, как и мы...

Но привлечь войска на свою сторону стачечникам не удалось. На следующий день вновь собрались ткачи и прядильщики, сукновалы у фабричной конторы. Вышел Протопопов, окруженный полицейскими, резко заявил текстильщикам:

— Ваши требования невыполнимы. А за забастовку подстрекатели будут наказаны по закону. Предупреждаю: еще один день без работы — и каждый из вас получит расчет.

Толпа заволновалась. Ничего хорошего владельца не ожидало, и он спешно укрылся в конторе фабрики.

— Здесь нам делать нечего, — прокричал над толпой Петр Афанасьев, — пошли в Жадовку, там все и обсудим.

Более тысячи человек двинулись от фабричных ворот и прямо в поле, не доходя до села, устроили митинг. Высоко реяли красные флаги. Выступали даже те, кого считали тихими: пожилые, многодетные рабочие. Михаил Щербаков громко читал запрещенный «Манифест» разогнанной Государственной думы, прокламации РСДРП.

В возбуждении забастовщики не заметили, что их окружили стражники. Как ни пытались текстильщики защитить своих вожаков, но двое — С. Панюшкин и Ф. Агафонов — были схвачены. Рабочие не ожидали, что их разгонят силой оружия. Организованность была нарушена. Толпа рассеялась.

Но пришел следующий день, и вновь жажда свободы и борьбы с бесправием пересилила страх. Продолжали агитацию и оставшиеся на свободе члены Союза рабочих депутатов. Текстильщики вновь собрались на митинг, на этот раз в лесу.

Представители власти стояли в сторонке. А. Д. Протопопов договорился с приставом Карсунского уезда Писаревым не сразу разгонять собрание: «Узнаем, о чем думают, их вожаков приметим». В самую гущу стачечников подослали переодетого шпиона.

Когда с телеги, служившей трибуной, прозвучали слова: «Товарищи, примыкайте к Союзу рабочих депутатов, берите в руки оружие!» — пристав решил: пора. Стражники, пробившись через толпу, арестовали оратора — это был Горшенин — и еще одного члена союза, Лебедева.

Забастовщики потеряли руководителей, и это вынудило их смириться. 30 августа они вышли к станкам, хотя Протопопов не удовлетворил ни единого их требования, а 26 рабочим дал расчет и выселил из квартир.

После ареста членов союза нарушилась связь румянцевских суконщиков с Гурьевкой. А между тем около двух тысяч текстильщиков фабрики Т. Акчурина были готовы прийти на помощь товарищам. По первому сигналу откликнулись бы сотни человек и с Измайловской фабрики. Предчувствуя это, власть имущие направили

в Гурьевский район такое количество военной силы, какого здесь никогда не видели. Одна рота усмиряла рабочих Румянцевской фабрики, полроты ушло в Старое Тимошкино, а роту 7-го Ревельского полка во главе с капитаном Степановым отправили для принятия профилактических мер на Гурьевскую фабрику. Власть карателям дали неограниченную.

...Отряд Степанова вошел на территорию через «макайские» ворота, и горе было тем, кто попадался на его пути: никого не миновали нагайка или приклад.

В ответ из ткацкого корпуса в солдат полетели кирпичи.

— Рота! с плеча! залпами! огонь! — скомандовал капитан Степанов.

Зазвенели, разбиваясь, стекла. В корпусе кто-то застонал. После пяти залпов отряд покинул двор фабрики. Пятеро рабочих были ранены пулями, двое — штыками.

— Это что же делается, братцы?..

У ткацкого корпуса собрался митинг.

— На нашем знамени кровь раненых товарищей, — выступил кадровый текстильщик Александр Дмитриевич Панин. — За что, скажите, пострадали Бочков, Готовцев, Прокофьев, Баринов, Панкратов?

— Долой царя-кровопийцу! — подхватил член союза рабочих депутатов Иван Драгунин. — Будем биться все вместе, — обратился он к участвующим в митинге ткачам Измайловской фабрики.

Притушенное в Жадовке пламя вновь разгоралось. Симбирский губернатор Старынкевич, почувствовав это, срочно телеграфировал полковнику Мекленбурцеву: «Необходимо сломить сопротивление рабочих, которых с ближайших фабрик может собраться несколько тысяч. Прошу завтра выслать подкрепление...»

В поисках рабочих вожаков каратели ходили по цехам, мастерским, квартирам. Били, секли, допрашивали людей, производили обыски. 18 человек отправили в карсунскую тюрьму. Но вожаков никто не выдал.

Членов союза Петра Алексеева, Дмитрия Сафронова и других укрыли текстильщики фабрики Шатрова. В квартирах Д. Данцова и В. Корнилова прятались и руководители стачечного комитета с Румянцевской фабрики. Петра Федоровича Матвеева проводили на надежный лесной кордон.

Не успели каратели захватить и трех организаторов гурьевской боевой дружины Якова Расторгуева, Тимофея Сыромятникова, Василия Суслова: те отправились в Ишеевку на фабрику Арацкова.

Стачка текстильщиков в Гурьевском районе была подавлена. Но она пробудила суконщиков от вековой спячки. Подняла революционное знамя молодежь (Петру Алексееву было 22 года, Василию Агафонову — 19). Поняли, что без борьбы настоящей жизни не видать, и кадровые, пожилые текстильщики. Подобие иваново-вознесенского совета, гурьевский Союз рабочих депутатов был зачатком новой, рабочей власти. Стачка помогла симбирским текстильщикам встать на большевистский путь в 1917 году.

Отголоском гурьевских событий прозвучали и новые забастовки на фабриках губернии в 1907 году, несмотря на то, что в целом революционное движение пошло на спад, а реакция подняла голову. В январе добились повышения расценок ткачи Тепловской фабрики Агишева, провели «итальянскую» забастовку (в цехи приходили аккуратно, но к работе не приступали) суконщики Самайкинской фабрики товарищества Акчуриных.

Но не изжили еще многие текстильщики и иллюзий о помощи сверху. Так, рабочие Языковской фабрики Степанова составили послание министру внутренних дел. От имени всех ткач Петр Данилович Благов писал в нем: «Весь рабочий народ живет самым печальным образом, все дорого, цены все зависят от того, какие назначит контора... Заработки встали, жалованье изменилось... От конторского и хозяйского самоначалия нам, рабочим, стало критическое положение, только растут одне угрозы и увольнения...»

Не получив ожидаемого ответа, Петр Благов прозрел. Он написал в социал-демократическую газету «Наши дни». Его сообщение приняли. Написал еще. Так ткач Благов стал одним из первых рабочих корреспондентов в Симбирской губернии.

И все же языковские суконщики в 1907 году дружными действиями добились того, что М. Ф. Степанов повысил расценки почти во всех производствах. А вот Тимербулат Курамшевич Акчурин либеральничать не стал. Когда на Гурьевской фабрике в январе 1908 года забастовали рабочие, он закрыл предприятие и всем объявил расчет — метод локаута теперь стал популярен

среди фабрикантов. Печально кончились для рабочих стачки на Мулловской (1907), Гурьевской и Старотимошкинской (1908) фабриках. В Мулловке обанкротившийся Х. Х. Алеев закрыл предприятие, и 900 рабочих были выброшены на улицу (возобновила работу фабрика лишь в 1909 году).

Казалось, в условиях черносотенной реакции никакому революционному движению не суждено было возродиться. Но искры тлели. И даже в 1910 году, когда вся Россия переживала мрачное время полевых судов, тюрем и ссылок, вспыхнуло пламя на Игнатовской суконной фабрике И. А. Виноградова. Причина состояла в том, что хозяин распорядился остановить все 37 ручных ткацких станков, которые были малопроизводительны, невыгодны, а рабочих отсюда перевести на механические станки, отчего заработки резко падали. Ткачи решили потребовать от фабриканта увеличения расценок с 1 рубля 30 копеек до 1 рубля 90 копеек для тех, кто работал на механических станках вдвоем. Особым требованием рабочих было и увольнение управляющего Д. И. Нефедьева, который не упускал случая поиздеваться над суконщиками, штрафовал их за каждую мелочь.

Готовясь к забастовке, игнатовские текстильщики договорились о создании артели, 5 ноября состоялся сбор во въезжей избе.

— Пиши, — объяснял ткач Яков Морозов волостному писарю Петру Савинову, — что в артель мы собираемся на случай забастовки и обязуемся в случае увольнения хозяином нашего человека из артели выплачивать уволенному пособие.

25 января 60 ткачей начали забастовку. На работу не пустили ни жен, ни детей. Встала почти вся фабрика. Даже приехавший инспектор Курочкин поделать ничего не мог. Но Виноградов выполнять требования ткачей не соглашался. Он вызвал полицию, и 27 января прибыли два отряда. К этому времени среди рабочих уже не было единодушия: продолжать забастовку или выходить к станкам. Часть из них вернулась на фабрику. Появление полиции поколебало и оставшихся.

У 90 человек были произведены обыски на квартирах, многих допрашивали, отдали под суд. А хозяин в отместку за стачку снизил расценки на 10—20 копеек, заставил ткачей, как прежде, платить шпульникам из своего кармана.

Фабриканты, мстя трудящимся за революцию, наступали. Положение рабочих усугублялось тем, что суконная промышленность вплоть до предвоенных лет не могла выйти из застоя, ее продукция имела плохой сбыт. Чтобы не терять своих барышей, хозяева драли три шкуры с текстильщиков. В 1908 году штрафы на Гурьевской фабрике составляли 264 рубля, а в 1911 году дошли до тысячи. Даже в период подъема отрасли, в 1914 году, рабочие Румянцевской фабрики писали в еженедельник «Заря Поволжья»: «Жалованье получаем нищенское: от 6 до 16 рублей в месяц, да и те не выдаются аккуратно и полностью, а заставляют брать товаром из фабричной лавки... всегда приходится за все переплачивать». Текстильщики жаловались на преследующие их болезни («От принятия сухой пищи 23 рабочих страдали катаром желудка»), на скверные бытовые условия. Так, за отопление приходилось платить по 50 копеек в месяц, но дров выделяли столько, «чтобы не было теплее 10—11 градусов, а если кто вздумает самовольно взять дрова, того штрафуют до 1—2 рублей в месяц и грозят расчетом».

Такие порядки были у А. Д. Протопопова, который разглагольствовал с трибуны III Государственной думы о бедственном положении рабочих. Что же говорить о других, например, о кулаке от природы С. Бахтееве, к которому в 1910 году перешла Мулловская фабрика! Здесь рабочий получал в среднем 8 рублей 88 копеек, в то время как текстильщик Московской губернии зарабатывал в среднем 19 рублей 20 копеек. Не изменились порядки и у Арацкова на Ишеевской фабрике. «Труднее всего девушкам доставалось, — вспоминала в 1935 году на страницах газеты «Пролетарский путь» ткачиха Е. И. Шанина. — Беда, если красивая. Особенно отличался старший брат хозяина... подойдет к которой... или поддайся... или с фабрики выбросят. Если на фабрике отец, мать, брат работает, и их выгонят».

А остаться безработным было страшнее всего. После неурожайного 1911 года в губернии свирепствовал голод. Кроме того, циркуляр департамента полиции предписывал: «Безработные, как принадлежащие к наиболее беспокойному и сомнительному элементу населения, должны быть подчинены строгому наблюдению со стороны органов местной полиции».

Между членами «Союза фабрикантов и заводчиков

Симбирского района», который стал последователем монопольного «Союза 19 суконных фабрик района Волги», существовало соглашение: уволенных за забастовку рабочих ни на одно предприятие не брать.

— Теперь другие времена — не побастуешь, — увещевали пожилые рабочие молодежь. И если вспыхивало в эти годы пламя протеста, основная масса суконщиков держалась в стороне.

В этот период фабриканты, как никогда, делали ставку на расслоение текстильщиков. Например, у Н. Я. Шатрова ткач, вырабатывающий до 10 аршин в день, получал за половинку 1 рубль, а другой, дающий от 10 до 20 аршин, — уже 2 рубля. Конечно, последний, более опытный, становился и более зажиточным, борьбы за общие интересы не признавал. В 1911 году 20 отбойщиков Ишеевской фабрики, требующие выдачи зарплаты деньгами, были уволены и даже не получили никакого расчета. В 1912 году мартовская забастовка ткачей Гурьевской фабрики также окончилась тем, что хозяин выбросил за ворота 19 рабочих, хотя требования их были чисто экономические: не снижать расценки в ткачестве и разрешить отдыхать на праздничную пасхальную неделю.

Когда год спустя начались волнения на предприятии товарищества Акчуриных в Старом Тимошкине, директор-распорядитель Якуб Тимербулатович Акчурин смекнул:

— Мы их переломим, если разобьем единство.

Так и сделали. Кто не хотел трудиться по новым, заниженным расценкам (1 рубль 66 копеек вместо 2 рублей 77 копеек при 19 прометах за половинку суровья) да еще требовал оплаты за сверхурочные работы, сразу же получал расчет. Девятерых уволенных ткачей заклеймили «стачечниками», в губернии их фамилии стали известны, и найти работу они смогли только в далеком Баку.

Стачка на Игнатовской фабрике наследников Виноградова (апрель 1914) — единственная в те годы, которая принесла победу рабочим: расценки в ткачестве хозяева не решились снизить.

О политических требованиях пока речь не заходила. Текстильный пролетариат губернии некому было повести за собой. Группа РСДРП сохранилась только в Сызрани. Многие большевики были арестованы. В частно-

сти, М. А. Гимов оказался в тюрьме еще осенью 1907 года.

Правительство, чтобы отвлечь трудящихся от борьбы, шло на разного рода реформы. 23 июня 1912 года царь высочайше утвердил закон об обеспечении рабочих на случай болезни и их страховании. Но учреждение на предприятиях больничных касс большинство текстильщиков восприняло без особого энтузиазма: кассы должны были содержаться на средства самих рабочих — значит, снова раскошеливайся. Кроме того, в правления касс мало кто попадал из рядовых суконщиков; в основном здесь оказались «белогорлики» — конторщики, мастера, подкупленная хозяевами рабочая элита. Румянцевские текстильщики, например, настолько враждебно отнеслись к нововведению, что администрации фабрики вплоть до 1914 года не удавалось наладить работу больничной кассы.

Зато открытию потребительских обществ рабочие искренне радовались.

— Разве сравнишь с хозяйской лавкой: там пуд ржи стоил рубль, а здесь шестьдесят копеек, как и положено.

Первые потребительские общества были открыты на Старотимошкинской и Ишеевской фабриках. Но кооперативы были слабыми, а цены росли. Общее положение суконщиков ухудшалось, несмотря даже на бурный подъем, начавшийся в текстильной промышленности в 1912 году.

Другое дело — фабриканты. Почувствовав, что кризис сбыта кончился, они лихорадочно стали выжимать все, что было возможно, из оборудования и тех, кто его обслуживал. Но для новых потребностей дедовские станки оказались слабы. Что делать? Заменять? Это требовало больших затрат. А не проще ли старые корпуса со всеми машинами сжечь и на полученную страховку вновь отстроиться?

Метод такой существовал и прежде: например, Старотимошкинская фабрика горела в 1864, 1870, 1874, 1879 годах. В последнем пожаре погибло 38 работников, спавших в ткацком корпусе. А 7 октября 1897 года огонь уничтожил аппаратный цех на Языковской фабрике. Владелец не пострадал — им была получена страховка, 205 тысяч рублей, и выстроен новый каменный корпус.

В 1911 году М. Ф. Степанов вновь почувствовал необ-

ходимость «реконструировать» главный корпус. 29 апреля тот сгорел, фабрикант же опять не остался внакладе.

В ночь с 18 на 19 июня 1911 года запылала Ишеевская фабрика Арацкова.

— Я потерял все, — рыдал хозяин перед представителями страхового общества «Россия». — Чтобы свести концы с концами, придется отдать оставшиеся помещения под винокуренный завод. Иначе с долгами не рассчитаюсь.

Не успело отладиться винокуренное производство, Арацков его прикрыл. И на страховые деньги вновь заработала суконная фабрика — в канун войны она стала более доходной.

В сентябре 1910 года поджег свое предприятие в Мулловке купец Алеев. В 1912 году горела Игнатовская фабрика. После пожара здесь возвели новый трехэтажный корпус, установили динамо-машину — электричество шло на освещение, вместо двенадцатисильной паровой машины поставили новую в 250 сил и еще двигатель внутреннего сгорания.

К началу первой мировой войны, поднявшей производство шинельных тканей на небывалый уровень, многие симбирские фабрики обзавелись новыми помещениями и техникой. Например, на Румянцевской фабрике действовали 10 паровых котлов, два газогенераторных двигателя по 160 сил и две водяные турбины. Они приводили в действие 9 трепальных машин, 12 чесальных аппаратов в 1200 нитей всего, 25 сельфакторов на 8930 веретен. 136 механических ткацких станков выпускали шинельное и портяночное сукно для армии. А на 15 ручных вырабатывался товар для рынка: бобрик, байка, трико, одеяла. За 1914 год со станков Румянцевской фабрики сошел 1 миллион 200 тысяч аршин разного сукна на 1 миллион 232 тысячи рублей.

Когда началась война, по сто и более тысяч аршин суконной продукции в месяц вырабатывали Измайловская, Гурьевская, Старотимошкинская, Языковская фабрики, несколько меньше — Игнатовская и Мулловская. Владельца ишеевского предприятия сам вице-губернатор убеждал поднять выпуск сукон до 100 тысяч аршин. Но для этого нужно было увеличить зарплату суконщикам, ввести сверхурочные работы и дополнительную оплату за них, премии «за усердную работу». Фабри-

кант не желал излишних хлопот, он и так получал многотысячные барыши и согласился сдавать в военное ведомство лишь по 85 тысяч аршин ткани в месяц.

— Из рук капитал упустил, — посмеивались над решением Арацкова симбирские фабриканты сукон. Они поняли, что война — это золотая река в их карман. Ссылаясь на нужды фронта, а кому-то грозя отправкой на фронт, можно было заставить рабочего стоять у машины по 11—12 часов. А интендантские приемщики поначалу открыли зеленую улицу для сбыта любого, даже некачественного, сукна.

Но позднее военное ведомство стало придирчивее. Работы же на большинстве предприятий продолжали вестись лихорадочно, без учета качества. В ноябре 1914 года интендантская комиссия забраковала большую партию тканей на Языковской фабрике. М. Ф. Степанову это грозило огромным штрафом. И в ночь на 18 декабря фабрика загорелась в пяти местах. С ведрами и кадками бежали из села текстильщики. Но разве зальешь море огня? Через несколько часов от здания остались лишь закоптелые кирпичные стены да черное основание.

Усталые люди уныло брели по домам, зная, что завтра останутся без куска хлеба. И невдомек им было, что в это время механик фабрики, сняв трубку телефона, попросил:

— Пожалуйста, дайте Симбирск, дом Степанова... Михаил Федорович, прошу простить, что разбудил, но вы сами просили позвонить сразу же. Ваше указание выполнено...

М. Ф. Степанов внакладе не остался. К 1917 году он увеличил оборотный капитал предприятия по сравнению с 1913 годом почти в два раза, до 2 миллионов рублей в год.

От всех фабрикантов Степанов отличался особой расчетливостью в отношении к рабочим. Он не разглагольствовал о «рабочем вопросе», как Протопопов, и не заигрывал с текстильщиками, платя за них недоимки, как Виноградов. Был строг: за кражу шпули с нитками провинившегося сразу увольнял с фабрики. Но тех, кто отменно трудился, хозяин освободил от призыва на фронт. Подкупал М. Ф. Степанов рабочих и тем, что способствовал их просвещению, духовному росту. Если об Измайловской фабрике Н. Я. Шатрова

губернская газета «Симбирские вести» писала, что здесь «книга и газета преследуются, как личные враги», а в Румянцеве, Гурьевке и Старом Тимошкине культивировались кулачные бои, то на Языковской фабрике еще в 1898 году был основан хор певчих. В 1901 году здесь построили фабричный театр, зал которого вмещал 800 человек. В 1903 году открыли начальную 60-местную школу для детей рабочих.

Истинной гордостью языковцев стал духовой оркестр, родившийся в 1900 году. Из 800 работников фабрики 70 человек играли в нем. Михаил Федорович Степанов купил инструменты, пригласил из Москвы профессионального дирижера Зельдина. Музыканты из текстильщиков подобрались поистине талантливые, и оркестр в скором времени стал широко известен. На арендованном пароходе он плавал с гастролями по волжским городам. Время выступлений и репетиций фабрикант считал рабочим временем и зарплату оркестрантам сохранял. Оркестру помогало и то, что жена фабриканта Наталья Осиповна, певица Большого театра, оказывала значительное влияние на мужа. Человек истинно интеллигентный, она не считала зазорным, приехав в Языково, дать концерт для рабочих.

Все это рождало добрую славу о Языковской фабрике и ее владельце. М. Ф. Степанов попадал в цель: производительность на его предприятии была наивысшей в губернии. Если в 1898 году здесь выпускали в день до 80 пудов пряжи, то к 1917 году — 300 пудов. Уже в начале века стали славиться в России пушистые, мягкие жаккардовые одеяла, выпускаемые языковцами. Магазины от фабрики в Москве, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде не знали отбоя от покупателей.

Если М. Ф. Степанов находил возможность отчислять из сверхприбылей несколько десятков рублей на содержание оркестра, то другие промышленники тратились исключительно на себя. Н. Я. Шатров построил в Симбирске шикарный особняк*. А Акчурины кутили настолько широко, что попадали даже на страницы центральной печати.

С началом первой мировой войны текстильные фаб-

---

* Ныне здесь расположен Дворец бракосочетания (ул. Гимова, 3).

риканты Поволжья начали восходить и по политической лестнице. Владелец Румянцевской фабрики Александр Дмитриевич Протопопов был избран депутатом Государственной думы от контрреволюционной партии октябристов. Бурная законодательная деятельность заставила его перебраться в Петроград, где он сошелся с Григорием Распутиным. Благодаря помощи царского фаворита уже в сентябре 1916 года Протопопов занял пост министра внутренних дел. Человек психически неуравновешенный, он за пять месяцев вконец развалил министерство и сам признавался, что не может им управлять. Даже подчиненные и коллеги Протопопова называли его доклады в Царском Селе фантазиями, а на приемы, которые устраивал министр, не ходили, подчеркивая этим свое неуважение к нему.

Все прогнило. Век протопоповых, акчуриных, шатровых стремительно катился вниз. И, словно предчувствуя надвигающуюся грозу, хозяева повышали давление в фабричных котлах, стремились выжать все возможное не только из машин, но и из рабочих. Уже к концу 1914 года выпуск продукции симбирских фабрик увеличился на 25—30 процентов в сравнении с довоенным периодом. Губерния стала прочно занимать второе место в стране (после Московской) по выпуску шерстяных тканей. За счет чего? Ведь нового оборудования никто не ставил (откуда возьмешь — война!). Напротив, как писал из Измайловки доверенный фабриканта Шатрова Малиновский: «Машины... механизмы приходят в скорую негодность благодаря безостановочной работе на армию». На Ишеевской фабрике в целях экономии Арацков устанавливал даже станки, купленные на аукционе. Таким образом, выпуск продукции суконных предприятий бешено рос единственно за счет усиления эксплуатации текстильщиков. Измайловская. Румянцевская, Игнатовская и Мулловская фабрики работали безостановочно 7 дней в неделю и 24 часа в сутки. А капиталисты поначалу даже не думали увеличивать зарплату.

В Поволжье появилось много беженцев, военнопленных, и предприниматели довольно потирали руки:

— Нашим, местным, это хорошие конкуренты.

Но ставка на безработных не оправдалась. Фронт забирал все больше мужчин, к станкам становились их жены и дети. И все же рабочих, особенно квалифицированных, не хватало. Пришлось увеличивать зарплату.

За 1915—1917 годы у симбирских суконщиков она возросла примерно на 30—50 процентов. Даже скупой владелец Мулловской фабрики Бахтеев довел ее в 1916 году до 18 рублей в месяц. Но цены на продукты выросли в 3—4 раза. Вздорожали квартиры, дрова, многое другое. Рубль обесценился.

С фронта в фабричные села возвращались калеки. Они рассказывали горькую правду о войне: о засыпанных в окопах товарищах, о газовых атаках немцев.

— Только шинель наша, матушка, и согревала душу. Война — будь она проклята...

Антивоенные стачки в центральных губерниях страны находили отклик у текстильщиков Поволжья. «Мы, группа рабочих фабрик и заводов при селе Жадовка Симбирской губернии, — говорилось в «Приветствии бастующим рабочим Костромского района» (июль 1914 года), — пришли к заключению, что настоящая забастовка есть следствие ужасных условий всей рабочей жизни и невероятно низкой заработной платы. Хищнической политике фабрикантов-капиталистов должен быть положен конец. Рабочие являются главными производителями народных богатств, а поэтому ваши требования есть наши требования. Стойте твердо и боритесь до конца».

Большевики вели работу среди суконщиков. В Старом Тимошкине создал революционный кружок С. С. Гафуров, член Бакинского комитета РСДРП(б), высланный за антивоенную пропаганду из Закавказья. Под прикрытием больничной кассы действовали большевики на Гурьевской фабрике.

На языковском предприятии работал член большевистской партии Алексей Герасимович Степанов. Найдя опору в фронтовиках, он организовал здесь группу РСДРП. Действовал со знанием дела. В то время на фабрике участились несчастные случаи, жертвами которых были женщины и подростки, сменившие у станков опытных рабочих. Эти факты использовал большевик Степанов в своих беседах. А от очевидных истин переходил к вопросам политической борьбы.

В фабричных бараках Мулловки по вечерам открывали агитаторы запрещенные брошюры, читали прокламации. От Мелекесской группы РСДРП тут действовали помощник мастера М. Иванов и рабочий А. Дергачев.

Время требовало коренных перемен. И ни «патриотические» призывы фабрикантов, болеющих в основном

за свой карман, ни их угрозы лишить рабочих брони, отправить на фронт не в силах были противостоять нарастающему голосу народного протеста.

Сквозь вихри двух революций, огонь гражданской войны

В начале марта 1917 года на Языковскую фабрику вдруг перестали поступать газеты. Рабочие недоумевали: в чем дело? Дошел слух о больших событиях в Петрограде и Москве. Решили командировать нарочного в Симбирск. На следующий день он сообщил по телефону:

— Слушайте, что пишут: «В Питере море красных флагов. Царь Николай отрекся от престола».

Зашумело, заликовало Языково. Отыскались газеты, которые фабрикант М. Ф. Степанов приказал запереть в чулане на почте. Прочитав их, революционная группа рабочих — шорник Дремолов, валяльный мастер Волков, аппаратчик Ермаков во главе с большевиком А. Г. Степановым бросили клич: все на митинг!

Наконец-то можно было свободно выговорить то, что накипело! Но восторг так переполнял сердца, его так хотелось выплеснуть, что кончился митинг — и началась многолюдная демонстрация. Рабочий хор запел «Марсельезу». Красные флаги вспенили улицу. В колонну влились военнопленные; они несли плакат «Да здравствует свободная Россия и свободная Чехия и Венгрия!». Манифестация стала интернациональной.

Через несколько дней текстильщики узнали о похоронах жертв революции в Петрограде на Марсовом поле, и вновь Языково вскипело демонстрацией. Около 3 тысяч человек — крестьян-бедняков, военнопленных — повели за собой суконщики. А вечером в фабричном клубе собрался народ на большой траурный митинг.

— Капиталисты-эксплуататоры отнимают у наших братьев-рабочих жизни, — говорил А. Г. Степанов. — Отнимем же и мы присвоенное ими право распоряжаться нами. Мы требуем восьмичасового рабочего дня для взрослых и шестичасового — для подростков, лечения в случае болезни за счет фабрики, а для товарищей крестьян — земли.

Фабрикант пытался уволить А. Г. Степанова за аги-

тацию. Но текстильщики вступились за него, пригрозив забастовкой. Для защиты своих прав они создали рабочий комитет и рабочую милицию. А в конце марта А. Г. Степанов был избран языковцами в Симбирский Совет рабочих депутатов.

Большевики укрепляли свои позиции на предприятиях. С 1913 года существовал подпольный кружок на льнопрядильной фабрике в Мелекессе. Его ядро составляли Я. Е. Пискалов, В. В. Кисин, И. Л. Ларин. Еще в 1916 году, умело организовав ткачей и прядильщиков, они сумели добиться от фабриканта Алексеева сокращения рабочего дня на два часа и увеличения зарплаты почти в два раза. После февральского переворота мелекессцы создали свой местный союз текстильщиков (председателем избрали Ларина). Фабрику стал охранять красногвардейский отряд из 80 человек. Чтобы вооружить рабочих, в Казань был послан член ревкома В. А. Тараканов; он привез несколько сот винтовок и 15 тысяч патронов. Льнянщики одними из первых в Поволжье организационно оформили в сентябре 1917 года партийную ячейку.

Мелекесские большевики не забывали и о Мулловской суконной фабрике. Сюда приезжали с революционной агитацией Я. Е. Пискалов, Е. Н. Аблов, В. А. Тараканов и Н. И. Юсов (впоследствии — член правления союза текстильщиков Поволжья). Под их влиянием действенной силой стал фабричный комитет. Он добился от хозяина установления трехсменного режима работы, а значит, 8-часового рабочего дня. Были пересмотрены расценки: средняя зарплата рабочих увеличилась в 2,2 раза.

Среди активных большевиков губернии был Захар Иванович Маслов. Член РСДРП(б) с 1912 года, он в разное время работал на трех предприятиях Гурьевского фабричного района и везде вел широкую партийную деятельность. Февральскую революцию встретил в Гурьевке. Опытный партиец, Маслов основал большевистскую организацию, нашел здесь рабочих-сподвижников. Революционные суконщики обезоруживали урядников, сами записывались в рабочую милицию.

В середине марта из Симбирска на Гурьевскую фабрику приехал губернский комиссар Временного правительства. В своем выступлении потребовал: оружие сдать, выступлений не производить.

— Что же получается, товарищи, — взял слово рабочий Х. Аитов, — разоружают нас. К старым порядкам возвращают. Мол, ждите Учредительного собрания, а пока работайте по старым расценкам и по одиннадцати часов вместо восьми. Не пойдет так!

Комиссар Временного правительства уехал ни с чем. Оружие ему рабочие не сдали и свои требования к хозяину оставили в силе. Сумели добиться и восьмичасового рабочего дня, и повышения заработка. Вслед за гурьевским фабрикантом на уступки пошел владелец Игнатовской фабрики.

20 марта митинговали измайловские текстильщики. Директор фабрики Патрикеев решил на митинге взять инициативу в свои руки.

— Товарищи, — взобрался он на ящик, служивший трибуной, — да здравствует революция! Я желаю того же, чего желаете вы. Я демократ-республиканец. Послушайте, что сказано в программе нашей партии, — он начал громко читать программу партии кадетов.

Рабочие загудели, возмущение росло.

— Вот вы шумите, — хриплым голосом старался перекричать он толпу, — требуете восьмичасового рабочего дня. Но даже на Западе, на великом Западе, нет такого. А что говорить о России? Идет война. Наш долг — защищать Отчизну и победить. А вы, не желая работать, подводите армию. Не верьте большевикам. Это немецкие шпионы...

— Нечего его слушать, — прервал Патрикеева один из ткачей.

— Товарищи, давайте голосовать за восьмичасовой рабочий день, — прибавил выступавший на митинге З. И. Маслов. — Нам не нужна война!

Рабочие руки потянулись вверх.

Тут директора-«демократа» словно подменили.

— Закрою фабрику — с голоду передохнете, — злобно выкрикнул он.

— Врешь, не закроешь. А закроешь, сами дело поведем, — был ответ со всех сторон.

На следующий день текстильщики явочным порядком работали только восемь часов. Дирекция была вынуждена отступить.

В этот период, когда большевистские организации еще не успели окрепнуть после многолетних гонений и репрессий, были недостаточно сильны, многие Советы

находились в руках соглашателей с буржуазией — меньшевиков и эсеров. Под их влияние часто попадали и рабочие-текстильщики. Так случилось и на первом съезде представителей суконных фабрик Симбирской губернии.

16 апреля в Гурьевку съехались делегаты от 11 текстильных предприятий. Большевиков было немного: из Самары приехал будущий участник VI съезда РСДРП(б) Ю. К. Милонов, из Симбирска — А. Г. Степанов; в Гурьевке они встретились с З. И. Масловым и Ф. В. Сорокиным *. Эсеро-меньшевистские лидеры попытались вовсе избавиться от большевистской оппозиции, вывести ленинцев из правления. Но рабочие не допустили этого.

Большевикам не удалось в те дни повлиять на решения съезда. Принятые резолюции в основном касались экономических вопросов (8-часовой рабочий день и т. п.), а политическую линию соглашатели определили так: ждать созыва Учредительного собрания, поддержать лозунг войны до победного конца. И все же съезд стал крупным событием — он явился первым шагом к профессиональному объединению текстильщиков губернии. Был избран исполнительный комитет, определены оптимальная продолжительность рабочего дня и размеры заработной платы. Для связи с Симбирским Советом текстильщики направили двух представителей.

Решения съезда были предъявлены «Союзу фабрикантов и заводчиков Симбирского района».

— Какая наглость! — негодовали капиталисты, собравшись 25 мая на общее совещание в губернском центре.

— Но, господа, — взял на себя примирительную роль владелец Языковской фабрики М. Ф. Степанов, — все мы понимаем, что время сейчас не то. Чтобы не потерять большее, надо идти на уступки.

И все-таки большинство хозяев решило уступить рабочим лишь в одном их требовании: доплачивать живущим на фабричных квартирах по 10 рублей в месяц. За простои по недостатку пряжи, то есть за простои по вине владельца, капиталистический союз отказался платить. Отверг он и требование текстильщиков отпускать продукты в фабричных лавках по твердым ценам.

* Член румянцевской фабричной организации РСДРП(б) Филипп Васильевич Сорокин являлся, как и З. И. Маслов, рабочим корреспондентом марксистского еженедельника «Заря Поволжья», выходившего в Самаре.

3 Заказ 229

Больше того, фабриканты постановили: «...за продукты, отпущенные в лавке по удешевленным ценам, ввиду повышения заработной платы, разницу в ценах удерживать с рабочих».

Видя, что буржуазия осталась революционной лишь на словах, текстильщики приняли меры. На каждой фабрике были созданы рабочие комитеты, взявшие на себя функции рабочего контроля. Без их разрешения фабрикант не имел права увольнять или в чем-то ущемлять права рабочих.

Симбирская губерния являлась центром текстильной промышленности Средней Волги. И потому здесь, в Гурьевке, 24 июня 1917 года на 1-й делегатский съезд текстильщиков Поволжского района собрались 68 посланцев от 26 фабрик Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской губерний. Время ставило много острых вопросов: рабочие голодали, зарплата не поспевала за ростом цен. Съезд решил привлекать к ответу фабрикантов-саботажников, предъявить им требование: или повысить заработную плату, или организовать доставку хлеба по твердым ценам. На последнем заседании съезда, 28 июня, был учрежден профессиональный союз рабочих-текстильщиков Поволжского района. Первым председателем его правления избрали Петра Харитоновича Гладышева, который, приехав в губернию из Петрограда в начале 1917 года, за короткое время приобрел большой авторитет среди суконщиков.

До июльских дней 1917 года в России существовало двоевластие. Симбирские текстильщики своей властью безоговорочно считали Советы, органам Временного правительства не доверяли.

— Подписывайтесь на «Заем свободы», — агитировал гурьевских ткачей комиссар от Керенского. — Это святое дело. Оно будет способствовать победе над германцами в войне.

В пример ставился «патриотический подвиг» фабриканта Акчурина, который пожертвовал для армии свою бобровую шубу.

— Знаем, слышали, — отвечали рабочие. — На барыши от войны Акчурин десять шуб купит, а мы — погибай...

Подписка на заем в Гурьевке сорвалась. Сущие гроши она дала на Языковской фабрике. И лишь на Румянцевской заемщикам удалось собрать деньги: сказалось

то, что хозяин фабрики Протопопов на широкую ногу поставил агитацию за войну. Среди рабочих здесь распространяли газету «Русская воля», основанную самим Протопоповым, а в ней из номера в номер раздавались призывы воевать до победного конца.

Но доверяющих такой печати оставалось все меньше. Рабочим хотелось читать и слышать правду. В этом помогали большевики. З. И. Маслов вспоминал: «В июне нам удалось наладить бесперебойную доставку большевистских газет из Самары и Сызрани. Ежедневно мы получали до 200 экземпляров.

Однажды я получил телеграмму от В. В. Куйбышева и А. Х. Митрофанова из Самары, в которой говорилось: «Срочно переведите деньги за отправленные вам газеты». Однако денег у нас не было, так как газеты мы распространяли бесплатно. Не видя выхода, я ответил, что придется прекратить распространение газет. Митрофанов вызвал меня в Самару, в редакцию. «Ты что же, испугался деньги с рабочих собирать? Не бойся, рабочие будут покупать», — сказал он мне. И он был прав. Рабочие стали покупать газеты, и 200 экземпляров уже не хватало».

Большим авторитетом у текстильщиков пользовалась «группа труда» при Симбирском Совете рабочих и солдатских депутатов, которая разбирала конфликты между рабочими и предпринимателями. Благодаря прежде всего большевикам Гимову, Степанову, Сухову и Никитину она последовательно и принципиально защищала интересы пролетариата.

Но вместе с тем основная масса текстильщиков еще не научилась разбираться, кто в Советах действительно за рабочих и крестьян, а кто только делает вид, сам же заискивает перед толстым кошельком. Летом 1917 года при поддержке меньшевиков и эсеров, игравших главную роль в симбирских Советах, контрреволюция перешла в наступление.

Еще в мае карсунский уездный комиссар Временного правительства Днежицкий арестовал на Румянцевской фабрике трех большевиков — за агитацию. В конце июня реакционеры взяли под стражу члена правления профсоюза текстильщиков Поволжского района, председателя Карсунского Совета большевика В. Л. Вишнякова. Только по требованию солдатской секции Совета он был освобожден. На Языковской фабрике дирек-

ция запретила заседания фабричного комитета в рабочее время, вновь стала нанимать и увольнять людей без всякого согласования с ним. Для фабриканта настал удобный момент рассчитаться с А. Г. Степановым. Его уволили, а семье перестали выдавать продукты в лавке. Общее собрание рабочих решило защитить товарища, послало к хозяину делегатов для переговоров, но безуспешно.

— Я комитет ваш не признаю, — заявил М. Ф. Степанов. — А вашего вожака увольняю, потому что он слишком долго отсутствовал без моего ведома и разрешения. Что мне до того, что он какой-то там... — фабрикант саркастически усмехнулся, — депутат Симбирского Совета. Если недоволен, пусть жалуется в Центральную примирительную камеру или третейскому суду.

Еще больше обнаглел владелец Усть-Уренской и Лесно-Матюнинской суконных фабрик Г. А. Кузнецов. Он собственноручно дал расчет 11 рабочим, яростно саботировал народную власть, в голодные месяцы 1917 года оставил фабрику без сырья и продовольствия, не высылал текстильщикам зарплату. Его пытались урезонить правление профсоюза текстильщиков, Симбирский комитет охраны революции Временного правительства, Симбирский Совет. А Кузнецов продолжал гнуть свое. 23 августа он предупредил «Союз фабрикантов и заводчиков», что если власти не признают его хозяйских прав и не приведут к порядку «взбесившихся» рабочих, то через две недели он закроет фабрику.

Суконщики начинали понимать, что помощи от эсеро-меньшевистских Советов и союзов им не дождаться. Росло убеждение: только большевики — надежная сила и защита. И потому на 2-м делегатском съезде представителей текстильных фабрик Поволжья, состоявшемся в августе 1917 года, политика соглашателей провалилась. Съезд принял большевистскую резолюцию. Секретарем правления профсоюза текстильщиков избрали опытного партийца-ленинца Ш. Данелию, членом правления — большевика Ф. М. Панина.

Погнали прочь приспешников хозяев и из фабричных комитетов. Так, в новый состав фабкома Ишеевской фабрики суконщики выбрали товарищей, которым доверяли: прядильщика Дмитрия Григорьевича Сырейщикова — председателем, большевика Аввакумова —

заместителем, ткачей Рыженкова и Шарова, недавно вернувшихся с фронта Гульбина, Федотова и Храмова — полномочными членами.

Фронтовики, возвращаясь домой, привозили с собой номера «Правды», большевистские листовки.

— Царя свергли, а хозяева остались, — убеждали они остальных текстильщиков. — Мы по-прежнему спину гнем, голодаем, штрафы платим. Выходит, не довели до конца революцию, а только фабрикантам руки развязали. Возьмем оружие, товарищи, сами будем хозяевами! Вся власть — Советам!

Слыша пламенные призывы, кто-то колебался, но день ото дня сомнения уходили прочь, все больше симбирских текстильщиков верило сторонникам Ленина. В наказе съезда рабочих организаций губернии депутатам Учредительного собрания, принятом 11 октября 1917 года, уже звучали твердые большевистские ноты: ввести государственный контроль над производством, коллективные договоры, предоставить право увольнений самим рабочим, ввести бесплатное и обязательное образование, снабжать учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства, запретить женский ночной труд, при фабриках организовать ясли для детей рабочих. Только наказам этим суждено было воплотиться в жизнь не через Учредительное собрание, а через власть Советов.

В конце октября симбирские суконщики с ликованием узнали, что в Петрограде арестованы министры Керенского, а хозяевами в стране по праву стали трудящиеся.

История предопределила текстильщикам ведущую роль в борьбе за установление диктатуры пролетариата в Поволжье. Их позиция обеспечила перевес большевиков в Советах. Уже в начале ноября правление профсоюза текстильщиков разослало на все предприятия воззвание о поддержке Октябрьского восстания. Тогда же установили Советскую власть суконщики Гурьевки, Румянцева и Измайлова. Рабочие Игнатовской фабрики на 20 дней раньше, чем в губернском центре, а именно 7 (20) ноября, провозгласили власть Советов. Вслед за ними это сделали суконщики Языковской (8 (21) ноября), Ишеевской (9 (22) ноября) фабрик, а затем и остальных предприятий. Взяли власть мирно, без кровопролития и анархии. Хорошо организованные, рабочие

сумели дать отпор меньшевикам, эсерам и другим приспешникам буржуазии.

Ишеевцы устроили «суд народа»: управляющего Абушева из фешенебельной квартиры выселили в «Белые номера», чтобы на себе испытал, как жилось рабочим. К «гражданской казни» приговорили «Кольку Кривого», ненавистного мастера. Его посадили в мешок и в тачке под всеобщее улюлюканье вывезли за ворота фабрики: катись на все четыре стороны, чтоб духу твоего здесь не было. А на следующий день трудовая Ишеевка митинговала о правах женщин...

Хотели вывезти на позорной тачке своего директора Д. Хуторева и румянцевцы, но он, почуяв неладное для себя, ночью сбежал.

...Дня не обходилось без митингов, собраний, стихийных судов над вчерашними притеснителями. Однако многие суконщики пока не задумывались над тем, что выгнать с позором «Кольку Кривого», хоть это и здорово, впечатляюще, но еще не значит — выиграть революционный бой и утвердить социализм. Лишь большевики и наиболее сознательные рабочие понимали: борьба с «кривыми» продлится не один год, и биться придется не только за политическую власть, но, главное, за овладение сложнейшим искусством управления страной.

Текстильщики бдительно стояли на страже революционных завоеваний. Первыми в губернии они создали боевые отряды Красной гвардии. Когда в январе 1918 года в Карсуне кулаки устроили погром Совета, а чиновники открыто саботировали работу в учреждениях, суконщики немедленно пришли на помощь большевикам. С Гурьевской фабрики для подавления мятежа прибыли 75 красногвардейцев во главе с П. Бортневым (участником революции 1905—1907 годов), П. Х. Гладышевым, Ф. В. Сорокиным. Советская власть в городе была восстановлена.

— Революционное спасибо вам, товарищи, — благодарили текстильщиков карсунские партийцы П. Редькин, Н. Николаев, А. Свиязов.

Симбирскому Совету рабочих и солдатских депутатов в эти критические дни также оказали поддержку вооруженные отряды суконщиков, посланные с Языковской, Ишеевской и Старотимошкинской фабрик.

Поначалу при организации красногвардейских отря-

дов (а текстильщики выступали пионерами в этом деле) не обходилось и без оплошностей. Например, 4 января 1918 года гурьевские рабочие сообщали в Симбирск, в правление профсоюза текстильщиков, что на фабрике создана боевая дружина из 12 человек. Но оказалось, что дружину укомплектовали пришлыми людьми, бывшими солдатами, которые за жалованье — 150 рублей — несли охрану фабрики и поселка. По сути, это были обыкновенные сторожа. Большевистское правление профсоюза поправило гурьевцев: «Красная гвардия должна состоять из самих рабочих, а не из наемных солдат. Красногвардейцы, как и все, работают у станка, а по установленному распорядку несут дежурство, за что получают суточное вознаграждение».

Решением 3-го делегатского съезда текстильщиков, который начался в Симбирске в декабре 1917 года, при фабриках и при правлении Поволжского профсоюза были образованы специальные комиссии рабочего контроля.

— Фабрикантов на нашу сторону не привлечешь, — рассуждали рабочие,— добровольно работать на нас не согласятся. Но нужно отнять у них коммерческую тайну, научиться управлять снабжением, производством и сбытом.

Суконщики все чаще обращались за помощью в Симбирский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Так, 28 декабря 1917 года гурьевские рабочие писали в своем заявлении: «Мы нуждаемся в электрических лампочках, за неимением которых у нас стоят машины, нет ремней и другого материала». Они требовали силой вернуть Акчурина на запущенную фабрику, чтобы привести в порядок бухгалтерские и производственные дела.

Фабриканты пальцем не пошевелили, чтобы помочь тем, кто всю жизнь на них работал. Владелец старотимошкинского предприятия С. Фазлеев сбежал, доведя фабрику до полного развала, о чем журнал «Ткач» 15 декабря 1917 года сообщал: «Следственная комиссия по осмотру состояния фабрики Фазлеева дала чрезвычайно печальную картину состояния фабрики. Через месяц грозит остановка». На помощь старотимошкинцам пришли Симбирский Совет и правление профсоюза: во-первых, наложили арест на текущий банковский счет Фазлеева и принадлежащую ему

шерсть на складах в Казани, а во-вторых, убедили интендантскую комиссию принять дополнительно сукно от тимошкинцев. Удалось выплатить и зарплату рабочим.

В январе 1918 года Симбирский ревком арестовал за саботаж владельца Лесно-Матюнинской фабрики Г. А. Кузнецова. Но отстранить от управления всех капиталистов сразу было невозможно. Продолжал существовать «Союз фабрикантов и заводчиков Симбирского района». Буржуазия все еще надеялась отвоевать потерянное.

Держать текстильщиков в узде ей помогала массовая безработица. «Надо дать хоть какой-то заработок нуждающимся», — решил профсоюз текстильщиков и ввел на предприятиях шестичасовой рабочий день, четырехсменную работу, постановил в первые два месяца 1918 года каждому отработать по четыре дня в фонд безработных.

Мешало и другое зло — пьянство. Циркуляр профсоюза текстильщиков Поволжского района от 15 января 1918 года предписывал низовым организациям: «Всякого рабочего, появившегося в нетрезвом виде, следует рассматривать как врага революции и народа... 1. Рабочие и служащие за пьянство подлежат на первое время строгому выговору. 2. Во второй раз — подлежат исключению из союза, удалению с фабрики, о чем сообщается по всем фабрикам и союзам. 3. Предаются военно-революционному суду».

...Война с Германией не прекращалась. Фронту требовались шинели. Профсоюз текстильщиков взял на себя связь с поставщиками сырья, правление обратилось к рабочим всех фабрик с просьбой, привлекая служащих контор, составить списки коммерческих партнеров. Так текстильщики делали первые шаги к самостоятельному хозяйствованию.

Но в тяжелых условиях разрухи производство, как это ни больно было видеть, сокращалось. Выработка составляла в основном 50 процентов от довоенной. Если в октябре 1917 года Измайловская фабрика, например, выдавала 7793 пуда пряжи и 2130 пудов суровья, то в феврале 1918 года соответственно — 5210 и 1873 пуда. Предстояла громадная, напряженнейшая работа по восстановлению всего народного хозяйства. Возглавили эту работу большевики.

Для укрепления тыловых партийных организаций и усиления руководства экономикой ЦК РСДРП(б) еще в августе 1917 года направил в Симбирск своего представителя М. Д. Крымова. Уроженец Языковской волости Симбирской губернии, петроградский рабочий, член большевистской партии с 1907 года, он стал организатором и председателем первого Симбирского комитета РСДРП(б), а после установления в городе Советской власти — губернским комиссаром внутренних дел. Михаил Дмитриевич Крымов увидел в поволжских текстильщиках верных сподвижников большевизма. Отвечая доверием на доверие, рабочие суконных фабрик губернии 3 января 1918 года избрали Крымова членом правления своего профсоюза. Он же был послан делегатом на Всероссийский съезд текстильщиков, а позднее назначен на ответственную работу в Центротекстиль.

Великий Октябрь выдвинул к руководству многих симбирских текстильщиков. По праву гордились суконщики Алексеем Герасимовичем Степановым из Языкова. В тяжелейший период гражданской войны партия Ленина направила его на особый участок — политическим комиссаром Волго-Бугульминской железной дороги. От работы дороги зависело, будет хлеб в Москве и Петрограде или нет, вовремя ли придут воинские эшелоны. А. Г. Степанов умело пресекал саботаж и всякое недовольство чиновников. Железная дорога действовала четко и безостановочно.

Под руководством большевиков создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Многие текстильщики записывались в нее добровольцами. Руководители профсоюза Гладышев, Данелия и Базжин подали пример, сменив мирную работу на военную деятельность. Гладышев стал губернским военным комиссаром. Но симбирские текстильщики решили навсегда оставить за ним и Базжиным, как за организаторами профсоюза, звание почетных членов правления.

В марте 1918 года журнал «Ткач» (№ 7) сообщал, что набор добровольцев-текстильщиков дал 400 человек. Вооруженные рабочие прибывали в Симбирск.

В числе 25 посланных из Гурьевки были ткач Хусаин Аипов, рабочий самосушки Якуб Губанов, секретчики Ибрагим Алеветдинов, Измаил Насыров и Якуб Беркутов.

— Располагайтесь, товарищи, — показывал суконщикам П. Х. Гладышев отведенные для них казармы кадетского корпуса. — Здесь у нас ребята с Измайловской фабрики, тут — с Тимошкинской, рядом из Языкова.

Все прибывшие группы текстильщиков объединили в один отряд. Командиром его был назначен большевик В. Г. Пеньевский, а политическим руководителем — П. Х. Гладышев. Проверку на прочность отряд прошел, подавляя контрреволюционные восстания в Алатыре и Сосновке, делая рейды по Симбирску и окрестностям.

В конце мая на обширной территории страны был поднят антисоветский мятеж чехословацкого корпуса. Белочехи захватили Сызрань и приближались к Самаре. Над Поволжьем, да и над всей Советской Россией был занесен контрреволюционный меч.

Жена и соратник Гладышева — Александра Яковлевна вспоминала: «31 мая 1918 года Петр Харитонович Гладышев весь день не отходил от телефонного аппарата, говорил с текстильными фабриками, зовя рабочих на защиту Советской власти. Фабрики отвечали дружно: «Создаем отряд», «Высылаем».

Губисполком собирался оставить Гладышева в Симбирске, но Петр Харитонович настоял:

— Я создавал отряд и должен идти с ним.

Утром Гладышев ушел в наглухо застегнутой серой шинели, подтянутой ремнем.

Он шел потом впереди отряда текстильщиков. Проходили по Гончаровской улице, мимо правления текстильщиков, к пристаням».

Пароходы с красногвардейцами, гудя, отчаливали и разворачивались курсом на Самару.

Отряд текстильщиков, входивший в состав 1-й армии Восточного фронта, сосредоточился на железнодорожной станции Липяги, на подступах к Самаре. Три дня то затихал, то вновь разгорался кровопролитный бой. Белочехи были сильнее и в вооружении, и в выучке, превосходили красноармейцев числом. Они сумели окружить отряд. При его отступлении погибло большинство командиров и солдат.

Пеньевский и Гладышев, оба раненные, попали в плен. Их содержали в самарской тюрьме.

Чтобы помочь товарищам бежать из плена, Симбирский комитет РКП(б) послал в Самару жену Пеньев-

ского Евгению Ивановну Воронину. Позднее приехала и жена Гладышева Александра Яковлевна. Но все попытки товарищей организовать побег окончились неудачей.

Петр Харитонович видел, что в рядах белых тюремщиков и убийц немало эсеров. И горько становилось ему за свои прежние ошибки, за то, что, уходя из Симбирска, он не успел перевестись из партии левых эсеров в партию большевиков. Но тепло было от мысли, что заботу о его освобождении проявляют именно большевики.

В колчаковском «поезде смерти» Гладышева и других заключенных отправили в Сибирь. От тифа умер Базжин, но его не дали похоронить. Осенью 1919 года несколько десятков пленных попытались бежать. Но слабым, безоружным людям это оказалось не под силу. Конные казаки, быстро настигая беглецов, стреляли и рубили без пощады. А П. Х. Гладышеву, как организатору побега и комиссару, придумали особую, лютую казнь: связанного в мешке, его бросили в воду. Так отдал жизнь за революцию этот легендарный человек...

— Не пришлось Петру Харитоновичу видеть светлые огни социализма. Когда он погиб, ему было всего 25, — говорил на митинге в 1920 году председатель правления союза текстильщиков Поволжья Леднев. — Но пусть вечно живет его имя!

И рабочие единым голосом решили — Гурьевская фабрика будет отныне называться суконной фабрикой имени П. Х. Гладышева...

Фронтовые линии десятками швов рубцевали тело губернии. Суконные фабрики находились в самом центре грозных событий. 22 июля 1918 года чехо-белогвардейцами был захвачен Симбирск. Белые рвались к сердцу Советской Республики — Москве. В эти решающие дни новые сотни симбирских текстильщиков взяли в руки оружие. С Гурьевской фабрики ушел отряд мобилизованных на станцию Инза. В 17 лет стали бойцами РККА румянцевские рабочие-аппаратчики Дмитрий Баринов и Василий Александров. Вслед за ними записались Антон и Василий Саранцевы, Дмитрий Черняев и Александр Летин. В Измайловке после митинга вооружились 65 текстильщиков. Если в июне 1918 года в Старом Тимошкине мобилизация дала

30 красноармейцев, то в июле — 50, а в сентябре — 68 человек.

В двух километрах от Языкова, в Прислонихе, стоял Интернациональный полк.

— Наши товарищи-пролетарии,— обратился к суконщикам председатель фабкома Андрей Иванович Антропов,— чехи, мадьяры, китайцы бьются с белой нечистью вместе с нашими братьями. Но красноармейцам не хватает обмундирования. Поможем им шинелями, портянками.

И языковцы отправили в полк все, что смогли. Рабочие И. К. Тарасов, И. И. Сударов, братья Козловы, сестры Фроловы — всех не перечислишь — подали на том собрании заявления о вступлении в Красную Армию. А в сентябре на помощь Интернациональному полку под набатные звуки революционных маршей отправился в полном составе фабричный оркестр.

Недолгое время фабрики оставались на оккупированной территории, но именно оно потребовало от текстильщиков особой стойкости. Член фабкома Ишеевской фабрики большевик А. Н. Аввакумов с товарищами спас 12 красноармейцев. Троих раненых текстильщики укрыли в больничном покое, троих — под мельницей и шестерых — по фабричным квартирам. Как ни старались белогвардейцы и их местные прихлебатели найти раненых, им это так и не удалось. Истинно мужественным был и поступок ишеевцев, которые ночью похоронили расстрелянных на хуторе Антипычевой красноармейцев, несмотря на то, что в поселке стояли белые.

Потомственный суконщик Румянцевской фабрики Василий Лебедев был чрезвычайным порученцем у командарма Тухачевского. 2 сентября он получил приказ выступить с отрядом для подавления белогвардейско-кулацкого мятежа в Курмышский уезд.

...Отряд расквартировался по избам. Ночь. Предательская тишина. Вдруг, словно чуя неладное, захрапели кони. Сразу же гулко грянули выстрелы. В школу, где ночевали В. Лебедев, В. Захаров (тоже ткач из Румянцева) и другие красноармейцы, влетели, круша выстрелами посуду и даже иконы, местные кулаки. Троих отстреливающихся убили наповал, показалось мало — проткнули штыком. Остальных — красноармейцев, медсестер — связали.

— Что, красная сволочь, отпорхались? — злобно

прошипел старый мельник. — На колени, ироды, молите бога...

— Вот ваш бог, — показал Василий Лебедев на окровавленный труп красноармейца. — Но вам, гадам, скоро не жить и над людьми не измываться.

За эти слова Василия пинками свалили на пол. Мельник занес топор... Но отрубленной головы палачам показалось мало. Тело юноши стали кромсать на куски. И все же никто из красноармейцев не отрекся от своей веры. Никто не осквернил предательством звание рабочего-текстильщика.

Товарищи не остались неотмщенными. Пролетарский отряд железной рукой подавил кулацкий мятеж в Курмыше. И эта победа, о которой рабочие сообщили В. И. Ленину, стала еще одним целебным средством для раненого вождя.

За здоровье Владимира Ильича, на которого 30 августа было совершено покушение правыми эсерами, переживали все. Рабочие симбирских суконных фабрик послали такую телеграмму: «7 сентября 1918 г. Москва. Совет Народных Комиссаров, тов. Ленину из Карсуна. Гурьевский районный делегатский съезд 15 фабрик и заводов профессионального союза текстильщиков Поволжского района сердечно приветствует, товарищ, Вас и выносит пожелание скорейшего выздоровления...».

Сердечные послания были отправлены и непосредственно с предприятий.

Когда в начале 1919 года наступал Колчак, текстильщики опять подтвердили верность вождю делом. В Красную Армию была объявлена мобилизация 50 процентов мужчин от 18 до 40 лет. На фронт ушло 60 процентов симбирских суконщиков. 24 апреля из них сформировали коммунистический полк, который встретился с врагом под Царицыном. Земля Нижней Волги была обильно полита кровью симбирских рабочих-текстильщиков.

Не вернулся на родную Румянцевскую фабрику Василий Мясников. В 14 лет он ушел пулеметчиком с продотрядом: отбирать хлеб у кулаков, чтобы накормить голодных. В одном из неравных боев с белоказаками Василий погиб. В предуральской степи сразила вражеская пуля и румянцевского коммуниста Александра Генералова.

Земляк Мясникова и Генералова Павел Григорьевич Буланов всю гражданскую прошел командиром эскадрона в легендарной бригаде Александра Пархоменко. Возвратился на фабрику с орденом Боевого Красного Знамени. И со всей округи приходили люди полюбоваться на одну из первых советских наград — орден за № 606.

Гражданская война откатывалась все дальше на восток. Но и в самые тяжелые ее дни симбирские фабрики не останавливались. Только сложность была в том, что с отступавшими белогвардейцами бежали и фабриканты, наполовину развалив производство и прервав коммерческие связи.

Чтобы восстановить предприятия, спешно создавались заводоуправления, состоящие из пяти членов. На Измайловской фабрике кроме «спецов» в заводоуправление вошли аппаратчик И. А. Щербаков и ткач П. И. Долгов, на Старотимошкинской — рабочие М. Ш. Мифтахетдинов, Х. А. Юнусов и И. А. Козин (но во главе по-прежнему стоял бывший управляющий А. А. Мангушев). Объединял все симбирские суконные предприятия Районтекстиль. Он был создан 8 июля 1918 года и подчинялся Центротекстилю в Москве. Состав этого управления часто менялся, но из числа его председателей дольше других работал слесарь Ф. И. Поярков. Первой конференцией фабзавкомов в январе 1919 года Районтекстиль был преобразован в Групповое правление текстильных предприятий.

Шестнадцать текстильных фабрик были национализированы первыми в Симбирской губернии — 15 октября 1918 года. Закрепил национализацию Высший совет народного хозяйства постановлением от 6 января 1919 года. Но национализация — это полдела, В. И. Ленин ставил задачу — научиться хозяйствовать.

Состояние суконных предприятий было плачевным. В конце 1918 года из Игнатовки сообщали: «Материалов, необходимых для фабрики, недостает. Шерсти на 4 месяца, дров нет, так что фабрике приходится не работать». Румянцевские рабочие писали в Симбирск: «За отсутствием нефти фабрика не работает уже две недели, ощущается недостаток красок и других материалов». Районтекстиль решил две-три фабрики-развалины закрыть, а рабочих перебросить на другие.

...С Лесно-Матюнинской фабрики перевозили годное

оборудование, что-то разбирали на запчасти. Суконщики ходили безрадостные, словно погорельцы. Но понимали: так правильно, все равно закрытые фабрики не работали, а только теплились. И с ними, рабочими, теперь поступают человечно — не выгоняют на улицу, как до революции, а перевозят на новое место, дают прежнюю привычную работу.

Для роста производительности труда Районтекстиль и правление профсоюза ввели новую коллективно-премиальную систему оплаты, обратились в Москву с просьбой увеличить тарифные ставки для симбирских текстильщиков.

На фабриках старались побороть голод. Решено было создать при предприятиях посевные хозяйства и рабочие кооперативы, ввести премиальную оплату продуктами.

Трудно было с жильем. И правление профсоюза предложило всем фабкомам и заводоуправлениям: «Немедленно использовать все пустующие жилые помещения, а также поставить всех служащих в одинаковые условия с рабочими в смысле квартирного вопроса, дабы тем самым хоть отчасти облегчить положение семейств рабочих, гибнущих от антигигиенических условий жизни».

Трогательно заботились на фабрике о вернувшихся с войны красноармейцах. Игнатовский фабком принял, например, такую резолюцию: «Ввиду того, что товарищ Матвеев, сражаясь против белогвардейцев на фронтах гражданской войны, был ранен в ногу, предоставить ему квартиру в нижнем этаже флигеля. Раненому красноармейцу трудно подниматься по лестнице».

Дети текстильщиков уже не знали, что значит сонными идти на фабрику и стоять весь день у станка. А подросткам с 16 лет Советская власть разрешила работать лишь по 6 часов. В 1919 году работницы суконных фабрик впервые получили отпуска по беременности. Государство, само еще не окрепнув, заботилось о людях. И симбирским текстильщикам предстояло ответить достойно на эту заботу — поднять производительность труда, давать армии и людям такое нужное сукно. Сделать это могли лишь хорошо организованные рабочие во главе с большевиками-ленинцами.

Время призывало создать постоянные и крепкие партийные организации на фабриках. 12 октября 1918

года одной из первых в губернии оформилась Игнатовская ячейка РКП(б). 11 декабря члены РКП(б) Старотимошкинской фабрики — в основном молодежь, бывшие красноармейцы — объединились в свою партийную ячейку.

2 января 1919 года примеру игнатовцев и тимошкинцев последовали большевики Румянцевской, а затем Гурьевской и Измайловской фабрик. Тогда же организационно объединились 16 коммунистов-ишеевцев. Вьюжный февраль девятнадцатого года подвел черту — на всех текстильных фабриках губернии (последней была Мулловская) появились и действовали первичные организации РКП(б).

Коммунисты пробуждали молодежь. 2 июня 1919 года молодые рабочие Ишеевской фабрики вынесли резолюцию: «Мы, молодежь, все, как один человек, сплотимся вокруг РКСМ». Так в поселке появилась комсомольская организация.

А 11 июля женщины Измайловской фабрики устроили свое собрание. Не прошло и двух лет, как раскрепостила их революция, но за этот срок небывало окреп их дух, политическое сознание. В семнадцатом году фабричные девчата Надя Демидова, Настя Антропова и другие, лишь завидев красное знамя в руках А. Г. Степанова, бросились врассыпную: подальше от греха. Теперь же молодые ткачихи готовились стать большевичками. А пока на общем собрании работницы постановили «организовать женскую ячейку сочувствующих партии коммунистов».

Роль фабричных партячеек в жизни предприятий становилась все заметнее. Начинали многие из них с организации помощи Красной Армии. Например, в канун первой годовщины РККА на Гурьевской фабрике коммунисты собрали 10 тысяч рублей на подарки солдатам. Постепенно учились и обходиться на «ты» с производством, считать, хозяйствовать.

8 мая 1920 года ишеевская ячейка докладывала укому РКП(б) о первомайском субботнике: «На суконной фабрике при с. Ишеевка произведена очистка... как фабрики, так и участка, прилегающего к фабрике. Перевезены дрова, нарезанные из сухих деревьев, — 5 саженей. Обрыты рвом и уложены дерном могилы красноармейцев, убитых чехословаками на хуторе бывшем Захарова. Механическим цехом произведены сле-

дующие работы: для аппарата сделано новых шпинделей — 6 шт., шестерен — 4 шт., подшипников — 83 шт. ...В работах ежедневно участвовало от 250 до 350 человек». Суконщики Игнатовской фабрики несколько дней в мае работали безвозмездно по два часа после смены. «Великий почин» помог здесь отремонтировать оборудование, восстановить подсобные сады, сделать запас топлива в лесу. Но главное — люди оживились, поверили в свои силы.

Это было как нельзя кстати. В Красной Армии складывалось критическое положение с обмундированием. Шинельного сукна не хватало. Причина? Фабрики работали вполсилы из-за отсутствия топлива. Совет Труда и Обороны под председательством В. И. Ленина принял постановление: «...5. Поручить Главтопу. Снабдить Тамбовский, Пензенский и Симбирский кусты 30 000 куб. дров на шестимесячный период их деятельности. Главтоп должен внести на утверждение в Высший Совет по перевозкам план перевозок вышеуказанного количества дров, причем план этот должен быть утвержден в двухдневный срок» *.

Безотлагательно. По существу. Симбирские фабрики должны вырабатывать только серошинельное сукно. Гражданское — на время отставить. Самое большое задание было определено Румянцевской фабрике: за год выпустить 1 миллион 200 тысяч аршин сукна (как в 1914 году!). А всем 11 текстильным предприятиям губернии требовалось дать армии 5 миллионов 283 тысячи аршин тканей.

Из Симбирска отвечали твердо: выполним. Уверенность шла оттого, что на фабриках постепенно росла, впервые с 1917 года, производительность труда. Были установлены твердые нормы выработки, действовала сдельно-премиальная система оплаты труда. Предприятия несколько поправили свое финансовое положение благодаря тому, что государство установило на ткани твердые цены: например, аршин красноармейского окрашенного сукна стоил 275 рублей 20 копеек, аршин портяночного — 101 рубль 16 копеек.

Фабрики стали управляться не коллегиально, а директорами, которые назначались Групповым правлени-

---

* Ленинский сборник XXXIV, с. 305—306.

ем. На восьми предприятиях директорами стали специалисты из «бывших», на четырех — рабочие-выдвиженцы. С определением персональной ответственности за судьбы предприятий дела на них пошли лучше. К концу 1920 года средняя производительность на одном аппарате возросла на 21 процент, хотя количество оборудования сократилось. Если с ткацкого станка в начале года сходило 6,4 куска суровья, то в конце — 8,1 куска. А всего за три года Советской власти симбирские фабрики сдали государству 25 миллионов аршин тканей.

Сказалось на результатах работы и укрепление общего порядка. В 1920 году при правлении профсоюза текстильщиков был организован товарищеский дисциплинарный суд.

— Мы не можем давать поблажки тем, кто дезертирует от работы, кто пьет, ворует, — объяснял рабочим один из народных судей — Дозоров. — Как к несознательным потакателям контрреволюции мы будем применять к ним такие меры: заключение в исправительные лагеря на срок от 1 до 3 месяцев, лишение двухнедельного или месячного пайка, увольнение с фабрики, перевод на низкую категорию.

Каждый фабком назначил одного из своих членов лично ответственным за дисциплину. На всех фабриках появились правила внутреннего распорядка.

Четкая организация помогла симбирским текстильщикам выйти победителями из труднейших испытаний 1921 года. Первым был топливный кризис. Губтекстиль (в начале 1921 года Групповое правление было реорганизовано в Губтекстиль) планировал разработки на местных торфяных болотах. Но не хватало лошадей, чтобы вывозить топливо. От тифа валились люди.

К лету положение стало чуть выправляться.

— Ну, заживем теперь,— радовались текстильщики, думая о том, что Врангель разгромлен и наконец-то мало-помалу можно переходить к «мирным» тканям.

Но нет. На этот раз стихия не пожелала дать рабочим передышку. Последствиями страшной засухи стали неурожай и голод.

Оторопь брала от одних базарных цен. На рынке в Мелекессе, куда ездили мулловские суконщики, к августу 1921 года пуд пшеницы стоил 140 тысяч рублей, пуд картофеля — 60 тысяч, фунт масла доходил до

13 тысяч рублей, фунт мяса — до двух с половиной тысяч. В фабричных поселках не осталось собак и кошек, люди ели корни и травы, пускались на поиски «съедобной» глины.

Как побороть смерть? На фабриках было объявлено о переселении самых нуждающихся. Изможденные, пухнущие от голода, но благодарные, что о них не забыли, многие суконщики перебрались в хлебные губернии. Только с Измайловской и Игнатовской фабрик было отправлено 104 семьи.

Несмотря на это, фабрики к осени пустили (на лето их всегда останавливали для ремонта).

— Будем пробиваться — как в годы боевые, — говорили ткачи. Их подбадривали слова лозунга, висевшего во всех цехах: «Каждый аршин сукна — это кусок хлеба».

Доверенные фабрик поехали по продмаршрутам в дальние хлебородные районы. За Уралом симбирским текстильщикам удалось обменять на хлеб 40 тысяч аршин сукна, сотни варежек, носков, портянок.

Бледной бесконечной ровницей тянулись месяцы. Паек — фунт хлеба рабочему, четверть фунта иждивенцу. В цехах не было света, производство еле теплилось.

Но из испытания голодом был выход более страшный, чем смерть. Кощунственный. Предательский. Его, как спасительную щель, нашли те, кто обманом притерся к здоровому организму — народу. Это были в основном старые «спецы» и мастера. Видя, что у страдающих рабочих нет сил следить за ними, они расхищали фабричное добро — сукно, хлеб, деньги. За это Губтекстиль снял с работы директора Измайловской фабрики Мангушева. Пришли новые директора и на другие предприятия: П. И. Долгов — в Гурьевку, А. В. Мистецкий — в Языково, В. П. Мельников — в Игнатовку.

«Соткать» прочные, надежные кадры было непросто. На войне впереди шли комиссары, в бою за фабричные кадры — текстильщики-коммунисты. Многие из них сами постигали основы производства, учились управлять им. Для подготовки квалифицированных помощников мастеров, ткачей, аппаратчиков в сентябре 1921 года открылись Румянцевские профессионально-технические курсы.

Симбирское управление текстильной промышленности оказалось слабым объединяющим органом. А безжалостной стихии голода и разрухи могла противостоять только промышленность, стоящая на твердых ногах и с крепкой «головой». Правительство решило: создать на местах жизнеспособные тресты на основах хозрасчета. Симбирский суконный трест, объединивший 12 фабрик, возник в ноябре 1921 года. Председателем назначили Леднева.

За что браться в растерзанном хозяйстве? Все было важно. Но и в эти безрадостные дни текстильщики прежде всего думали о своем завтрашнем дне. В одном из первых приказов по тресту «Симсукно» говорилось: «В ознаменование 4-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции изготовить за счет треста на каждой фабрике... необходимое количество теплой детской обуви, чтобы дети текстильщиков могли ходить в школы и детские сады».

Рабочие падали от голодных обмороков, теряли сознание в тифозной горячке, но не переставали заботиться о детворе.

Еще 21 сентября 1918 года полторы тысячи рабочих Измайловской фабрики собрались перед конторой специально для того, чтобы наконец обсудить вопрос о школе.

— Нужна школа для наших детей, для малолетних, которым теперь не разрешается работать, — убеждали одни.

— Жили без этого — и проживем, — возражали другие.

Все-таки с потугами приняли резолюцию: «Просим губернский комиссариат народного просвещения открыть на фабрике высшее начальное училище». Послали в Симбирск своего делегата Блохина — вручить ходатайство и подыскать учителя.

Через год в Измайлове открылись клуб, детский сад, школа 2-й ступени.

Сражаясь с голодом и болезнями, теряя товарищей, симбирские текстильщики в то суровое время никогда не переставали верить в свою заветную мечту, такую желанную и такую естественную: мир вместо войны, счастье для всех, возрождение предприятий, выпуск самой любимой рабочими — гражданской мирной продукции.

«Вашим, товарищ, сердцем и именем...»

На большой карте, которая досталась рабочим Румянцевской фабрики от А. Д. Протопопова, подмосковные Горки обозначены не были. Но текстильщики знали, что именно в Горках лежит, прикованный болезнью к постели, их вождь и товарищ — Владимир Ильич Ленин. В январские дни 1923 года Ильич диктовал свои последние статьи — «Странички из дневника», «О нашей революции», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин?»,— которые публиковались в «Правде».

— Это же все о том, как нам дальше жизнь строить, социализм, — говорил на общем собрании 27 января 1923 года председатель рабочей контрольной комиссии Румянцевской фабрики большевик Петр Иванович Редькин. — Вспомните, кто мы были до Ильича — забитые, темные работники на хозяина. А теперь — сами хозяева жизни.

На собрании выступали многие рабочие, и все говорили об одном. Решение было единодушным, можно сказать, историческим. В то время, когда Петроград еще не был переименован в Ленинград, а Симбирск — в Ульяновск, румянцевские текстильщики постановили: «Наши ткачи всегда шли только с Лениным и по ленинскому пути. Стало быть, и фабрика должна называться только его именем».

Ответственность — великая. И шерстяники предприятия работали так, что Симбирский суконный трест и правление профсоюза решили: 7-й губернский съезд текстильщиков надо проводить на фабрике имени Ленина, как на лучшей, показательной.

24 сентября 1923 года в фабричном клубе принимали делегатов от 11 суконных предприятий губернии. Отсюда была послана телеграмма Владимиру Ильичу Ленину. «Седьмой губернский съезд текстильщиков, — говорилось в ней, — собравшись на фабрике имени товарища Ленина, совместно с общим собранием рабочих фабрики шлют почетному председателю съезда сердечный привет и пожелание скорейшего выздоровления. Президиум».

По-ленински, серьезно и деловито, проходили заседания. Были подведены итоги работы отрасли за год после гражданской войны, пересмотрены тарифы. Деле-

гаты согласились с оценкой состояния отрасли, которая была дана губернской рабоче-крестьянской инспекцией в докладе наркому РКИ от 27 марта 1923 года: «Текстильная промышленность сохранилась более других видов промышленности, главным образом потому, что фабрики получали заказы от военного ведомства и получают их до сих пор. Все суконные фабрики объединены в правление «Симсукно». Всего в ведении «Симсукно» имеется 17 суконных фабрик, из которых действуют только 11, остальные стоят из-за недостатка сырья, топлива и по ветхости».

Претворяя в жизнь ленинскую идею новой экономической политики, съезд дал каждой фабрике рекомендации о переходе на хозрасчет.

Выступление управляющего Симсукнотреста З. И. Маслова местные рабочие слушали по-особому. Ведь они знали Захара Ивановича много лет. Верили ему как человеку, с которым жили бок о бок еще при царизме, как большевику — организатору первой партийной ячейки на фабрике.

— Здесь отмечали, что рабочий-суконщик получает меньше зарплату, чем в четырнадцатом году, — говорил Маслов. — Верно, она составляет семьдесят пять процентов от довоенного уровня. Но если взять производительность труда в 1913 году за сто процентов, то фабрики треста сейчас едва достигают шестидесяти. Выходит, зарплата идет впереди производительности. Все понимают, что такое положение сегодня, когда время требует переходить на выпуск гражданских сукон, недопустимо.

Управляющий суконным трестом четко определил производственные задачи, стоящие перед каждой фабрикой. Как призыв прозвучали его заключительные слова:

— Не ударим в грязь лицом перед теми товарищами, именами которых мы назвали наши фабрики!

Ко времени седьмого губернского съезда текстильщиков почти все предприятия были переименованы. Имя ближайшего соратника Ленина, первого председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова, стала носить измайловская суконная фабрика, языковские текстильщики обратились в губком профсоюза с просьбой присвоить их предприятию имя Михаила Ивановича Калинина. Свежи были воспоминания делегатов-языковцев

от встреч с «Всероссийским старостой» в 1919 году*; простым, доступным, пекущимся о благе народа запомнился им Калинин. А ишеевцы не могли забыть своего любимца, первого председателя Симбирского губисполкома Михаила Андреевича Гимова, который в 1922 году безвременно умер. Настоятельные просьбы рабочих обоих предприятий были удовлетворены, и со 2 января 1923 года языковская фабрика стала носить имя М. И. Калинина, а ишеевская — М. А. Гимова.

В поселке Игнатовка давно уже не было промышленников Виноградовых — сам хозяин умер, а наследник бежал от Советской власти, но по старой привычке фабрику называли именем бывшего владельца.

— Осточертело, — ворчали рабочие.

— Был в наших местах Степка Разин, — обсуждали меж собой суконщики в январе 1923 года. — А ведь он первый в России народ поднял. И говорят, тогда еще наши, игнатовские, пошли за ним. Вот и надо наречь фабрику его именем.

Так и было сделано.

Жизнь предприятий набирала обороты. Казалось, все страшное позади и даже свирепые морозы 1923—1924 годов можно выдюжить. Но как вынести такое... Словно оборвавшаяся струна, застонала, разносясь по стране, горькая весть: Ильича больше нет.

Когда узнали об этом на фабрике имени Гладышева, глаза людей наполнились слезами, души — растерянностью:

— Как же теперь? Кто будет? Троцкий, что ль?

— Зачем Троцкий? Партия осталась — партия и будет, — отвечал секретарь фабричной ячейки.

И тут один из рабочих, слесарь Халин, произнес заветное:

— А мне можно в партию?

Коммунисты фабрики имени М. А. Гимова записали в протоколе общего собрания 23 января 1924 года: «Мы заявляем, что отныне партия должна быть единой. Конец всем спорам и разногласиям. Сплоченность, выдержка — единственный залог исполнить заветы Ильича». А текстильщики Старого Тимошкина на траурном митин-

* Весной 1919 года в Поволжье совершал свой рейс агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция». Его коллектив возглавлял председатель ВЦИК М. И. Калинин. В начале мая агитпоезд находился в Симбирской губернии.

ге внесли предложение: назвать свою фабрику именем III Интернационала, основателем которого был В. И. Ленин. Выступая тогда, старый ткацкий мастер Шайху Шакуров сказал:

— Мы возведем три памятника Владимиру Ильичу. Первый — это новое название фабрики, как свидетельство нашей вечной преданности идеям единства рабочих всех национальностей в наших рядах. Второй памятник мы поставим из мрамора возле нашей фабрики. Третьим памятником будет наш самоотверженный труд по выполнению заветов Ленина.

Это слово тимошкинцы сдержали.

Но первыми в губернии и одними из первых в стране установили бюст вождя рабочие суконной фабрики имени Ленина. Сделать это во что бы то ни стало они решили еще на траурном митинге 22 января 1924 года.

— Ильич любил текстильщиков, — говорил секретарь партячейки Василий Андреевич Долгов. — Все мы знаем, что, будучи тяжело болен, он встретился с рабочими Глуховской хлопчатобумажной мануфактуры. И текстильщики ему отвечают сыновней преданностью.

На памятник вождю голодные и полураздетые люди отчисляли свой однодневный заработок. Но как найти скульптора? Где взять материал, бронзу?

Ваять бюст взялись местные, фабричные мастера. Истинно талантливым художником показал себя Иван Васильевич Мелешкин, начинавший когда-то с иконописи, — он сумел за неделю сделать с одной-единственной фотографии Ильича несколько эскизов. И по ним столяр-модельщик фабрики Николай Алексеевич Черпаков изготовил из дерева бюст.

Настал черед литейщиков. Но требовалась бронза, которая на фабрике не применялась. Один из мастеров, Николай Васильевич Ефремов, вспомнил:

— Видал я, на складе бюст бывшего владельца пылится. Самое время ему на переплавку.

...И вот уже кипит металл в горне у М. Ф. Кузнецова, шипящей солнечной струйкой заполняет литейную форму. У фабричных мастеров И. В. Короткова, А. И. Мироненкова, художников, авторов — у всех будто остановилось дыхание. Нескончаемыми показались минуты, пока остывала форма. И наконец памятник готов!

Его открывали торжественно 19 марта 1924 года.

Тысячный митинг ликовал у Народного дома. А измайловцы, приглашенные сюда, решили: быть памятнику вождю и около их фабрики. Они попросили деревянную модель Мелешкина и Черпакова, и по ней мастера-литейщики суконной фабрики имени Я. М. Свердлова братья Катины и Н. И. Конов отлили бюст Ленина из чугуна. Это был второй памятник Ильичу, поставленный на ульяновских суконных предприятиях.

У него 20 сентября 1924 года сфотографировались делегаты 8-го губернского съезда текстильщиков, созванного в Измайлове. Заседания съезда проходили в новом клубе, переоборудованном из бывшей застольной.

Председатель губотдела союза текстильщиков Д. А. Решетников доложил, что за минувший год фабриками суконного треста было переработано 176 тысяч пудов пряжи, выпущено 2,7 миллиона метров суровья и 2 миллиона 370 тысяч метров готового товара. Позади остался хозяйственный кризис 1923 года, вызванный ножницами цен между промышленной и сельскохозяйственной продукцией (крестьянам было невыгодно торговать: осенью 1923 года в губернии пуд муки стоил 875 рублей, а аршин сукна — 7085 рублей. Ткани не раскупались). Но отголоски его чувствовались. Две фабрики — Базарно-Сызганская и Мулловская, как наиболее слабые, по решению Главтекстиля были законсервированы.

Безработных текстильщиков к 1 августа стало в губернии 489 человек. Профсоюз заботился о них, как мог: семьям 247 рабочих платили пособия из средств социального страхования. Для них бесплатными оставались квартиры. Когда, например, на фабрике имени Ленина открыли столовую на 200 мест, то и за обеды нуждающимся платил фабком. Остальным рабочим обеды тоже обходились недорого — всего 27 копеек за три блюда.

Не восстановив еще полностью свой хозяйственный организм, Советская страна заботилась о людях: за год при ульяновских фабриках было построено 19 домов (56 квартир), а в Ишеевке и Старом Тимошкине фабричные корпуса переделаны под общежития. В поселке имени Ленина и Игнатовке стали выпекать хлеб в фабричных пекарнях.

Учиться, учиться и учиться — свято выполняли ленинский завет текстильщики. За год еще 800 человек стали грамотными, 33 суконщика поступили на ульяновский

рабфак, 10 человек получали образование в текстильном институте в Москве.

В 1925 году текстильный поселок Измайлово стал намного «ближе» к столице. Как? Благодаря радио. А появилось оно с приездом сюда дочери известной революционерки Инессы Арманд — Варвары. Посоветовала девушке поехать на лечение в сосновый измайловский край Надежда Константиновна Крупская. Она же по просьбе Варвары прислала текстильщикам стационарную радиоприемную установку.

Ее смонтировали в клубе фабричные радиолюбители Федор Фомин и Николай Иванов. Репродуктор вывесили на улице, а в ближайшее воскресенье здесь собрались и седые старики, помнившие еще основание фабрики, и молодые рабочие, и детвора, родившаяся в революционные годы. Все ждали чуда, смотрели как завороженные на серый круг репродуктора. Федор Фомин настроился на волну радиостанции «Коминтерн». Из «тарелки» послышалось шипение, и вдруг звонко, призывно полились звуки «Интернационала». Охваченная ликованием толпа дружно подхватила пролетарский гимн.

Радовались суконщики и своему профессиональному празднику, датой которого считали годовщину создания Ульяновского профсоюза текстильщиков. 29 июня 1925 года в Гурьевке он начался тысячной манифестацией. От здания больницы колонны прошли мимо фабрики, мимо Гурьевского пруда, через поселок к зданию волостного Совета. Здесь состоялся митинг.

В программу праздника входили спортивные состязания, спектакль «Трагедия авиатора», поставленный драмкружком фабрики имени М. И. Калинина. Закончился день фейерверком.

Инициатором многих важных и интересных начинаний в те годы выступала фабричная комсомолия, молодежь. Молодые гурьевские суконщики, например, при поддержке партячейки уговорили кинопередвижку «Пролеткино» приехать к ним на фабрику. 5 февраля 1925 года здесь впервые показали фильм — «Красный тыл». И как писала губернская газета «Пролетарский путь», «картина рабочим очень понравилась. Бородачи усиленно аплодируют героям-комсомольцам. Передвижка обещает быть снова с картиной «Комбриг Иванов». Просим!».

Молодежь фабрики имени Ленина первой начала вы-

пускать стенную газету «Таракан». Сначала ставили задачу — бороться за чистоту в фабричных домах: за годы войны и разрухи они стали прибежищами огромного количества домашних насекомых. Но, решили комсомольцы, советскому рабочему надлежит быть чистым и здоровым не только телом, но и духом. И в газете стали появляться карикатуры и сатирические четверостишия на лодырей, пьяниц, бракоделов. Комсомольцы фабрики стали также рабкорами и губернской газеты «Пролетарский путь»...

Жизнь страны постепенно входила в нормальное русло. Но процесс этот был далеко не простым. Промышленность, в том числе и суконная, стояла перед лицом множества серьезных проблем; одной из главных была слабая техническая вооруженность предприятий.

Многие фабрики никак не могли вырваться из тисков экономической нужды. К 1926 году выработка на суконных предприятиях составляла 41 процент от довоенной. Продолжала расти себестоимость: если в 1913 году себестоимость метра сукна колебалась от одного до полутора рублей, то в 1925 году — от трех до четырех рублей восьмидесяти семи копеек. Ветхое оборудование и частые перезаправки станков не позволяли набрать высокий рабочий темп. Дорожало сырье, не становилось дешевле и топливо. В 1925 году Ульсукнотрест закупил импортного оборудования на два с небольшим миллиона рублей. Для 11 действующих предприятий губернии этого было явно недостаточно.

В 1926 году было избрано новое правление треста: Горовой, Коршунов, Куликов, Маршалов. Оснащение предприятий новой техникой пошло энергичней: трест приобрел импортного оборудования еще на 5 миллионов рублей. 13 августа 1926 года вновь ожили станки на Мулловской фабрике имени Чичерина. Правда, Государственный трест грубошерстных тканей не мог взять на баланс ее хозяйство, и предприятие было сдано в аренду нэпману Ерусалимчику (у которого в это же время находилась в аренде Мелекесская льнопрядильно-ткацкая фабрика).

Теперь уже никто не предлагал закрывать текстильные предприятия, свертывать производство. Даже когда в 1926 году до основания сгорела фабрика имени Гладышева, ее, несмотря на громадные трудности, восстановили менее чем за год.

Отрасль по-прежнему оставалась самой крупной: если на любое другое промышленное предприятие губернии приходилось в среднем 107 работающих, то на одну текстильную фабрику — 740 человек. В 1926—1927 годах ульяновские суконщики выпустили около пяти миллионов метров готовых тканей.

Постепенно обновлялось оборудование. Так, на фабрике имени III Интернационала был поставлен пятый аппарат, новый сельфактор и две ворсовальные машины. Если тут в 1920 году рабочий производил в день 1,71 метра готового сукна, то к началу 1926 года — уже 2,84 метра. Появились новые сорта драпа, подрабатывали шевиот, безворсное сукно, меланжевое трико и байку. «Товар очень хороший. Вес его нормальный. Дисциплина высокая. Это несмотря на тяжелое состояние техники», — отзывался о работе фабрики имени III Интернационала заведующий производственным отделом Ульсукнотреста.

Страна стояла на пороге социалистической индустриализации. XV съезд ВКП(б), проходивший в конце 1927 года, утвердил директивы по составлению первого пятилетнего плана. За пятилетку ульяновским суконным фабрикам предстояло выпустить 38 миллионов метров шерстяных тканей.

Реконструкция планировалась почти на каждом предприятии.

— Неужели на нашей фабрике все будут делать машины? — не верили измайловцы, когда узнали, что есть проект переоборудования их предприятия и Москва выделила на реконструкцию крупную сумму — более трех миллионов рублей.

До сих пор технологическая цепочка на фабрике имени Я. М. Свердлова оставалась нерационально выстроенной, цехи располагались беспорядочно, а «прогулки» товара по фабричному двору — из производства в производство — сказывались на его себестоимости. Тюки шерсти и куски ткани рабочие перетаскивали на руках, не зная простейших тележек. Это-то все и должна была устранить реконструкция. Производство предусматривалось расширить, вместо 8 аппаратов пустить 18, сделать пристрой к основному корпусу.

И закрутились — правда, еще при помощи рабочих рук — бетономешалки, был завезен на подводах кирпич, на глазах росла кладка.

Старики, отработавшие свое на фабрике еще до революции, удивлялись:

— Шатров на что уж каждую копейку потерять боялся, и тот, когда стройку затевал или машины заменял, всегда останавливал производство. А сейчас, говорят, еще больше на это время нормы увеличили. Как успевают?

Но социалистическая фабрика не имела права делать людей безработными. К тому же стране нужно было все больше драпов, пледов, одеял.

Совместить реконструкцию с ростом производительности текстильщики смогли благодаря ударничеству и соревнованию — великому двигателю социалистического хозяйства, подсказанному Ильичем. Зачатки могучего движения появились на ульяновских суконных предприятиях в канун шестой годовщины Великого Октября, когда ткачи стали переходить с одного станка на два.

Однажды решили развернуть свои станки «лицом» друг к другу муж и жена Волгины с фабрики имени В. И. Ленина. Поработали каждый на паре около года. И так увлеклись работой по-новому, что и дома не переставали думать о ней.

— Да что ты — шесть станков. Никто еще так не работал, не справимся, — урезонивала мужа Александра Ивановна.

А Иван Степанович гнул свое:

— Только представь — ты стоишь с правого края, я — с левого, у тебя три станка, у меня три, чуть чего — помогу. И бегать никуда не надо.

И уговорил.

Вскоре не только на фабрике имени Ленина — на всех суконных предприятиях шутили: «Волгины — первые ударники на Волге». Фамилия их часто появлялась на страницах всесоюзной газеты «Голос текстилей».

Многостаночничество быстро распространялось. В Измайлове поначалу не доверяли новшеству:

— С двумя-то станками никак не управиться, — ничего, кроме рвани, не получится.

Но старый ткач, большевик, участник первой русской революции Петр Михайлович Коровин во всеуслышание объявил:

— Перехожу на пару. Увидите: выработка будет больше прежней.

И слово свое он сдержал.

На двух станках стали ткать Андрей Ащаулов, Алексей Харчиков, молодые ткачихи Коровина, Полякова и Дряхлова.

Рабочего мулловской суконной фабрики имени Чичерина П. Бровичева попросили выступить на первой областной конференции треста грубых сукон (1929). О чем рассказать товарищам по профессии? Конечно, о том, чего удалось достичь. Ведь никогда раньше ткач не мог дать за смену 13 метров суровья. А на мулловской фабрике, работая на двух станках, уже многие производили столько.

— Поначалу и получали за работу в двойном размере — около четырех рублей в день, — говорил П. Бровичев. — Но подумали мы: это нечестно — брать лишние деньги с государства: ведь когда-то, когда мы не умели работать, нам завысили тарифы.

Рабочие Мулловки сами решили уменьшить ставки, а нормы выработки сделать реальными. На общем собрании выбрали для этого комиссию в таком составе: П. Глухов — от фабкома, П. Бровичев — от аппаратного цеха, С. Живописцев — от прядильного, В. Каштанов — от ткачей, И. Голованов — от промывально-валяльного отдела, П. Мельников — от подготовительного, Д. Командиров — от механических мастерских.

Это был в истинном смысле слова коммунистический, большого нравственного заряда почин. Люди чувствовали себя хозяевами страны, фабрики, цеха. Они хотели честно, много работать и честно получать за свой труд. Именно о таких созидателях нового века мечтал Ильич. Писал о них в статье «Как организовать соревнование?», которая была опубликована в газетах 20 января 1929 года.

На призыв партии — организовать соперничество действительно в массовом масштабе — текстильщики края Ильича откликнулись в числе первых. Так, на фабрике имени III Интернационала зачинателями соревнования стали мотальщицы Комиссарова, Кузнецова, Майданова, Морозова, Солодова, Старостина, Тумарова. Женщины решили:

— Увеличим выработку на 5 процентов, а себестоимость снизим на 3 процента. И вызываем на соревнование сновальщиц.

Вслед за ними соревноваться стали 40 рабочих ремонтно-механических мастерских. Родились первые пись-

менные социалистические обязательства и договоры. Начиналось соперничество и между целыми предприятиями. Суконщики фабрики имени П. Х. Гладышева в феврале 1929 года вызвали на соревнование измайловцев, Бойко откликнулись на вызов рабочие фабрики имени Я. М. Свердлова, послав в ежемесячную газету текстильщиков «Красный Октябрь» такую заметку: «Мы, конечно, ответим на вызов Гурьевки. Но когда нам придется соревноваться с гурьевцами, то подтягиваться в первую очередь надо не нам за гурьевцами, а гурьевцам за нами. За первые два квартала 1928—1929 года Измайловке было дано задание выработать 445 340 килограммов пряжи, нами же выпущено 454 946 килограммов, или 102 с лишком процента задания. По суровью было задано 449 066 метров, выполнено же 462 561 метр, или 103 процента задания».

Хлестко звучал ответ. Но гурьевцы не обижались, зная: в чем-то и они впереди. В целом же рабочий ритм обоих предприятий становился быстрее.

В мае 1929 года коллектив фабрики имени М. А. Гимова заключил договор о социалистическом соревновании с Моршанской суконной фабрикой и выставил встречный план, обязавшись поднять производительность аппаратов на 10,6 процента и перевести 40 процентов ткачей на пары станков.

Текстильщики Языкова и Игнатовки тоже стали соперниками в труде. «Но как соревноваться с большей пользой для производства? — задумались калининцы. — Сравнивать итоги в конце месяца, квартала? Нет, одного этого недостаточно. Ведь цифры могут и расходиться, а людей за ними не видно...»

И в Игнатовку поехали Владимир Алексеевич Миронов и Климентий Тимофеевич Ермаков. На фабрике имени Степана Разина они работали, соревнуясь, рядом с ткачом Е. Т. Павловым и другими игнатовскими ударниками. Судила о быстроте и умении ткать специальная комиссия. Так пробивались ростки будущих конкурсов профессионального мастерства.

Тогда впереди оказались языковцы. Но у суконщиков фабрики имени Степана Разина стоило поучиться другому — как создавать ударные бригады. Ведь одними из первых в текстильной отрасли края такие бригады появились именно здесь.

Широким и полноводным, как весенняя Волга, стано-

вилось движение ударничества на ульяновских фабриках. В Ишеевке, например, в 1931 году насчитывалось 28 ударных бригад, 377 ударников и 642 соревнующихся. К поволжским текстильщикам за опытом приезжали даже рабочие других отраслей.

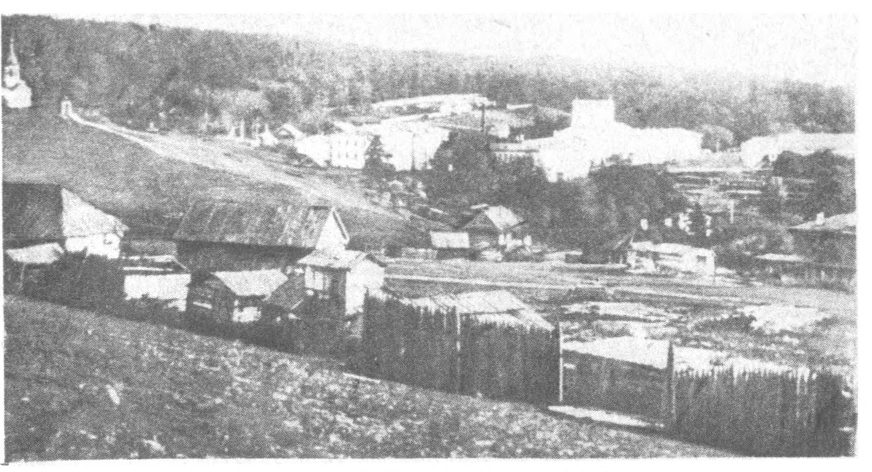
Трудностей еще хватало. Если в 1928—1929 году было немало фабрик, которые на два-три процента перевыполняли план (мулловская имени Чичерина, фабрики имени Гимова, имени Степана Разина, имени Калинина), то за девять месяцев 1930 года большинство суконных предприятий не справилось с программой. Рост заработной платы продолжал обгонять увеличение производительности труда. Себестоимость одного метра сукна превышала 3 рубля 40 копеек.

На помощь производству приходили сметка, смекалка, пытливый ум. Никогда раньше ульяновские текстильные предприятия не знали такого подъема рационализаторства и изобретательства, как в годы социалистической индустриализации.

На фабрике имени Гимова изменили конструкцию прядильных машин, и один рабочий стал обслуживать не одну, а две машины. А сукновальный мастер из Ишеевки Гаврила Трушин прославился по всем предприятиям. Нигде не могли исключить такой брак, как протиры в сукновальной машине. Трушин усовершенствовал механизм, и за счет этого на два часа ускорилась валка, а число протиров сократилось на 11 процентов.

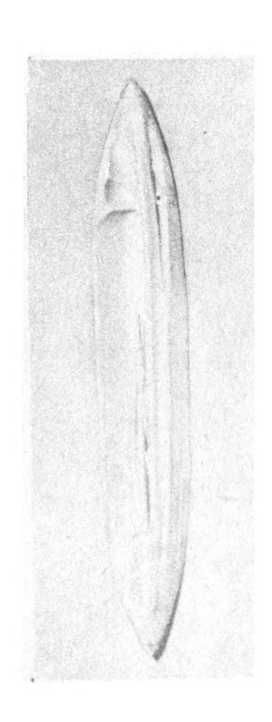
О рацпредложении аппаратного мастера фабрики имени Гладышева П. Л. Карько писал даже центральный журнал «Шерстяное дело». До его новшества измучились прядильщики: идет пряжа неровная с немецких аппаратов, и все тут! Причина была понятна — неравномерное натяжение делительных ремешков. Но как избежать этого? Не один месяц колдовал над машиной аппаратный мастер, опираясь на свой двадцатилетний опыт, знания, а также советы главного инженера. И однажды Карько осенило: нужно не ломать голову над тем, как равномерно натянуть множество ремешков, а отказаться от них вообще, заменив одним ремнем, общим для всего делителя. Опыт удался. Пряжа на фабрике имени Гладышева отличалась с тех пор особой ровностью.

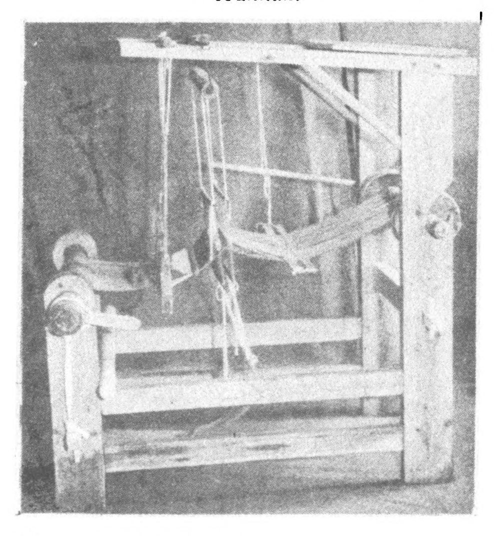
Фабричные рационализаторы особенно пристально всматривались в «узкие» места, творили поистине чудеса



Румянцевская суконная фабрика в начале XX века.

Челнок, применявшийся на первых механических станках.





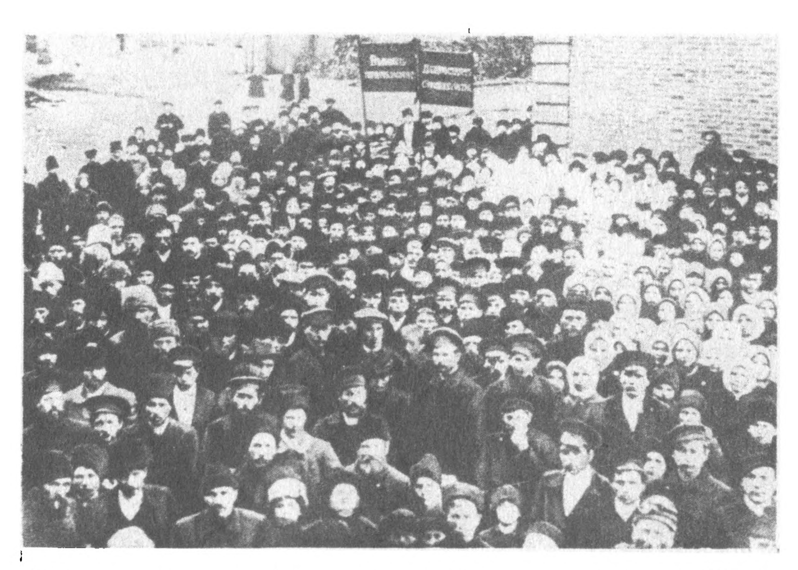
Ручной ткацкий стан.

Оркестр Языковской суконной фабрики перед концертом в Большом театре (Москва, 1914 г.).

Гурьевская суконная фабрика до Октябрьской революции.

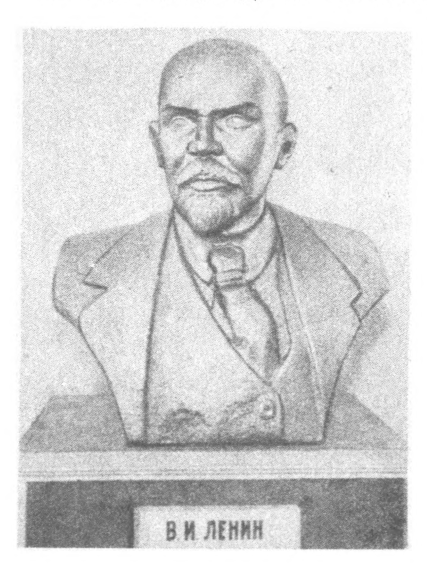
М. А. Гимов и В. Г. Пеньевский.

П. Х. Гладышев.



Митинг текстильщиков Ишеевки по поводу свержения царизма (март 1917 г.).

Делегаты I съезда текстильщиков Поволжья (Гурьевка, июнь 1917 г.). В центре группы — П. Х. Гладышев.



Один из первых бюстов В. И. Ленина, отлитый в 1924 г. на суконной фабрике имени Я. М. Свердлова по модели румянцевских мастеров И. В. Мелешкина и Н. А. Черпакова.

Ячейка РКСМ суконной фабрики имени Я. М. Свердлова (1925 г.)

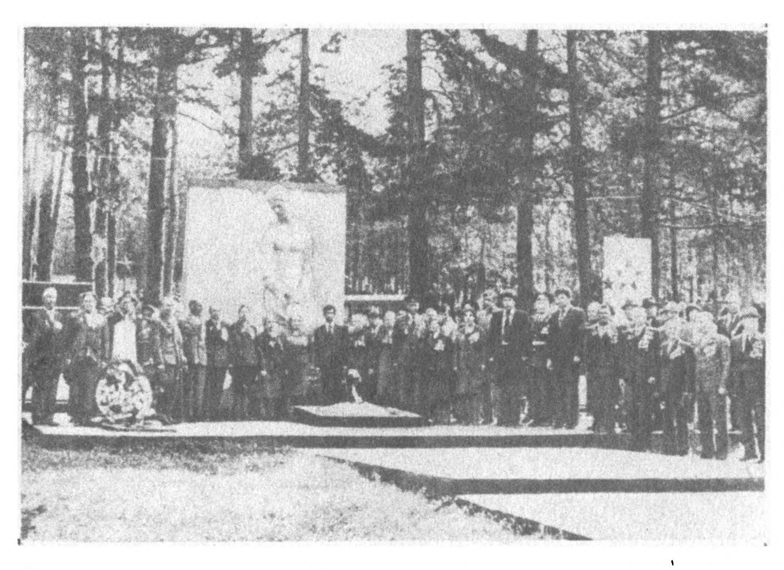
Билет члена профсоюза поволжских текстильщиков (1928 г.).

А. В. Акимов.

В. И. Васин.

Н. С. Герасимов с женой.

Героические будни тыла: текстильщики на торфоразработках (1944 г.).



Митинг памяти павших на братском кладбище у поселка Измайлово (1985 г.).

С. Д. Карнилова.

Т. М. Басова.

Встреча текстильщиков в День работников легкой промышленности (Измайлово, 1985 г.). Слева направо: ***К. Ф. Галочкина. Е. В. Мешков,*** *Н. В. Лямзина, А. С. Симонова.*

с оборудованием. И результаты давали себя знать. Например, на старотимошкинской фабрике имени III Интернационала только в 1931 году в бюро рационализации и изобретательства поступило 180 предложений. Экономический эффект от внедрения этих предложений составил 12 849 рублей!

А сколько сделали рационализаторы-текстильщики для улучшения качества продукции!

Кому отдать в работу самый плотный драп, кому поручить соткать тончайшее трико? На фабрике имени Ленина не задумывались: Грудцинову, смекалистому рационализатору. Сначала он придумал от руки перематывать оставшуюся часть початка, причем делал это быстро, не прекращая наблюдения за станком. Впоследствии установил на станке колоброды, которые заменили ручную перемотку. Грудцинов не посчитал зазорным использовать дедовское приспособление. Главное — брака, рвани у него стало меньше, не более 100 граммов на кусок суровья, а выработка день ото дня увеличивалась.

О мастере приготовительного цеха суконной фабрики имени Я. М. Свердлова Сергее Егоровиче Павлове говорили: волшебник. Никто так красиво не составлял смески. Кудесник смесок был и творцом передового. Еще в 1925 году он агитировал за переход на обслуживание аппарата одним секретчиком. А в 1930 году Сергей Егорович сам сконструировал смесовой транспортер, который и число смесовщиц в цехе сократил с 24 до 14, и труд женщин облегчил.

Следуя заветам В. И. Ленина, ульяновские текстильщики во всех своих делах опирались на гласность. Стенгазеты выходили на всех предприятиях. В цехах и бригадах вывешивались «красные» и «черные» доски, плакаты. А в 1931 году сначала на фабрике имени Ленина, а затем на других суконных предприятиях были учреждены Доски почета и переходящие Красные знамена — для тех, кто досрочно выполнил пятилетнее задание.

Как заклеймить нерадивых? Способов было много. На кого не подействует, например, такое: у проходной комсомольцы-синеблузники делали подобие могильного холма, ставили крест с надписью: «Здесь покоится горький пьяница И. Г. Иванов».

Непримиримо бились текстильщики с пороками, понимая, что для социалистического производства это вред-

4 Заказ 229

ный груз, от которого непременно надо избавиться. Рабкоры смело писали в газеты, невзирая на лица.

8 июля 1928 года в губернской газете «Пролетарский путь» появилась заметка с фабрики имени Степана Разина «За что судят бывшего директора Долгова?»: Рабочим надоело терпеть безобразия своего руководителя, действовавшего старыми, отжившими методами грубого администрирования, произвола, и они сами, не дожидаясь приказа Ульсукнотреста, решили его судьбу. По их требованию Долгов был отдан под суд. А коммунисты фабрики приняли решение исключить из ВКП(б) секретаря партячейки Погоняева, который пьянствовал и потакал безобразиям директора.

Как к первейшему врагу, решили относиться к пьянству на суконной фабрике имени Ленина. В апреле 1929 года рабкор писал отсюда в газету «Красный Октябрь»: «Степанов и Саранцев являются на работу в нетрезвом виде, Губанов и Мироненко прогуливают целые дни... а Ялтин убегает с работы... Коллективу рабочих Румянцевки за время соревнования наравне с производственным браком нужно ликвидировать и живой брак».

Первая пятилетка завершилась. Трудно было подсчитать, насколько эффективно сработала вся текстильная отрасль Средневолжского края. В те годы подчиненность фабрик часто менялась: в разное время они входили в подчинение Государственного грубосуконного треста, 1-го суконного треста, Всесоюзного текстильного объединения, а в 1931—1933 годах — Сызранского треста грубых сукон. Но итоговые цифры каждой фабрики свидетельствовали о значительном росте производства.

Тимошкинцы за пятилетку дали более 6 миллионов метров готового товара на 22,5 миллиона рублей. Если программой на 1927/28 хозяйственный год фабрике намечалось выпустить 487 тысяч метров тканей, то в 1932 году со станков здесь сошло уже 800 тысяч метров. Еще более высокими темпами росло производство на фабрике имени Калинина. На рубеже двадцатых и тридцатых годов выпуск тканей на всех предприятиях превысил довоенный (1913 года) уровень.

Текстильщики учились считать и управлять, к чему призывал В. И. Ленин. Все фабрики перешли на хозрасчет. На каждом предприятии образовались бригады, и им тоже предлагали: «Вот приход, вот расход, вот ваши

деньги — считайте и делите сами». Всюду устранили обезличку: каждому определили его участок — комплект станков, за который он теперь становился ответственным. В 1931 году для большинства рабочих основных производств изменилась система заработной платы. Оплата стала прогрессивно-сдельной.

На финише пятилетки большинство фабрик работали в две смены, восемь предприятий перешли на семичасовой рабочий день.

В начале тридцатых годов обострилась международная обстановка. Советской стране угрожали войной. Наряду с производством гражданских тканей текстильные фабрики вновь увеличивали выпуск шинельных сукон.

Летом 1935 года на всю страну прогремело имя Алексея Стаханова, а следом — имена ивановских ткачих Марии и Евдокии Виноградовых. Стахановский почин был сразу подхвачен симбирскими текстильщиками.

— Как лучше расположить станки, чтобы ткачам удобно было работать не на двух, как раньше, а на четырех? — задались вопросом молодые специалисты суконной фабрики имени Ленина Серафима Александровна Добрынина и ее муж Андрей Алексеевич Шаров. В 1935 году только они на всем предприятии имели вузовские дипломы. Но знания — знаниями, а опыт — опытом, и начинающие инженеры обратились за советом к старшему мастеру Алексею Осиповичу Черпакову. Вместе продумали наиболее удобное расположение комплектов, а в свободное от работы время сами же и разворачивали станки (в то время фабрика еще не имела бригад монтажников и наладчиков).

Приноравливаясь к духу времени, ткачихи учились управляться с тремя-четырьмя станками. Прокладывали стахановскую тропинку на фабрике коммунистки Мария Петровна Быкова, Елена Васильевна Юрьева, Александра Петровна Волгина.

Просто ли следить за станками, когда те не имеют сигнальных устройств? А тогдашние шенгеровские станки их не имели, к тому же были тихоходными — 48 ударов в минуту. Молодежь, мечтавшую выполнять за смену три-четыре нормы, это не устраивало.

И вот однажды, тоже в ночь на воскресенье, руки мастеров Добрыниной, Шарова и Черпакова реконструировали станки, убыстрили ход машин. Каждую секун-

ду — удар. Смену отработал станок — 25 200 ударов сделал. Если, конечно, без простоев.

Немалыми были отраслевые нормы — 26 метров суровья на станок. С четырех станков у передовиков теперь сходило в смену не менее ста метров.

Но больше не получалось из-за высокой обрывности. Долго искали причины. Из Москвы из института приехали в помощь инженеры. С. А. Добрынину включили в комиссию.

Обследование велось по всей цепочке. Выяснилось, что в прядильном цехе стахановцы взялись обслуживать на сельфакторах большее число веретен. Клич-то бросили, а как следует приемами лентостаночников не овладели. Пряжа и выходила легкая на обрыв.

— Хватит с этим мириться, — выступил на цеховом собрании помощник мастера Павел Яковлевич Ксенофонтов. — Сам я попробую не только обслуживать машин больше положенной нормы, но и, если что, прядильщицам буду подсказывать и отстающих поммастеров подтяну.

Так на фабрике имени Ленина началось стахановское движение среди поммастеров, а по примеру известного ударника Никиты Изотова стали брать на буксир отстающих.

В конце 1936 года на предприятие поступили новые, многочелночные станки завода имени 1 августа. Советские ткацкие первенцы! О большой обрывности больше не говорили: положение и в прядении и в ткачестве наладилось.

...Спустя три с половиной года после того, как ульяновские суконщики влились в стахановское движение, Михаил Иванович Калинин вручал в Кремле первые в истории ульяновской текстильной отрасли государственные награды передовикам. И в эти торжественные минуты каждый из них окидывал мысленным взором весь пройденный путь...

Красноармеец в гражданскую, впоследствии кадровый ткач фабрики имени III Интернационала Михаил Иванович Камынин, грудь которого украсила медаль «За трудовое отличие», в 1935 году перешел на обслуживание четырех станков. Вместе с другими рабочими прошел выучку у зачинателя стахановского движения в Старом Тимошкине Якуба Кадермятова. Но вскоре сам Камынин достиг такого мастерства, что мог делить-

ся опытом с молодыми. Его ученицы Елена Уткина и Анна Тихонова стали известными ткачихами и тоже стахановками.

В кресле рядом с Камыниным, ожидая, когда назовут ее фамилию, сидела Надежда Григорьевна Ильина, ткачиха с Мулловской фабрики. Еще по дороге в Москву она рассказала, что вместе с ней сначала на три, затем на четыре станка перешли старый рабочий Федор Иванович Зимин, совсем еще молоденькие Надя Данилова и Екатерина Черемухина, а вскоре и все ткачи цеха. У прядильщиц Мулловки первой стахановкой стала Анастасия Шилинцева...

Евдокия Григорьевна Семенова, ткачиха Игнатовской суконной фабрики имени Степана Разина, не так робела, как ее товарищи, в этом дворцовом зале — здесь она уже была в 1935 году на Всесоюзном слете стахановцев промышленности и транспорта. Слышала речь И. В. Сталина. Помнила, как выступал нарком легкой промышленности И. Е. Любимов. Вот и сейчас он поздравляет награжденных. Среди них опять же — знакомое со слета лицо М. Лысяковой, ткачихи московской фабрики имени Фрунзе. Ох, как зажгла она тогда, в 1935 году, всех своей речью, в которой заявила: «Буду мировой ткачихой!».

Стала, и не одна она. О рекордах в текстильной промышленности говорили чуть ли не каждый месяц. Самой Е. Г. Семеновой потребовалось лишь десять лет, чтобы пройти весь путь от самых азов текстильного дела до искуснейшего владения своим ремеслом. И одну ли ее воспитало стахановское движение? Вот Александра Прохоровна Лисова, ткачиха с этой же фабрики имени Степана Разина, — она награждена орденом «Знак Почета». А как мастерски ведут дела поммастера коммунисты Агафонов, Орлов и Пономарев. А ткачихи Языковской фабрики, с которой соревнуются игнатовцы, — первые виноградовки, как тогда называли, Елизавета Службина, Татьяна Гудалова, Ольга Куликова, Матрена Шипкова... Их пример ударной работы увлек за собой многих.

Ткачи всегда шли впереди остальных. На ульяновских суконных предприятиях именно в ткачестве сложились самые квалифицированные кадры, лучшие в Среднем Поволжье. И не случайно в приказе по грубосуконному тресту еще в 1928 году говорилось: «Су-

ществующие школы ФЗУ Ульяновского района решено концентрировать в одну школу при фабрике № 10 (румянцевской имени В. И. Ленина), для чего разрешено выстроить общежитие на 50 человек. **Ульяновскую ФЗУ ориентировать на ткацкую школу** (подчеркнуто нами. — **О. Н.**), Тамбовскую — на прядильную и отделку, Пензенскую — на аппаратную».

На предприятиях действовали специальные курсы для рабочих. На фабрике имени Степана Разина, например, 35 помощников мастеров всех цехов и отделов, занимаясь на курсах, не только обретали профессиональные навыки, но и изучали русский язык, математику. Приходили сюда охотно, жадно впитывали то, что не успели познать из-за гражданской войны и разрухи. Многие из тех мастеров потом сами стали преподавателями стахановских школ, которые открылись на каждой фабрике.

25 ноября 1936 года у гимовцев родилась ценная инициатива. Рабочие создали сквозную стахановскую бригаду имени VIII Чрезвычайного съезда Советов. В состав бригады вошли представители всех производств, участвующих в технологической цепочке. Теперь не стало разделения на передовые и отстающие участки — все оказались связанными воедино общими задачами, работа каждого подчинялась общей цели.

Стахановские смены ульяновских текстильщиков плотно, без близн, вплетались в ткань всеобщего созидания. Но в светлой героике мирных дней уже звучали тревожные ноты, предвещающие скорую военную грозу. В газете «Шерстяник», органе парткома и фабкома фабрики имени Калинина, рядом с заметками об успехах многостаночников публиковались письма языковцев А. Столярова и А. Золина о боях на озере Хасан.

...10 апреля 1939 года в Ульяновске с оркестром встречали пассажирский поезд из Москвы. В нем ехал на родину Герой Советского Союза Николай Семенович Герасимов, чья рабочая жизнь началась в ткацком цехе Языковской суконной фабрики.

«Вот ведь здорово, — восхищались текстильщики, — именно тот, чьим именем наша фабрика названа — Михаил Иванович Калинин, — лично вручал Герасимову орден Ленина и Звезду Героя».

В числе встречающих были и текстильщики фабрики имени Гимова. Это на их предприятии, приехав из

Языкова, Герасимов два года работал ткачом, возглавлял лучшую комсомольско-молодежную бригаду. Здесь его знали все.

Биография героя была самой пролетарской. Его отец служил простым кучером у фабриканта Арацкова, не умел даже расписываться. Да и сам Николай в годы разрухи смог кончить лишь четыре класса. Но Советская страна открывала для молодежи много возможностей. И ткач, работая, учился в летной школе Осоавиахима (он закончил ее в Ульяновске в 1933 году), а затем поступил в военную авиашколу, где с завидным упорством постигал тонкости летного дела и стал летчиком-истребителем, асом.

Его военный талант, мужество проявились в боях за республиканскую Испанию. Немногое знали текстильщики о том, за что удостоился их товарищ звания Героя — скупы были сообщения в газетах. Но слухи доходили: в первой же схватке с фашистами самолет Герасимова получил более 80 пулевых пробоин. Ранило и самого летчика. Но Николай Семенович после перевязки снова ушел на задание и сбил два фашистских стервятника.

Совершил Н. С. Герасимов и другой подвиг, ставший позднее легендой. Он спас от неминуемого расстрела бомбардировщик испанского летчика Альфонсо Гарсиа, один вступив в схватку с шестью фашистскими «мессерами». После боя Гарсиа считал советского летчика погибшим. Узнал его фамилию — Герасимов. Потрясенный мужеством своего спасителя, он навечно запомнил ее, а когда в 1940 году принимал советское гражданство, заявил: хочу взять другую фамилию — Герасимов.

И после встречи в апреле 1939 года текстильщики не раз добрым словом вспоминали Николая Семеновича. Герой Испании, он был грозой для японских самураев в небе над Халхин-Голом. Его в числе лучших называл участник тех событий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Часто я вспоминаю с солдатской благодарностью замечательных летчиков товарищей С. И. Гриневца, Г. П. Кравченко... Н. С. Герасимова и многих, многих других».

Николай Семенович был первым Героем Советского Союза родины Ильича и первым Героем из текстильщиков.

«Нас согревала шинель!»

В Языково газеты попадали с суточным опозданием. И «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» № 146, последний мирный номер, пожилая ткачиха Елизавета Ивановна Гусева увидела, когда все уже знали о войне. Материнское сердце, казалось, не выдержит: с газетной страницы смотрел сын — Константин Гусев. Его вместе со старшим наряда, с служебной собакой фотокорреспондент снял сидящими в засаде. Подпись под клише рассказывала, как доблестно охраняют лучшие пограничники заставы Южный Буг, мирный труд советских людей.

Но мирного труда уже не было. И успокоенности тоже. Сжималось в груди сердце матери: «Как он там, Костя? Ведь мы еще не знали о войне, а он уже видел смерть своими глазами».

Отец Сергей Тимофеевич написал заявление в военкомат, хотел быть рядом с Константином. Но попал на Ленинградский фронт. И встретиться так и не пришлось...

Работа по-военному в Языкове началась сразу, как только грянула грозная весть.

— Товарищи суконщики, — обратился 22 июня к рабочим директор фабрики имени Калинина Васса Варламович Коридзе, — медлить нельзя и даже ждать, сложа руки, указаний свыше — преступление. Перезаправляйте станки на серошинельное сукно прямо сегодня, сейчас.

23 июня партком рассматривал заявления добровольцев. Электрик Александр Вощинин, токарь Александр Бильдеев, рабочий Валерий Корольков, учетчик Николай Трофимов просили принять их в члены ВКП(б) и отправить на фронт. Более ста текстильщиков и их сыновей простились с родным домом в первые дни Великой Отечественной.

Встретил врага лицом к лицу секретарь парткома фабрики имени Калинина Василий Иванович Антропов. Его еще в мае направили на военную переподготовку в Белоруссию. Ударные части фашистов накатились так стремительно, что отступать было поздно. Василий Иванович погиб как коммунист, с единой мыслью: хоть на шаг задержать рвавшуюся вперед нечисть. Фабричная шинель, которая согревала парторга в ненастные

дни отступления, стала ему покрывалом в братской могиле.

Коммунисты и беспартийные, совсем юные и повидавшие войны, революции, — все поднимались на священную борьбу. Рабочий фабрики имени Гладышева П. А. Барабанов писал в заявлении 23 июня 1941 года: «Прошу зачислить меня в ряды Красной Армии и немедленно отправить на фронт. Я — бывший матрос, мне больше 50, но я здоров и бодр и могу защищать Советскую власть наравне с молодежью. Я партизан гражданской войны... Буду драться на фронте, как дрался в гражданскую войну против белых банд. Убедительно прошу в моей просьбе не отказать».

Будущие ткачихи, прядильщицы, сновальщицы из барышской школы ФЗО имени Комсомола Е. Нагорова, А. Щежинова, К. Чернышева, В. Сидорова, Т. Кузнецова, Р. Кузьмина, Н. Виноградова просили военкомат взять их добровольцами. 50 девушек ушли на фронт в первый день войны. Позднее добровольцы Барышского района составили два полка.

Из десяти коммунистов Мулловской фабрики был создан в июле 1941 года истребительный взвод. В него вошли старейшие работники предприятия член партии с 1910 года А. Шигорин, большевик ленинского призыва В. Н. Ватрухин, пятидесятидевятилетний рабочий К. З. Зяббаров. В первые дни войны ушел в РККА секретарь партийного комитета С. П. Кузьмин.

Наркомат текстильной промышленности РСФСР принял постановление «О перестройке рабоче-текстильных предприятий на военный лад». Производственные задания фабрикам увеличились на 18 процентов и более. Все понимали, что отрасль идет в первом эшелоне оборонной промышленности, и от того, как будут обмундированы советские воины, в конечном счете тоже зависит победа.

Кто же заменит выбывших опытных рабочих, научится обращаться с сельфакторами и ткацкими станками? Кто возьмет на себя новые заботы: организацию противовоздушной обороны фабрик и формирование отрядов народного ополчения, сбор денег в фонд обороны и теплых вещей для солдат? Как, наконец, быть с топливом, когда на фронт отправили все фабричные автомашины и подводы? Невиданный патриотический подъем оставшихся в тылу помогал ответить на эти вопросы.

На всех текстильных предприятиях области к станкам встали жены фронтовиков, пенсионеры, подростки.

Работница фабрики имени Гимова Анастасия Разумовская выступила с обращением: «Своим упорным трудом мы поможем фронту громить фашизм. Призываю всех жен фронтовиков приступить к работе на нашей фабрике».

И уже на следующий день отдел кадров принял более десяти заявлений.

Партийная организация фабрики имени III Интернационала направила по домам Старого Тимошкина своих агитаторов. Но домохозяек можно было и не уговаривать. Женщины-татарки в критические для страны дни становились к машинам, учились работать. За 1941 год на предприятие пришло 140 человек пополнения.

Директор фабрики имени Гладышева только в июле подписал 150 заявлений от домохозяек о приеме на работу.

Куйбышевская областная газета «Волжская коммуна» 9 июля 1941 года рассказала о том, как стригальный мастер фабрики имени Гладышева Дегтярев, рабочий с пятидесятидвухлетним стажем, взялся обслуживать две смены, не выходя из цеха по нескольку дней. Первый председатель фабкома Мулловской фабрики Абдурахман Гемранов тоже не оглянулся ни на свой возраст, ни на ноющие со времен гражданской войны шрамы. Он пошел работать в котельную.

В едином патриотическом порыве начала работать оставшаяся в тылу молодежь. Ей предстояло раньше времени повзрослеть, возмужать. Юноши и девушки понимали, что в самоотверженном труде, в единстве фронта и тыла, в могуществе партии — залог победы.

На многих участках текстильного производства труд традиционно являлся чисто мужским. Как же заменить призванных в армию специалистов, если, к примеру, на фабрике имени Свердлова 80 процентов работников составляли женщины?

— Овладеем мужскими профессиями, — бросили клич девушки-текстильщицы. И одной из первых взялась за хлопотное дело поммастера ишеевская ткачиха Ксения Егорова. А для Марии Павловны Клетаниной эта профессия была не новой. Она обучалась ей в Сызранском текстильном техникуме, потом работала на фабрике имени Гимова. Может быть, так и осталась бы помощником

мастера, если бы не война. Муж Марии Павловны Илья Иванович руководил ткацким производством, но время потребовало — и ушел защищать страну. Вскоре в Ишеевку пришла весть о его гибели.

Как пережить? Как выстоять? И Мария Павловна самозабвенной работой для фронта отомстила за смерть близкого человека. Она посчитала себя обязанной встать на его место, вступить в должность начальника ткацкого производства. Коммунисты приняли Клетанину в свои ряды.

На суконной фабрике имени Гладышева стали известны имена помощников мастеров К. Афанасьевой, К. Артамоновой, Е. Генераловой, А. Кириллиной. В ткацком цехе фабрики имени Свердлова говорили о быстром профессиональном росте поммастера А. Харчиковой. А в Старом Тимошкине первой взяла бригадирство известная ткачиха, застрельщица стахановского движения на предприятии А. И. Тихонова. За ней в поммастера пошли А. Кузяшина, М. Тагирова, Н. Хабаева.

В информации Мелекесского горкома ВКП(б) от 1 августа 1941 года говорилось о героизме женщин тыла: «Помощник мастера льнокомбината Дмитриева Вера обеспечила выполнение плана своим комплектом на 120 процентов, ватерщицы льнокомбината Г. Т. Шмелева, Карнаухова и многие другие выполнили нормы выработки на 117—120 процентов... На льнокомбинате ушел добровольцем в армию заведующий отделом технического контроля Т. Майтак. Начальник швейного цеха Т. Агафедрова стала совмещать две работы — начальника швейного цеха и заведующего ОТК льнокомбината».

Женщины имели опыт, а патриотический подъем ускорял их путь к мастерству. Но на фабрики приходило и много подростков, до того ни разу не державших в руках челнок, не видевших веретена. Нужно было помочь им освоиться в новом деле, как можно быстрее овладеть производственными навыками. Поначалу на текстильных предприятиях существовал лишь метод индивидуально-бригадного ученичества. Однако квалифицированных кадров требовалось все больше и больше, и при фабриках были открыты курсы производственно-технического минимума.

Программа курсов была до предела сжата. И все же на обучение уходили долгие мучительные недели. Клю-

чевые участки все еще оставались оголенными. Так, фабрика имени Ленина даже во втором квартале 1942 года была обеспечена кадрами лишь на 34 процента.

Но не только по этой причине ряд суконных предприятий области не справлялся с выполнением производственной программы. Заготовка шерсти в стране по сравнению с довоенным уровнем снизилась на 40 процентов, и это не могло не сказаться на текстильной отрасли.

Языковская фабрика имени Калинина в четвертом квартале 1941 года стояла из-за нехватки топлива. Машины в прядении и ткачестве бездействовали 37 дней, в отделке — 48. Языковцы недоработали 211 тысяч метров тканей. Они знали, что в этом их вины нет — наоборот, женщины, пенсионеры, подростки после 11 часов работы у станка шли в лес на заготовку дров. Главная трудность заключалась в транспорте: для оставшихся шести фабричных автомобилей не было ни капли бензина. И все же понуро смотрели люди друг на друга, будто корили себя.

— Силы появятся, и транспорт будет, — уверял директор Коридзе. — А пока наш долг — дать армии столько тканей, сколько требуется.

И языковцы на время сократили выпуск жаккардовых одеял, гражданского и ремесленного драпа. Зато план по производству серошинельного сукна перевыполнялся. Со станков начала сходить также портяночная ткань.

С величайшим напряжением работала суконная фабрика имени Свердлова. Измайловцы взяли обязательство выполнить годовой план к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. И свое слово они сдержали, выпустив до конца 1941 года дополнительно еще 250 тысяч квадратных метров тканей.

Трудно определить, где проходила в те нелегкие дни грань между подвигом и обычным — по меркам военного времени — напряженным трудом. Являлось ли подвигом решение инженеров и мастеров фабрики имени Гладышева увеличить на 30 процентов выпуск шинельного сукна?

Это был шаг беспримерный. Как, за счет чего добиться такого? Ведь рабочих рук не хватало, облегчения неоткуда было ждать.

— Сукно наше теперь станет шире — сто шестьдесят

восемь сантиметров против прежних ста тридцати девяти, — пояснял участникам партийного актива директор фабрики Гумбург.

За этим решением стояли ночи работы без сна, без отдыха целой группы инженеров, рационализаторов. Они изменили многое в устройстве ткацких станков, режим валки, компоненты смеси. Для фронтового сукна требовалась повышенная плотность, снижение номера основной и уточной нитей. И этого добились. В декабре 1941 года со станков сошли первые метры уширенного сукна. Это был подвиг коммунистов, всех барышских текстильщиков. Фабрика имени Гладышева получила 2 миллиона рублей экономии, а родившееся здесь новшество было внедрено на многих суконных предприятиях страны.

Ударно, по-боевому выполнили программу первого военного года ишеевские и мулловские текстильщики. Последние дали армии свыше одного миллиона метров шинельной ткани.

Не машины обеспечивали рост производительности труда. Старые и изношенные — от них не приходилось ждать ничего. Да и запчастей в военные годы не поступало. Вся надежда была на рабочие руки.

И могли ли они — нежные, ласковые женские руки — дать себе отдых, когда с фронта приходили такие письма, как прислал жене бывший сукновал фабрики имени Ленина Иван Григорьевич Зубов! «Ранен я легко, так что скоро выпишут, — писал он из госпиталя в конце 1941 года. — Доктор, что первым меня осматривал, сказал: «Шинель тебя спасла!» Скатка на мне была шинельная. Пуля в нее попала, ослабла, пока сукно пробивала, в тело совсем не глубоко вошла. Не будь скатки — был бы мне конец!..

Бой был трудный, многие солдаты скатки сбросили, чтобы посвободней было, а я не сбросил. Думалось, Шура, что, может, ты для этой шинели пряжу делала. Казалось, сукно родной фабрикой пахнет».

Женщины верили, что сотканные ими шинели, согревая красноармейцев в жестокие морозы, помогут бойцам отстоять Москву.

Сердца переполняла ненависть к врагу. От сводки к сводке, от письма к письму с фронта росла она. В горьких слезах изливала себя, когда почтальон приносил похоронку.

А осенью 1941 года ульяновские текстильщики услышали горькую правду о войне от самих очевидцев. В Языково эвакуировались харьковчане — швейники фабрики имени Тинякова, в Мулловку — рабочие Глушковской суконной фабрики Курской области. В Ишеевку со станции Ульяновск-1 перевозили станки Яковлической суконной фабрики, а фабрика имени Свердлова приютила оборудование двух своих сестер — Сумской и Киевской ткацко-прядильных фабрик.

Принять все было непросто, но ульяновцы видели в этом свою святую обязанность перед эвакуированными советскими людьми, собратьями-текстильщиками, познавшими беду.

На станции Майна выгрузили станки Кременчугской суконной фабрики. Некомплектные от спешного демонтажа, поцарапанные в дороге, стояли они, как подранки, под открытым небом.

— Не допустим, чтобы оборудование ржавело, — решили члены партийного бюро фабрики имени Степана Разина. Для перевозки машин создали комиссию. Ее председателем назначили директора предприятия Капустина.

Старые фабричные тракторы, сделав всего два рейса, вышли из строя. И опять вся надежда — на человеческие руки. За 30 километров перетащили они тяжелые ящики, спасли 3 аппарата и 35 ткацких станков. Благодаря дополнительному оборудованию фабрика имени Степана Разина увеличила выпуск продукции на 362 тысячи метров.

В мае 1942 года коллективы Ивановского меланжевого комбината имени Фролова и Ореховского хлопчатобумажного комбината выступили с патриотическим призывом ко всем работникам отрасли. Сразу после этого на фабрике имени Калинина состоялось партийное собрание.

— Ивановские текстильщики правы, — выступил мастер ткацкого цеха Иван Иванович Орлов. — Все мы должны через сердце свое и душу пропустить слова: «Каждый метр ткани для Красной Армии — это удар по врагу». Пусть же наши девчата и в бригадах и поодиночке соревнуются между собой за право называться ударными фронтовыми комсомольскими бригадами.

С доброго напутствия старого мастера началось соперничество немалой важности — первоначально между

бригадами помощников мастеров Екатерины Киселевой и Марии Пазыркиной, Анастасии Кустовой и Анны Исаевой. Они перешли на повышенные зоны обслуживания, стали обучать новичков. К концу 1942 года в соревновании участвовало уже 530 языковцев. Стахановцы и ударники (а их на фабрике имени Калинина насчитывалось более 400) ставили новые рекорды выработки.

В ноябре, когда началось наступление советских войск под Сталинградом, коллектив языковцев работал с особым подъемом, и ему была присуждена вторая премия за успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании. В постановлении бюро Тагайского райкома ВКП(б) от 12 ноября 1942 года говорилось: «...фабрика Калинина выполнила план декады (декады помощи героическому Сталинграду. — **О. Н.**) на 120,5 процента, дав качество продукции на 2 процента выше плана. Впереди шли 4 ударные фронтовые бригады, объединявшие 42 комсомольца».

В феврале 1942 года первые шинели были сшиты на эвакуированной из Харькова фабрике имени Тинякова, которой языковцы отдали новый корпус. И соседство оказалось дружным, добрым и полезным. Видя, что калининцы экономят в год материалов и сырья почти на 150 тысяч рублей, швейники решили не отставать. Соперничая с текстильщиками, они разработали новые схемы раскроя, благодаря чему сберегли 22 тысячи 557 метров сукна. Еще семь с половиной тысяч бойцов получили теплое обмундирование.

Для обучения молодежи на каждом предприятии были созданы стахановские школы. На фабрике имени Гладышева действовало 28 таких школ — по специальностям. Обучались ткачи, прядильщицы, винтовщицы, секретчицы. Руководила всем обучением Тамара Ежова.

На фабрике имени Свердлова организатором стахановской школы стала ткачиха Е. А. Ломакина. Чтобы зажечь товарищей, она сама перешла на обслуживание четырех ткацких станков. Такая зона в трудное военное время была рекордной. Тем не менее Ломакиной удавалось выполнять норму выработки на 170 процентов. Молодежь охотно шла учиться к такой умелице. За годы войны изо всех своих 60 девчат-учениц, которые раньше не знали, с какой стороны взять челнок, Ломакина воспитала классных ткачих.

Там же, на фабрике имени Свердлова, родился по-

чин «Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт». Сменный мастер Ф. А. Дементьев, проводив в армию трех сыновей, дал себе зарок: «Буду работать за пятерых поммастеров, что ушли из моей смены».

...Шел 1943 год. Уверенность в победе крепла. Ширилось и соревнование в текстильном крае. Новая форма соперничества родилась на фабрике имени Гимова: фронтовик, бывший рабочий из Ишеевки Василий Дмитриевич Тузов вызвал коллектив предприятия на соревнование. В батарее, где воевал ульяновский текстильщик, лозунгом стали слова: «Драться и бить беспощадно гадов по-тузовски». В цехах каждый сверхплановый метр суровья записывали на имя Тузова.

На 130—150 процентов выполняли норму фронтовые стахановцы фабрики имени Гладышева А. Мосейкина, К. Кузьмина, А. Гаврюшова, А. Александрова.

О лучшем помощнике мастера фабрики имени Свердлова О. Расшиваловой в начале 1943 года писала районная газета. На Доске почета фабрики имени Ленина висели портреты щипальщицы А. Селюковой, смесовщицы О. Фегиной, стригальщиц Е. Козловой и Д. Черпаковой.

Анастасия Ивановна Лучкина многие годы прожила в Мулловке. Но известность пришла к ней в военном сорок третьем. Она взяла две машины, научилась работать с 240 нитями вместо 100 по норме. Главное управление шерстяной промышленности присвоило ей звание лучшей секретчицы.

Анастасия Ивановна вела занятия с новичками на курсах техминимума. А прядильщица Евдокия Никитина не любила, да и не умела выступать перед аудиторией. Но понимала: раз сама выполняет норму на 150—170 процентов, в совершенстве изучила приемы труда — не имеет права таить при себе свой опыт: молодежь ждет. Война продолжается. Однажды подозвала к машине двух девушек-соседок: Космынину и Баранову. Предложила: посмотрите, как работаю. И наставничество оказалось настолько удачным, что прядильщицы в полтора раза повысили производительность своего труда. Сократился и брак.

Так, инициативой и подлинным творчеством ответили ульяновские суконщики на постановление областного комитета партии «О подготовке рабочих кадров для предприятий текстильной промышленности».

К сентябрю 1943 года фабрики ждали пополнение из трех школ фабрично-заводского ученичества. О барышском ФЗУ имени Комсомола слава шла далеко, в его выпускниках были уверены. А каких специалистов пришлют новые, войной рожденные, школы в Ишеевке и в Языкове?

Оказалось, достаточно подготовленных. Ишеевцы гордились: их школа ФЗУ завоевала первое место во Всесоюзном соревновании школ фабрично-заводского ученичества. Девушки сразу же становились помощниками мастеров; едва привыкнув к машинам, ткачи и прядильщики переходили на повышенную зону обслуживания.

Но школа жизни и работы оказывалась куда сложнее, чем учеба.

В какие санитарные нормы уложить температуру в цехе — минус шесть градусов? Но на это не жаловались. Хуже, когда кончалось машинное масло. Неужели станки замрут? Но выход находили: в дело шло солярное масло и даже деготь.

«Все — сернистых красителей в этом году не будет», — сообщал начальник отдела снабжения фабрики имени Ленина. А технологи принимали решение: «Что ж, будем вкладывать некрашеный хлопок».

Не имея ни дельных станков, ни лабораторий, творили фабричные изобретатели и рационализаторы. Рабочий Мелехин и инженер Варшавер с фабрики имени Ленина переделали передачи на секретах. Все часто ломающиеся цепи они заменили шестернями. А в целом, внедрив в 1943 году 15 рацпредложений, на этом предприятии сэкономили 54 897 рублей.

Однажды ткацкий мастер фабрики имени Гладышева Мосейкин предложил новый способ торможения навоев. Приехали специалисты из Измайлова, посмотрели, решили перенять. Действительно, способ не требовал больших премудростей, а по военному времени, когда не было ни металла, ни особых станков для изготовления оснастки, простоту его посчитали главным достоинством. Он давал равномерное натяжение основы и улучшал качество ровницы. В 1944 году гладышевцы внедрили 19 полезных усовершенствований. Были среди рацпредложений и вынужденные тяжелой обстановкой — например, замена стальных подшипников на деревянные, изготовление наборных валяльных валов.

На Мулловской суконной фабрике слесарь М. Д. Иванов сконструировал новый ленточный транспортер, значительно облегчавший труд рабочих.

А изобретения Н. М. Павлова стали известны не только на фабрике имени Калинина. Языковских аппаратчиков в то время очень подводили передаточные цепи. А где найдешь новые в войну? Много вечеров слесарь Павлов просидел над схемами. Им по четкости линий было далеко до конструкторских чертежей, и о расчетах рабочий не думал. Но природная сметка, двадцатилетний опыт ставили Павлова на ступеньку выше иных инженеров. Вскоре аппарат для изготовления цепей ожил; был сделан и новый штамповочный станок. Простому языковскому слесарю присвоили звание «Лучший рационализатор наркомата текстильной промышленности СССР».

Да, героизм текстильщиков заключался не только в рекордах. Он проявлялся в каждодневной борьбе с трудностями.

Люди недоедали. Чтобы как-то улучшить питание текстильщиков, по решению правительства в апреле 1942 года на всех предприятиях были созданы отделы рабочего снабжения. Они вели подсобные хозяйства, промыслы, организовывали торговлю. В Языкове на берегу пруда запустили фабричную мельницу, зерно со своих участков суконщики мололи без затруднений. А на фабрике имени Ленина ОРС организовал трехразовое питание подростков до 18 лет — их работало здесь без малого 160 человек.

Но больше нормированного пайка ОРСы дать не могли. А он был для всех невелик. Помощники мастеров, раклисты и красильщики получали в месяц 2—3 килограмма мяса, 900 граммов жира, 500 граммов сахара, 200 — крупы и по 800 граммов хлеба на день. Рабочие других специальностей — и того меньше.

До темноты в глазах голодали сами, но и продовольствием помогали фронту. Только за апрель 1944 года текстильщики Ишеевки сдали в фонд обороны 60 пудов муки.

— Эх, наше дело тыловое, и в старых валенках проходим,— шутили Е. Катеева и Л. Судакова. Зато на фронт языковские женщины отправили по паре новых, добротно подшитых валенок. Они были сваляны из сэкономленных работницами отходов шерсти. Более 500 по-

сылок с теплыми вещами собрали в военные годы суконщики фабрики имени Калинина. Ишеевцы посылали сшитые на дому ватники, телогрейки, брюки. Каждая барышская мастерица связала для фронта по две пары носков.

В фонд обороны текстильщики направляли и свои сбережения. Игнатовские рабочие сдали 200 тысяч рублей облигациями. Ударная фронтовая бригада аппаратно-прядильного производства фабрики имени Гимова отчислила премию за переходящее Красное знамя — две тысячи рублей. Языковские комсомольцы собрали по 10 рублей на строительство бронепоезда, а школьники — металлолом на самолет «Юный пионер».

В канун 24-й годовщины Красной Армии коммунисты фабрики имени Калинина выступили инициаторами создания танковой колонны текстильщиков страны.

Все — для фронта, все — для победы!

В горькую годину рабочие края Ильича ни на минуту не забывали и о будущем, о детях.

— Товарищи, — однажды обратился к членам партийного бюро директор фабрики имени Ленина Малехин, — помните ту детскую пальтовую ткань, что мы отправляли в блокадный Ленинград? Так вот: несколько кусков — 8305 метров — осталось на складе. И я предлагаю — перед начальством мы как-нибудь объяснимся — бесплатно отдать ее для нашей школы.

Коммунисты восторженно встретили директорскую инициативу. И в студеные зимние дни ребята ходили в школу тепло одетые.

Молодежь фабрики имени Калинина бросила клич: «Детям фронтовиков — комсомольскую заботу». Только за зиму 1944 года на предприятии собрали четыре с половиной тысячи рублей на теплую одежду малышам.

— Теперь дома чур не сидеть, — брали комсомолки слово с ребят. — В школу ходить каждый день — проверим, — добавляли они с улыбкой.

Мулловские текстильщики в годы войны шефствовали над детским домом, который был эвакуирован из Ленинграда.

...Как родных, встречали измайловцев раненые в госпитале, что находился в рабочем поселке. Особенно когда текстильщики приходили с песней, с рассказом, сценической постановкой. Художественная самодеятельность прибавляла сил и самим ее участникам.

По-прежнему занимался хоровой кружок на фабрике имени Ленина. Только песни разучивали теперь по преимуществу военные. 24 участника насчитывал драматический кружок.

Жители Жадовки больше всего любили, когда приезжало кино. Но такое по военному времени перепадало редко: в 1943 году — всего 12 раз. Чем занять фабричную молодежь? Выручал небольшой оркестр. Несмотря на одиннадцатичасовую рабочую смену, молодежь любила ходить на танцы.

А на фронтах героически громили врага мужья, сыновья и братья. Многие ульяновские текстильщики прославили подвигами и землю поволжскую, и родные фабрики.

Герой Советского Союза полковник Николай Семенович Герасимов сражался в небе Сталинграда, командовал авиационной дивизией на Курской дуге, участвовал в боях за освобождение Киева. Его излюбленным методом было бить противника в упор. «Побеждает тот, у кого сильнее воля», — говорил он и этому учил молодых летчиков. Не зря Герасимова называли воспитателем советских асов, а его ученик, дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации А. Ворожейкин, писал: «Николаю Семеновичу Герасимову, одному из первых среди крылатого племени, пришлось столкнуться с фашистскими пиратами в небе Испании. Он первым вступил в борьбу с японскими захватчиками. Он первым принял удар гитлеровской фашистской армии. В борьбе за честь, свободу и независимость нашей великой Родины он всюду был первым».

Летом 1943 года Николай Семенович прилетал в Языково.

...Самолет приземлился за школой. Первыми встретили знаменитого летчика, конечно, мальчишки. Пока «як» стоял на поле, они не отходили от боевой машины, осматривали ее, гладили руками шершавые борта.

Мимо знакомого пруда Герасимов прошел прямо на фабрику, где за его прежним станком работала жена.

Встреча была коротка, даже рассказать о боевой жизни Николаю Семеновичу оказалось некогда. «Воюем. Обязательно победим», — улыбаясь, говорил он, и языковцы чувствовали в его словах твердую уверенность.

Не один Н. С. Герасимов из текстильщиков родины

Ленина стал летчиком-истребителем. Его путь от ткацкого станка к штурвалу боевой машины повторил рабочий Мелекесской льнопрядильной фабрики П. И. Коломин.

Еще до начала Отечественной войны по комсомольской путевке Петр Иванович поехал в Оренбургскую военную школу летчиков. Первые боевые вылеты совершил в небе Карелии в 1939 году. В воздушных боях с гитлеровцами он уже командовал истребительным полком, и Золотая Звезда стала его заслуженной наградой.

...Не сразу узнали о подвиге Евгения Молчанова на суконной фабрике в Гурьевке. В памяти гладышевцев жил отчаянный парнишка, веселый и озорной. А как он пел! В 1942 году Евгения Молчанова призвали в Красную Армию, ульяновский текстильщик стал пулеметчиком 223-го гвардейского стрелкового полка.

...Июль 1943 года. Курская дуга. Немецкие войска в районе Белгорода перешли в наступление. На батальон, где служил Молчанов, надвигалась армада из 40 танков и полка пехоты.

Пулемет на линии огня — первая мишень для врага. Осколком снаряда смертельно ранило помощника пулеметчика. Молчанов остался один. Отступать? Сдаваться? Даже тени таких мыслей не могло промелькнуть в сознании красноармейца. Иначе он понимал жизнь, иначе был воспитан в фабричном комсомоле.

Только биться! Безостановочно строчит «максим». Автоматчики отсечены от танков, Молчанов расстреливает их в упор. Но фашистские «тигры» заползают с флангов. И тут солдата обожгло острой болью — вражеская пуля ранила пулеметчика.

Немцы вновь ринулись на высоту. Во врагов полетели гранаты. Одной связкой подбит танк. Но кончились боеприпасы. Последнее, что видел Женя, была прокопченная махина немецкого «тигра», надвигающаяся прямо на него... На наградном листе Евгения Михайловича Молчанова командующий Степным фронтом генерал армии Конев написал: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

С фабрики имени Гладышева восемнадцатилетним парнем ушел в армию Михаил Иванович Тихонов. Призывника провожало все производство, где он работал.

Карельский фронт. В июне 1944 года 300-й гвардейский полк готовился форсировать реку Свирь. Но

перед началом общего наступления нескольким смельчакам предстояло на плотах пересечь неспокойную реку и закрепиться на противоположном берегу. Замысел был такой: немцы и финны не выдержат, откроют огонь и тем обнаружат свои огневые точки.

Кто пойдет? Вперед шагнули десятки добровольцев. Но командир выбрал самых крепких. В числе двенадцати смельчаков было пятеро ульяновцев, среди них Михаил Тихонов. За переправу под шквальным огнем все ее участники стали Героями Советского Союза.

В апреле сорок пятого Михаил Иванович приезжал в Гурьевку на короткую побывку. Героя пригласили в школу ФЗО, а рабочие организовали встречу с ним на фабрике.

Чувства радости, гордости испытывали и текстильщики фабрики имени Ленина: сюда приехал Герой Советского Союза Василий Иванович Васин. Первый поклон — матери Аграфене Никитичне: она еще работала в ткацком цехе. Второй — суконщикам.

Интересно подчас распоряжается судьба: Тихонов и Васин были родом из одних мест, из Инзенского района, почти одновременно стали трудиться на соседних фабриках, оба, уже будучи Героями, приезжали на побывку с фронта в апреле 1945-го. Слышали друг о друге, но встретиться, познакомиться так и не довелось.

В военной биографии Васина тоже была мужественная переправа — через Днепр. К этому рубежу Василия Ивановича готовил весь его прежний путь: от добровольца, курсанта Ульяновского пехотного училища до командира роты. Бился на Дону, под Курском. И вот — Днепр. На берегу великой реки был заполнен наградной лист на Васина. Простота этого документа только подчеркивает величие подвига: «Старший лейтенант Васин, командуя стрелковой ротой, в боях за овладение правым берегом Днепра проявил мужество и героизм. 12 октября 1943 года противник несколько раз пытался возвратить утерянную им высоту 142,4, бросил для этого крупные силы пехоты с танками и авиацией. В этом неравном бою, отбивая контратаки противника, старший лейтенант Васин был дважды ранен и, оставшись с группой бойцов в 10 человек, поля боя не покидал... Лично повел бойцов в атаку против превосходящих сил врага, отбросил его на прежний рубеж и уничтожил при этом 90 гитлеровцев».

Еще до войны Васин знал Сашу Акимова: работали на одной фабрике, жили в поселке имени Ленина почти рядом. Только Саша был на год моложе, с 1924-го. Потому и в армию был призван чуть позднее.

На фронте им встретиться не пришлось. Но военные судьбы двух текстильщиков сложились похоже. И не удивительно — ведь закваска была одна, крепкая, фабричная.

В июле 1944 года разведвзводу Александра Акимова также было приказано в числе первых форсировать реку Одер, закрепиться и удерживать плацдарм до прихода основных сил.

12 немецких атак ценой немалой крови отбили разведчики. В руках солдат осталось несколько наполовину разряженных автоматов, всего одно противотанковое ружье, но и из него Акимов сумел подбить самоходку. Держаться! И вот долгожданное, сметающее фашистов наступление.

— Ребята, на Берлин! — уже не скомандовал, а ликующе крикнул, поднимая бойцов, командир отдельного разведвзвода Александр Васильевич Акимов. Как малый фронтовой эпизод остался позади обугленный, так и не взятый немцами клочок земли на берегу Одера. Взвод наступал в первых рядах. Не оставалось минуты, чтобы по-солдатски «обмыть» орден Ленина и Золотую Звезду командира.

— После победы,— шутил Александр Акимов. И вновь поднимал в атаки людей, теперь в боях за берлинские улицы.

...В те же часы с юга к центру немецкой столицы пробивался Герой Советского Союза, тоже ульяновский текстильщик, в прошлом рабочий Старотимошкинской фабрики Хамзю Салилювич Богданов. Гвардии полковник, он командовал Фастовской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого мотострелковой бригадой.

О первых выстрелах, означавших начало берлинского штурма, в своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков писал: «В это же время 1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной бригады 47-й армии, которым командовал майор А. И. Зюкин, также дал залп по фашистской столице». Стрелки часов показывали 11.30, на календаре было 20 апреля 1945 года.

Исторические минуты! Вместе с немногими их пере-

жил красильщик фабрики имени III Интернационала гвардии ефрейтор Михаил Васильевич Куликов. Он стоял заряжающим у 122-миллиметровой пушки № 351 в дивизионе, отмеченном Г. К. Жуковым. В минуту — семь выстрелов. Каждый снаряд — 32 килограмма весом. Считай сто пудов перекидал через свою грудь Куликов во время артподготовки.

Говорят, своя ноша не тянет. И те двухпудовые снаряды не казались тяжелыми, ведь были они последними, победными.

Воины из Старого Тимошкина Богданов и Куликов видели знамя над рейхстагом. И каждого из них охватывало ликование при мысли о том, что в этой великой Победе есть весомая доля ульяновцев — как фронтовиков, так и тружеников тыла.

Имена семерых Героев Советского Союза и сотен, тысяч смельчаков — своих товарищей отныне с гордостью произносили текстильщики.

Не все вернулись с поля брани. 537 языковцев погибли за родину, 237 ишеевских суконщиков сложили свои головы на фронте... Как скорбное напоминание о павших встали на площадях фабричных поселков обелиски. Именами героев названы сегодня улицы, школы.

Победа была бы невозможна без помощи тыла. Вдумайтесь: каждая четвертая фронтовая шинель шилась из сукна, изготовленного на ульяновских фабриках. Всего за годы Великой Отечественной войны текстильщики области дали стране 23 миллиона 890 тысяч метров серошинельного сукна.

Фабрике имени Гладышева, как лучшей среди ульяновских предприятий по итогам военных лет, решением обкома партии и облисполкома было передано на вечное хранение Красное знамя.

Орденами Ленина отметила страна самоотверженную работу для фронта ткачих К. П. Артамоновой с фабрики имени Гладышева и В. М. Андроновой с фабрики имени Степана Разина. Одним из первых в суконной промышленности области орденом Трудового Красного Знамени был награжден директор фабрики имени Свердлова Д. С. Потяков. Орден «Знак Почета» заблестел на груди прядильного мастера из Ишеевки В. Г. Горячева.

И еще многие сотни других текстильщиков, честно выполнивших свой долг перед родиной, своим трудом,

своей беззаветной верой в победу приблизивших ее, также были удостоены почетных наград страны.

К мирным тканям

С шинельными скатками через плечо вернулись в родную Ишеевку Иван Дмитриевич Горячев, Александр Иванович Мызин, Николай Михайлович Ужегов. Верная спутница солдата — шинель и в мирные дни продолжала служить бывшим фронтовикам. Осенью 1945 года в ткацком цехе фабрики имени Гимова лихорадило паросиловое хозяйство. Было холодно, и назначенный сменным мастером И. Д. Горячев еще раз говорил спасибо плотному военному сукну, хорошо сохраняющему тепло. А. И. Мызин в своем директорском кабинете тоже не расставался с шинелью. Она выручала, заменяя собою постель, когда Александру Ивановичу приходилось коротать на фабрике долгие зимние ночи. А это случалось нередко, ведь фабрику требовалось как можно скорее вывести из послевоенного плачевного состояния.

Нет, снаряды и бомбы ее не тронули. Но производство за четыре года перенапряжения сил оказалось крайне расшатанным. В первые месяцы 1946 года фабрика имени Гимова вообще простаивала: силовая станция вышла из строя и ее вынуждены были переоборудовать.

«Не нам одним тяжело», — думал секретарь партбюро Н. М. Ужегов, вспоминая отчеты директоров и секретарей партбюро текстильных предприятий, вызванных в январе на совещание в Ульяновск. Тогда голос секретаря обкома ВКП(б) звучал тревожно. Шутка ли: выпуск тканей в 1945 году упал на предприятиях области до 46,5 процента против довоенного.

Обветшала техника: около 63 процентов текстильного оборудования работало на фабриках с прошлого века. Еще в июле сорок пятого, выступая на партийно-хозяйственном активе, рабочая фабрики имени В. И. Ленина Ведина называла эту общую беду: «Нет выполнения потому, что машины часто ломаются, ремонтники — молодые девушки, неопытные, ремонтируют некачественно».

Сбивался ритм и в сосудах снабжения. Зимой сорок шестого замерли все до единого автомобили на восьми предприятиях — бензобаки были пусты.

Ужегов знал, что им, гимовцам, в чем-то еще повезло: пусть подводило их паросиловое хозяйство, но не приходилось, как, скажем, в Языкове, пробивать зимник за 12 километров к дровам и за 30 — к торфу. Не болела душа о финансовых делах, а, например, фабрика имени Ленина завершила 1945 год с убытком в 6 миллионов рублей, имея 6,5 миллиона просроченных платежей по ссудам госбанка.

И тем более ишеевцам не пришлось пережить того несчастья, какое выпало в первом послевоенном году на долю фабрики имени III Интернационала: там сильный пожар уничтожил аппаратно-прядильный цех с 10 аппаратами и 11 сельфакторами.

«Надо, как на фронте,— пришел к мысли гимовский парторг, — выручать общее дело собственной ударной работой».

Раньше намеченных сроков ишеевцы переоборудовали паросиловое хозяйство, в мае 1946 вновь задымила фабричная труба. В этом же месяце коллектив добился, казалось бы, в этих условиях недостижимого — завоевал переходящее Красное знамя обкома ВКП(б) и облисполкома. В июне — третье место во Всесоюзном социалистическом соревновании по отрасли, в июле — второе! Работали все лето без остановок. Приезжие удивлялись: кто мог дать фабричному маховику такое ускорение?

Ответ был прост — рабочие, пережившие войну и не желавшие новой. Ульяновские текстильщики понимали, что и от них зависит, быстро ли восстановят Днепрогэс и откачают воду из шахт Донбасса; будут там люди тепло и удобно одеты, будет хватать им портянок и рукавиц — значит, и работа пойдет скорее, быстрее наладится нормальная жизнь.

С этой мыслью работала Мария Степановна Спиридонова, девять лет из месяца в месяц удерживавшая первенство среди ткачей суконной фабрики имени Гимова, одна из лучших мастериц республики. За Спиридоновой тянулись и все остальные члены бригады К. Т. Каравашкина. С каждого станка здесь сходило ежедневно по 24 метра ткани. Чтобы не задерживать ткачей, пришлось убыстрить темп и вязалкам. Одна из них, В. Ря-

бова, доказала, что можно вязать навой не за 2 часа 45 минут, а за 2 часа.

Об этом писала «Ульяновская правда». И вообще в те первые месяцы послевоенного возрождения с ее страниц не сходили заметки о делах текстильщиков. На отрасль смотрели с надеждой. Потому у жителей многих ульяновских районов не возникло вопроса, голосовать ли за винтовщицу суконной фабрики имени Гладышева А. Н. Владимирову, когда гурьевцы выдвинули ее своим кандидатом в Верховный Совет СССР II созыва на выборах 1946 года. Люди знали: избирая текстильщицу представителем высшего органа власти, они помогают и подъему текстильных предприятий.

Потомственная текстильщица Александра Николаевна Владимирова окончила ФЗУ при фабрике имени Ленина. В 1937 году она пришла в прядильный цех фабрики имени Гладышева. И почти сразу начала обслуживать расширенную зону: вместо 130 веретен взяла 180.

Сколько смен осталось позади! Стахановских — третьей пятилетки. Ударных, одиннадцатичасовых — времен войны. И все на одном сельфакторе № 10.

...До гудка, означающего начало смены, еще 30 минут. Присучальщицы Матвеевой пока нет, и Шура Владимирова сама осматривает машину: как смазка, как регулировка.

Гудок. Завращались веретена. Загуляли нити. Шесть часов они работают на норму, два часа — сверх плана. А получается так потому, что за смену сельфактор останавливается лишь один раз — когда Владимирова с Матвеевой идут обедать. В остальное время мастерицы не допускают остановок ни для наставки бобин, ни для снятия съема или вязания веретенных шнуров. Все делают на ходу машины. Прочная и розная сходит с десятого сельфактора пряжа.

Вместе с другими депутатами Владимирова утверждала в Москве план первой послевоенной пятилетки и теперь с чувством удовлетворения видела, как намеченное претворяется в жизнь. Вот прочла в «Ульяновской правде» сообщение о 4-м пятилетнем плане области и для себя отметила: по верному курсу, точно по вехам, намеченным 1-й сессией Верховного Совета, развивается край Ильича. В сообщении том, в частности, говорилось и об отрасли: «Все текстильные фабрики области в ос-

новном завершили переход на выпуск гражданской продукции (главным образом тонкого сукна и шерстяных материй)».

А вскоре Александра Николаевна Владимирова привезла из очередной поездки в столицу еще одну радостную новость:

— Под руководством товарища Косыгина сейчас готовится решение правительства по развитию нашей отрасли,— докладывала она гладышевцам.— Увидите, как заботится о нас партия и вся страна.

23 декабря 1946 года Совет Министров СССР принял постановление «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления». За счет госдотации в 30 миллионов рублей были покрыты почти все убытки текстильных фабрик Ульяновской области. Началась электрификация отрасли. Развернулась замена дореволюционного оборудования новым, современным, высокопроизводительным.

Фабрике имени III Интернационала, как пострадавшей от пожара, 1-е главное управление шерстяной промышленности (ГУШЕП) выделило 72 ткацких станка фирмы «Гроссен Гайнер», 11 трехпрочесных аппаратов и 12 сельфакторов. Для фабрики это означало не только второе рождение, но и перерождение. Ведь с такими машинами можно было выпускать тонкосуконные ткани. Тимошкинцы стали пионерами среди ульяновских текстильщиков в этом деле.

Фабрика имени Свердлова пока не переходила на тонкие сукна, но и обычный бобрик требовал дополнительных технологических решений. В 1946 году здесь была восстановлена бездействующая в войну карбонизационная установка.

В отделке бобрика применялся репей-ворсанка. Импортное, дефицитное сырье. Его всегда не хватало. А уж после войны — тем более: валюта Советского государства шла на закупку станков для возрождения промышленности.

«Чем заменить?» — не раз прикидывал инженер фабрики имени III Интернационала И. С. Агапов. «Бобрик близок к фетру, — рассуждал он. — А в отделке фетра применяют кожу акулы. Она крепка на износ, хранится вечно». Попробовали — получилось. Производство бобрика больше не знало перебоев. А новшество

шагнуло из Старого Тимошкина на все ульяновские предприятия.

Изобретательский талант Агапова проявился и на суконной фабрике имени Свердлова, куда Иван Степанович пришел в 1948 году главным инженером.

В то время все ворсованные ткани на заключительной операции отбивали вручную таволожками, чтобы поднять ворс.

— Эх, непосильный труд, — часто вздыхал, стоя около работниц, старый мастер Серафим Афанасьевич Старовойтов. — Но ведь всегда было так, — добавлял он, многозначительно глядя в глаза главному инженеру.

Расчет оказался верным, и скоро в голове Агапова затеплились искры новой идеи. Казалось, решение найдено. Нужна только помощь единомышленников — одному здесь не осилить.

— А что, Серафим Афанасьевич, давай подумаем, как сделать отбойную машину?

...Ночами горит керосиновая лампа. На столе свитки чертежей. Утром — прямиком в механические мастерские. Мало-помалу контуры новой машины становятся четче.

Через поломанные валы, через измененный корпус пришли изобретатели к последнему варианту. И наконец машина в цехе.

— Чудо, как действует, — оценили работницы.

Только на фабрике имени Свердлова 32 человека оказались освобожденными от однообразного утомительного труда. А сколько рабочих высвободилось по всей отрасли благодаря изобретению машины! Ведь чертежи у Агапова и Старовойтова взяли машиностроительные заводы и новое оборудование стало выпускаться серийно. Благодарности приходили отовсюду. Например, отделочники фабрики «Творец рабочий» из Пензенской области писали: «Старые мастера нашего предприятия боялись, что при машинной отделке бобрик будет не тот. Но качество готового товара только улучшилось».

Качество. Текстильщики никогда не забывали о нем. Теперь же, когда позади осталась война, слово это произносилось все чаще.

Ради улучшения качества гражданских тканей вела поиск группа мулловцев во главе с инженером И. С. Казарновским. Она создала свою репьеочистительную машину.

О качестве и новых видах тканей для народа думал начальник ткацкого цеха суконной фабрики имени Калинина Егор Сергеевич Сорокин. Он еще помнил знаменитые «степановские» сорта драпа и жаккардовые одеяла — ведь сам работал на фабрике почти полвека — с 1904 года.

Но как на разболтанном оборудовании — а в начале сорок шестого из 100 ткацких станков фабрики не было ни одного нового — вернуть былую славу языковских тканей? Как добиться этого с молодыми кадрами, которые во время войны и обучить-то как следует не успели? Конечно, можно было подождать лучших времен, когда придет новое оборудование и подготовят специалистов. Но Сорокин никогда бы не поступил так. Седой текстильщик решил увлечь молодежь своим примером.

— Девчата, — собрал он ткачих, — скажите, чем вы укрываетесь, когда спите?

Женщины замешкались — странный вопрос! Недоуменно пожала плечами Настя Благодатнова:

— Одеялом, конечно.

— А вот потому и спрашиваю, — продолжал старый мастер, — что принеси ты мне это одеяло, я скажу: ерунда это, а не одеяло.

Переглянулись работницы: верно, у каждой одеяло и потертое, и грубое, и темное — где было взять хорошие в войну?

— Так вот, давайте учиться ткать настоящие одеяла, — заключил Сорокин. — На фабрику пришла ангорская шерсть — чудо товар. Она уже пошла в смеску. И мы будем работать тифтиковые одеяла.

Трое суток не выходил из цеха начальник. Объяснял, показывал, где и сам вставал за станок. Пошло дело сначала у молодежной бригады помощника мастера Татьяны Петрухиной, затем и у остальных. А вскоре в газете «Ульяновская правда» появилась заметка о том, что тифтиковые одеяла из Языкова «привели в восторг знатоков мануфактуры на Всесоюзной выставке гражданского текстиля».

— Оценили вашу работу, девчата, — радовался Сорокин.

Еще через некоторое время языковские ткачи стали осваивать двусторонний драп с двойной основой и двойным утком. Всего же в первом послевоенном году фаб-

рика имени Калинина дала 684 тысячи метров готового товара, выполнив план на 105 процентов.

Сорок седьмой год принес ульяновским текстильщикам события одновременно и радостные и горькие. Большой пожар вывел из строя суконную фабрику имени Свердлова. Ночью 7 августа от трения дизельного привода загорелся четырехэтажный ткацкий корпус. Загасить пламя не сумели. Оборудование погибло.

Все рабочие буквально через неделю были отправлены фабричным транспортом на другие текстильные предприятия области. ГУШЕП не тянул с восстановлением сгоревшего корпуса, и уже в середине 1948 года фабрика вернулась к нормальной работе.

Радостным же стал 1947 год потому, что Мулловская фабрика первой в области превзошла довоенный уровень производства. Как на беговой дорожке, когда в определенный момент у спортсмена появляется второе дыхание, суконщики Мулловки, успешно преодолев многие трудности, почувствовали прилив новых сил, и энергия их утроилась. Фабрике было вручено переходящее Красное знамя Министерства текстильной промышленности РСФСР и ЦК профсоюза отрасли.

Людей нужно было поощрять, и не только морально. Пришло время создавать им хорошие условия как на производстве, так и в быту. 14 декабря 1947 года ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР приняли постановление «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

Текстильщики требовали от своих ОРСов организовать нормальное снабжение продуктами. Но работники ОРСов торговлю вели кое-как, а подсобными хозяйствами вовсе не хотели заниматься. Например, подсобное хозяйство укрупненного ОРСа при фабрике имени Гладышева приносило одни убытки, а его трактор весной 1947 года даже не был готов к посевной. Уволили начальника отдела рабочего снабжения Буянова. Но приглашенный В. А. Страхов оказался не лучше. К 1950 году за ним числилась недостача в 7978 рублей. Да не за что-нибудь — за водку! Благодаря попустительству руководства ОРСа вовсю процветало воровство в его отделениях: на пензенской фабрике «Красный Октябрь», в поселке имени Ленина, Старом Тимошкине, Измайлове.

Зная все это, текстильщики не очень горевали, когда

в 1950 году Минлегпром решил ликвидировать отделы рабочего снабжения при фабриках. Но они просили оставить за предприятиями подсобные хозяйства. Ведь благодаря рабочим в хозяйствах были выращены прекрасные сады, разбиты огороды.

В людях сохранилась потомственная тяга к земле, к труду на ней. Например, гладышевцы считали за удовольствие поработать в сезон на полях общественного подсобного хозяйства, которое занимало по реке Барыш семь гектаров земли.

Среди индивидуальных огородов участки суконщиков выделялись своей ухоженностью. В 1948 году за лучшую постановку огородничества фабрики имени Ленина и Гимова получили даже поощрение Президиума ЦК профсоюза шерстяной промышленности. Огород был их верный, надежный кормилец в условиях послевоенной нехватки продовольствия.

Никогда не забывали рабочие и о помощи крестьянам. Только в 1947 году фабрика имени Степана Разина изготовила для подшефной МТС 667 деталей, помогла вывезти к тракторам 197 тонн горючего. Постепенно, общими силами повышался сбор зерна с колхозных полей.

Улучшалось питание. Люди стали меньше болеть. Ульяновский обком профсоюза рабочих текстильной промышленности решил: пора полностью покончить с туберкулезом на фабриках. Особенно высокой оставалась заболеваемость в Мулловке. Обком направил туда доверенных врачей, а потом на пленуме специально рассмотрел этот вопрос. Больные получили бесплатное дополнительное питание, путевки в санатории. По желанию они могли перейти на укороченный рабочий день.

А фабком рассудил: «Только за январь — июнь 1947 года у нас в Мулловке введено 9 двухквартирных домов, а будет строиться еще больше. Надо дать хорошее жилье всем больным, да наверху, на пригорке, где посуше».

Так поступали и на других фабриках, и из 217 тысяч квадратных метров жилья, построенных в 1946—1950 годах на всех ульяновских текстильных предприятиях, немалое количество было отдано больным, инвалидам войны.

Государство заботилось о текстильщиках и через систему социального страхования. Только на фабрике име-

ни Степана Разина за 1946 год было выплачено 151,6 тысячи рублей пособий по болезни, 22 тысячи рублей — пособий по родам, 15,1 тысячи рублей — пенсий инвалидам труда.

Год от года росла реальная зарплата людей, на нее можно было купить все больше товаров. Скажем, если текстильщик фабрики имени Гимова в 1946 году в среднем получил 5566 рублей, то в 1950 году — уже 7282 рубля, а стахановцы зарабатывали до 15 тысяч и больше! Товарооборот по рабочему поселку Ишеевка возрос только за 1950 год на 30 процентов. В один день — 1 марта 1951 года, когда было объявлено очередное, четвертое, снижение цен, рабочие фабрики купили пять мотоциклов. А это было тогда покупкой исключительной.

Развивались рабочие поселки. В 1950—1952 годах открылись новые клубы в Гурьевке и в Мулловке. Не без помощи текстильщиков появились в Ишеевке Дом Советов, детский сад. Игнатовка стала в 1946 году районным центром, и рабочие фабрики имени Степана Разина обязались сделать поселок образцом культуры и порядка. За пятилетие они разбили 8 скверов, начали строить парк культуры и отдыха.

Через годы испытаний войной и разрухой ульяновские текстильщики сумели пронести и любовь к прекрасному. Постановки самодеятельных артистов фабрик имени Гладышева и Калинина по-прежнему считались самыми интересными в области. С большим подъемом проходили межфабричные смотры художественной самодеятельности.

Никогда не были равнодушными суконщики к спорту. Они выступали пионерами массового футбольного движения в крае Ильича. И теперь не забывали о своем увлечении: команды суконных фабрик ежегодно занимали призовые места в области.

Побеждали и за ее пределами. Так, в сентябре 1949 года футболисты-гладышевцы выезжали в Пензу на товарищескую встречу с командой фабрики «Красный Октябрь». Матч закончился со счетом 3 : 1 в пользу гладышевцев. Впоследствии встречи футболистов-текстильщиков соседних областей стали проводиться часто.

Соревновались не только в спорте, но и в труде. 20 февраля 1949 года комсомольско-молодежная конференция, проходившая на фабрике имени Гимова, при-

5½ Заказ 229

няла обращение к текстильщикам Ульяновской области о развертывании социалистического соревнования за выпуск продукции отличного качества. 33 бригады на ишеевском предприятии вступили в соперничество. К концу года две из них — И. А. Высоцкого и К. А. Егоровой — приказом министра легкой промышленности СССР А. Н. Косыгина первыми по Главному управлению шерстяной промышленности получили звание «Бригад отличного качества».

— Ну, а мы, девчата, неужели отстанем? — обратилась к своим подругам по бригаде ишеевская ткачиха Полина Синеева.

По глазам работниц бригадир видела, что хочется им выйти вперед. Но одного желания мало, главное — умение работать без брака. В бригаде были и новенькие, поэтому Полина решила собрать всех и обсудить причины, снижающие качество суровья.

...За обступившими кружком ткачихами ее почти не видно. Ростом Полина не вышла, но, как говорится, мал золотник, да дорог. Речь шла о деле:

— Договоримся — каждый день проверять друг у друга, чист ли станок, нет ли на нем масла (оно может испачкать суровье), в порядке ли ремизки.

Девушки решили особенно тщательно принимать станки от предыдущей смены. Говорили обо всем, что может снизить качество ткани. Со следующего дня, пустив свои станки, они старались углядеть и за соседками, менее опытным — помочь.

И успех пришел! Ткачи Синеевой завоевали звание «Бригады отличного качества» во Всесоюзном социалистическом соревновании дважды.

Эстафетную палочку рабочего соперничества приняло все ткацкое производство фабрики имени Гимова, и в начале 1950 года его начальник М. П. Клетанина, секретарь партийной организации С. Д. Злыдарев, председатель цехкома А. Г. Трегубова принимали поздравления с присвоением коллективу звания «Производство отличного качества».

На суконной фабрике имени Гладышева долгое время соревновались между собой бригады ткачей Архипова и Тарасова.

...Закончился 1950 год. Напряженное ожидание: кого признают победителем? Производительность выше в бригаде Архипова, валовой выпуск — там же. Но каче-

ство лучше у тарасовцев: 99,5 процента продукции здесь сдали первым сортом. И это стало решающим. Вскоре на фабрику пришел приказ, подписанный А. Н. Косыгиным, о присвоении коллективу И. Г. Тарасова звания «Бригады отличного качества».

Рабкор районной газеты «Коммунист» спросил по этому случаю у ткачих А. Г. Кириллиной и А. И. Прокофьевой:

— За счет чего добились победы?

— За счет соревнования, — не раздумывали те. — Будь мы одни, то есть работай сами по себе, не вызывая бригаду Архипова, — никогда б не видать нам успеха.

Но если личные и бригадные формы соревнования текстильщикам нравились, поддерживались ими, то соперничество между производствами одного предприятия — скажем, между аппаратно-прядильным и ткацким — в те годы плохо приживалось. «В цехах все разное, а по одним цифрам состязаться — не дело», — рассуждали рабочие.

Больше привлекало парное соревнование предприятий — возможностью побывать у соседей, перенять ценное да и себя показать. Текстильщики фабрики имени Ленина заключили договор со старотимошкинцами. Рабочие, инженеры фабрики имени Степана Разина в октябре 1950 года приезжали в Ишеевку. А у шерстяников фабрики имени Калинина соперник был дальний — коллектив Стрыйской суконной фабрики. С 1953 года оба предприятия стали участвовать в соревновании в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. Со стороны языковцев лидировали в нем бригады Виктора Ключникова из аппаратного отдела, Анастасии Кустовой — из прядильного. Ткачиха Е. Филиппова бросила вызов своей далекой подруге Анне Тымчий.

Соревнование приносило ощутимые результаты. Так, за 1948—1951 годы выпуск первосортной продукции увеличился на фабрике имени Ленина с 86,7 до 96,5 процента, на фабрике имени Гладышева — с 92,2 до 99 процентов, у игнатовцев — с 89,8 до 97 процентов.

Вскоре в стране заговорили об инициативе 88 московских предприятий. Их инженеры и рационализаторы предложили уплотнить оборудование в цехах и установить дополнительное.

В Ульяновской области первыми последователями

москвичей стали текстильщики фабрики имени Свердлова. Все рассчитав, переделали схему расстановки оборудования. В подготовительном отделе высвободили 35 квадратных метров, в аппаратном — 50. Здесь смонтировали еще один двухпрочесный чесальный аппарат. «Нашлось» 150 квадратных метров и в ткацком цехе, где дополнительно установленные 8 станков увеличили выпуск суровья на 12 процентов.

Но, как сообщала «Ульяновская правда» 31 декабря 1949 года, измайловцы нашли «резерв не только в установке нового оборудования, но и в повышении скорости машин». Фрикционные приводы на ткацких станках давали пять процентов прибавки скорости. Цементированные и закаленные в фабричных мастерских детали снижали время простоя станков, так как такие запчасти ломались в 2—3 раза реже обычных.

В каждом новом почине, движении, волны которых катились по всей стране, текстильщики края Ильича находили что-то ценное для себя. Не копируя полностью, добавляли свое, развивали лучший опыт.

Именно возможностью поиска, творчества привлек их метод инженера московской тонкосуконной фабрики «Пролетарская победа» Ф. Л. Ковалева. Его автор показывал, как перевести бригаду или цех на скоростные приемы, приглашая каждого поэкспериментировать.

Прядильщицы фабрики имени Ленина Е. Ф. Рядова и М. Ф. Ваньгина решили попробовать. Как-то перед утренней сменой подозвали мастера Лушникова:

— Коля, вот тебе часы с секундной стрелкой. Сделай доброе дело, засеки, когда мы встанем за сельфакторы, — сколько времени и на что тратится.

После смены сообща обсудили результат.

— Сэкономить во времени можно. Вот ровничные бобины — разносите их все до одной по рабочим местам заранее; кладите поближе. Сельфактор пускайте сразу же, как только присучалка заправит последнюю нить.

Через день — помогли в фабкоме — плакаты с яркими цифрами хронометража и описанием передовых приемов останавливали каждого входящего в цех.

По тому же методу московского инженера помощник мастера из Ишеевки И. И. Высоцкий с секундомером проверил выполнение операций у всей бригады. Быстрее других получалось у винтовщицы Семеновой и присучальщицы Сидорычевой. Их приемы Высоцкий описал

и детально рассказал о них на общем собрании. Постепенно члены бригады научились затрачивать времени на операции в полтора раза меньше нормы. Пряжи со станков сходило на 12—20 процентов больше заданного.

Но как бы ни совершенствовались приемы, у человеческих рук есть предел скорости. Особенно остро это почувствовали текстильщики на рубеже пятидесятых годов, когда отрасль вышла на довоенный уровень производства. Для дальнейшего движения вперед требовался резкий рывок.

В 5-й пятилетке Госплан наметил поэтапную реконструкцию суконных предприятий. В 1953—1954 годах предусматривалась установка нового оборудования на новых площадях, строительство пристроев. В 1954—1956 годах — возведение новых корпусов и переход всех предприятий на выпуск тканей улучшенного ассортимента. На ульяновских фабриках 55,4 тысячи квадратных метров деревянных перекрытий подлежало замене на железобетонные.

В конце 1953 года мулловские строители заложили новый аппретурный корпус. Проект предусматривал установку совершенной приточно-вытяжной вентиляции, воздушных завес оборудования, сооружение душевых и гардеробных. На следующий год было готово двухэтажное производственное здание на фабрике имени Гимова, началось строительство пристроя к основному корпусу; пятую часть деревянных перекрытий заменили на железобетонные. Для рабочих подготовительного отдела фабрики имени Ленина день 1 мая 1954 года стал праздником вдвойне: их цех перешел в новое, капитально отремонтированное помещение.

При фабрике имени Гладышева строилась ТЭЦ, расширялся кирпичный завод, а в 1955 году были уложены первые шпалы на вновь сооружаемой железнодорожной ветке предприятия.

Никогда раньше на фабрики области не приходило столько нового оборудования. Игнатовцы получили мощный генератор, сушильно-ширительную и пылевыколачивающую машины, самопресс. В 1953 году в цехах начали появляться лампы дневного света. Вскоре ульяновские текстильщики познакомились с маркой ткацких станков «Текстима».

На фабрике имени Свердлова в 1955 году установили четыре двухпрочесных аппарата по 120 ремешков

каждый, мотальные и сновальные машины, фирменное оборудование в отделке. На фабрике имени Ленина плечи и руки рабочих заменил ленточный транспортер. Он доставлял теперь сырье от трепальной машины до смесового отдела. Появились и пневматические системы.

К новой технике присматривались рационализаторы и, видя удачные конструкторские решения, сами загорались искрой поиска. На фабрике имени Ленина они расширили на семи чесальных аппаратах делительные каретки и установили сучильные рукава. Скорость выпуска ровницы выросла на 15 процентов.

В Игнатовке мастера Архангельский и Кубасов тоже усовершенствовали каретку аппарата, а столяр-модельщик П. Ефимов предложил изготавливать тормозные круги для сновальных машин не из десятка, как раньше, а лишь из двух пластин, скрепленных деревянными шпильками. Это давало экономию материала на 1000 рублей в год.

Языковские рационализаторы начальник ткацкого производства Л. И. Стерин и старший мастер И. И. Орлов внедрили не только у себя — по всем фабрикам — стол для проверки качества суровья с электрическим подсветом.

А на фабрике имени Свердлова П. С. Колотькин, Н. Е. Гутников, А. И. Сальников попробовали установить на все ткацкие станки фрикционы, уточные вилочки охолостки и другие приспособления. В результате скорость станков возросла до 72—74 ударов в минуту. Поиск в этом направлении шел на всех фабриках, и к 1955 году в среднем по области ударность возросла до 69—70, тогда как в начале 5-й пятилетки она равнялась 60,5.

...Получая от химической промышленности искусственное сырье, рабочие с недоверчивостью произносили новое слово: «Синтетика!» Но оказалось, что внедряемые волокна — хорошие помощники текстильщиков. Не сразу научились на фабриках составлять с ними качественные смески, но когда освоили это дело — сразу уменьшилась обрывность, а из отделки ткани выходили яркие, красивых расцветок. Сразу повысился и спрос на них.

Фабрика имени Калинина полностью заменила грубые одеяла «Волжские» на меланжевые приятных то-

нов. А тимошкинцы перешли на выпуск драпа из тонкой мериносовой шерсти.

В ткацком цехе фабрики имени Ленина демонтировали тихоходные станки с пружинным боем и сразу же на их место ставили скоростные многочелночные. На новом оборудовании можно было вырабатывать ткани с самыми затейливыми переплетениями.

Ульяновские ткани вновь обретали славу — еще более широкую, чем прежде. И как бы окрыленные ею, работники каждой фабрики ежегодно пускали в производство до десяти новых образцов.

Этому способствовало и то, что с 1957 года упростилось утверждение цен и ассортимента. Ведь раньше суконщикам куда только не приходилось обращаться! Одна лишь ведомственная подчиненность фабрик менялась много раз. До декабря 1948 года они подчинялись Главному управлению шерстяной промышленности Минтекстильпрома РСФСР, затем, с объединением двух министерств, — Минлегпрому РСФСР. В начале 1953 года было создано Министерство легкой и пищевой промышленности СССР, в октябре 1953 года — Министерство промышленности товаров широкого потребления СССР. С 1956 года руководила отраслью Росглавшерсть Министерства текстильной промышленности СССР. Часто подчинение оказывалось дальним и неудобным. 1957 год развязал этот трудный узел — именно тогда в Ульяновске создали совнархоз, а при нем — управление легкой промышленности.

Ульяновским суконщикам, можно сказать, повезло: заместителем председателя совнархоза, начальником упрлегпрома стал И. Я. Соснин, многие годы руководивший главком шерстяной промышленности в Москве. На фабрику имени Гладышева директором приехал бывший начальник планового отдела Главшерсти А. А. Мурашев, на фабрику имени Ленина — Е. И. Зоев, прежде возглавлявший Шуйскую фабрику.

Опытнейший текстильщик, И. Я. Соснин, дотошно изучив деятельность каждого ульяновского предприятия, писал в январе 1958 года: «За прошедшие после войны годы облик грубосуконных фабрик значительно изменился, ассортимент вырабатываемых тканей настолько обновился, что потерял смысл — «грубосуконный».

Но, с радостью отмечая это, Соснин вовсе не считал

цель достигнутой. Он понимал: 22 артикула тканей для восьми крупных предприятий (столько действовало в области в 1957 году) — крайне недостаточно, тем более что из общего количества продукции тонкосуконные драпы составляли всего 5,14 процента.

Семилетний план предопределил для текстильной отрасли края новые темпы. К 1965 году на фабрике имени Калинина, например, намечалось увеличить выпуск продукции на 81 процент (довести его до 4,5 миллиона метров в год), а на фабрике имени Гладышева — в 2, 3 раза!

«Выдюжат ли фабрики? — не раз спрашивал себя И. Я. Соснин. — Должны!» И, как мог, сам помогал предприятиям.

Давно еще, в начале пятидесятых, ходил он к Алексею Николаевичу Косыгину, просил помочь Ульяновску с инженерными кадрами. Будто чувствовал, что на Волге предстоит самому работать. Тогда первый зампред Совмина командировал в область 5 инженеров и 15 техников. Помогал не раз и после.

В отрасль направлялось все больше капитальных вложений. Например, по Мулловской фабрике только за 1956—1958 годы они возросли в четыре раза! Освоить — не шутка! Но управление легкой промышленности справлялось.

Совершенствовались машины, технология, условия труда. В 1958—1959 годах шерстяники Ишеевки и Мулловки, льнянщики Мелекесса получили государственную электроэнергию с Волжской ГЭС. Ушли в прошлое запутанные трансмиссии, передаточные ремни. К этому времени почти все оборудование стало приводиться в движение индивидуальными электромоторами.

А насколько расширялись возможности конструировать! Да и сам поиск нового обрел инженерную основу. На смену дедовским мастерским пришло современное конструкторско-технологическое бюро. Его первым проектом стала поточная линия обработки сырья для смесового отдела фабрики имени Гладышева.

В области появилось и новое объединение: 26 июня 1959 года суконная фабрика имени Калинина и швейная фабрика имени Тинякова были объединены в текстильно-швейный комбинат имени Калинина. Пальтовые ткани, выходившие из отделочного цеха языковцев, теперь сразу попадали на раскроечный стол.

Карсунский канатиковый завод считался в области маленьким, неприметным предприятием. Но вот в его цехах появились новые машины, и впервые в Поволжье здесь началось производство искусственного каракуля. Белый, голубой, розовый — в таких декоративных цветах выпускали его поначалу из капроновых волокон. Покупатель проявлял заинтересованность. Но более по вкусу людям были естественные тона. И вскоре из крашения стал выходить серый и коричневый каракуль-смушка. Основа его была теперь вискозная. 96 тысяч метров нового материала выдали карсунские текстильщики в 1959 году.

Экспериментальное производство родилось и при Мулловской суконной фабрике. Разместили его в Никольском-на-Черемшане, где когда-то в седой древности стояла суконная мануфактура Н. А. Дурасова. В начале мая 1959 года здесь началось производство искусственного меха. К концу года было выпущено десять тысяч метров.

Сначала мех изготавливался из чистошерстяной пряжи на хлопчатобумажной основе. Но уже через полгода пришлось перестраиваться на нейлон — новое синтетическое сырье считалось перспективным. И кто мог предположить тогда, что чистошерстяной искусственный мех, изготовление которого осваивали первоначально в Никольском, сегодня, через 30 лет, назовут новым словом в текстильной промышленности?

В 1959 году квадратный метр искусственного меха весил 270—300 граммов и стоил 170 рублей. Им отделывали шапки-ушанки, воротники, курточки-безрукавки, шили дамские манто.

О никольском мехе одобрительно заговорили после выставки текстиля, которую провели 26 декабря 1959 года в Ульяновске универмаг и база Ростекстильторга. Но И. А. Соснин, обращаясь к директору Мулловской фабрики В. Н. Висящему, был скуп на похвалы:

— Мех ваш, конечно, выделялся из других тканей. Но вы показали образцы. А вся продукция по качеству, сам знаешь, слабая.

Да, мулловский директор знал, что в филиале, бывало, нарушали расписание по расцветкам, часто мех получался мохнатый и серо-грязный. Всего неделю назад до этого разговора Ростекстильторг предупредил фабрику за отгрузку недоброкачественной продукции.

— Поучитесь, как отделывать гладкий ворс, у свердловцев, — подсказал зампред совнархоза.

Действительно, хоть на фабрике имени Свердлова и не изготавливали искусственного меха, кое-что из ее опыта можно было перенять. Там впервые в области научились выпускать ткань не со стоячим ворсом под бобрик, а с мягким, пушистым, ровным ворсом. Долго бились над ним лучшие отделочники фабрики Левин, Фролов, Аввакумов. Получилось. Образцы «клетки ворсистой» ушли в Москву.

Вскоре, в мае 1960 года, инженер-дессинатор фабрики держала в руках ответ: «Общесоюзный Дом моделей сообщает, что полученные нами образцы тканей, созданные коллективом вашей фабрики, представляют большой интерес. Художники дали очень высокую оценку оформлению и фактуре этих тканей. По мнению наших художников, дессинаторы и другие работники вашей фабрики взяли правильное направление в подработке новых тканей. Модели одежды из ваших тканей будут демонстрироваться на выставке за границей и на XI Международном конгрессе мод в Софии, а также в разных городах Советского Союза». А 31 ноября 1960 года главный комитет ВДНХ СССР наградил фабрику имени Свердлова дипломом III степени — «За разработку и массовый выпуск ассортимента ворсовых тканей детских пальто в различных расцветках».

На рубеже нового десятилетия ульяновская текстильная марка обрела — стараниями ее создателей — широкую, заслуженную популярность.

Второе дыхание

К черте двух веков подходил исторический разбег ульяновской текстильной отрасли.

Вслед за фабриками искусственного меха и каракуля в области появилось ковровое предприятие. Первую в СССР фабрику прошивных тафтинговых ковров разместили в Новой Майне, где издавна существовал пеньковый завод. Внушительно выглядело вновь поступившее сюда американское оборудование, которое почти полностью освобождало людей от тяжелого труда.

Но прежде чем новое предприятие по-настоящему ста-

ло на ноги, ему пришлось побывать в лабиринте перипетий. Сначала совнархоз планировал развернуть фабрику в Новой Майне временно, а впоследствии перевести ее в Мелекесс. Такой вариант создавал неопределенность положения и дополнительные проблемы.

Проектировщикам ульяновского филиала института «Легпромпроект» из-за тесных помещений пенькозавода пришлось пойти на ломку технологической цепочки коврового производства. Но это было полбеды. А где разместить ткацкий цех для выпуска каркасной ткани? На Мелекесском льнокомбинате? Теснота. На Мулловской фабрике? Но она готовится к освоению нетканых материалов — недосуг здесь заниматься новым делом. Ишеевка? Далеко — сто с лишним километров, но там есть пенькозавод, можно его переделать.

К осени 1960 года в Ишеевке был выстроен корпус, где вскоре начали вырабатываться пряжа и каркасная ткань для новомайнских ковров. Это производство присоединили к суконной фабрике имени Гимова — здесь образовался текстильный комбинат.

Первая ковровая дорожка была изготовлена накануне 7 ноября 1961 года. Но, как ни старались новомайнцы, получилась она блеклой и некрасивой.

...В тот ноябрьский вечер главный инженер фабрики Е. И. Ивченко и начальник коврового цеха Н. Г. Травина задержались на предприятии допоздна. Вряд ли кто-то из них думал оправдывать себя, хотя каждый знал: если бы управление легкой промышленности Ульяновского совнархоза имело четкий план стройки, не шарахалось от решения к решению, не гналось за рапортами — первый ковер, пусть позднее, появился бы совсем иным. Новомайнцы экзаменовали самих себя на звание текстильщиков. Смогут ли они преодолеть трудности, удержаться на новом вираже истории отрасли, поспеть за научно-техническим прогрессом? Тогда же главный инженер и начальник коврового цеха наметили смелый план движения вперед.

Прежде всего решили отказаться от дорогой натуральной шерсти. Химики предлагали в то время все больше новых искусственных материалов. Но опыта работы с ними не было. И как поведет себя американское оборудование, к которому заокеанские партнеры не приложили никаких руководств по использованию? Все же пошли на риск. Из химических волокон выбра-

ли медно-аммиачное штапельное низких номеров: на всех переходах оно вело себя спокойно, а в крашении давало солнечные тона.

Но опять проблема — красители. И кроме нее — еще с десяток позиций, которые всплывали белыми пятнами, когда речь заходила о снабжении производства. До бесконечного долго тянулась переписка с Госпланом и совнархозом. Сырья все не было.

На первом в 1962 году собрании коммунисты единодушно поддержали предложение:

— Обратимся в Центральный Комитет партии. Фабрика наша — дело всесоюзное, и ЦК поможет и подскажет.

...В своем письме новомайнцы рассказывали о том, как ждут фабричную продукцию люди и как простаивает миллионное, поистине золотое оборудование. Для себя ничего не просили. Даже о жилье, которое пока не строилось при фабрике, говорили как о второстепенном, понимая — не все сразу. Главное было — обеспечить предприятие сырьевыми компонентами, чтобы заработал и оправдал себя дорогостоящий конвейер.

Об остальных фабричных бедах решили не писать. «С ними как-нибудь сами справимся», — заключил партийный секретарь. И прежде всего надо было обеспечить предприятие кадрами.

Близок Мелекесс. Живут там потомственные текстильщики — молодые, горячие сердца. Услышав клич, брошенный новомайнцами, одной из первых отозвалась Клавдия Татаркина, работница льнокомбината. За ней, недолго раздумывая, на новую фабрику перешли прядильщицы Елена Мертвецова и Нина Кузьмина. На льнокомбинате они еще недавно учились сами, а тут пришлось, узнав тонкости американских кольцепрядильных машин, передавать навыки другим. Примеру мелекесских льнянщиков последовали и мулловские суконщики: первыми со старейшей фабрики приехали сестры Анастасия и Елена Никулины, Алла Ильина.

Еще одна проблема — как обучать ковровщиков? Ведь в Америку всех не пошлешь. (Хорошо еще, что некоторым специалистам удалось там побывать — например, инженеру А. А. Трезвину.)

Текстильщики исстари умели собирать ценный опыт по крупицам. В прядении сильной всегда была мулловская школа. Ее и прошли все новомайнские прядильщи-

цы. Ленточницы обучались в Мелекессе. Постигать искусство крашения будущие мастера ездили на фабрику имени Свердлова и на текстильно-швейный комбинат имени Калинина.

Пока росли корпуса фабрики, 120 человек учились на курсах здесь же, в Новой Майне. Но окончательно сложилась система профессионального обучения в 1963 году, когда в поселке появилось заочное отделение Барышского текстильного техникума.

Сами, без помощи извне, искали новомайнцы и способы ускорения производственного процесса. В сушильном цехе разработали новый рецепт латекса — проклеивающего состава для закрепления коврового ворса с изнаночной стороны. Рационализаторы думали об усовершенствовании оборудования, заботясь о дне завтрашнем. Машины импортные. Что будет, если полетит деталь? Не сразу такую найдешь. И мастер С. Т. Аввакумов, например, предложил уменьшить на американском чесальном аппарате скорость вращения съемного гребня с 1200 оборотов в минуту до 800. Выработка от этого не упала, зато гребневые коробки стали служить намного дольше.

В мае 1962 года пришел ответ из Центрального Комитета партии: сырье будет. Фабрику прикрепили к Шуйскому заводу искусственного волокна. И производство стало налаживаться. Если в начале года от новомайнских дорожек торговые организации отказывались, за первые шесть месяцев прислали 142 рекламации, то вскоре начали просить сверх нарядов. Программа — 2 миллиона квадратных метров продукции в год — быстро оказалась освоенной. По успехам пришла и честь: в дни работы декабрьского (1963 года) Пленума ЦК КПСС ульяновские ковры демонстрировались на ВДНХ СССР.

К радости новомайнцев, Приволжский совнархоз отказался от идеи перевода фабрики в Мелекесс. Вместо этого в городе на Черемшане развернулось строительство нового текстильного исполина — комбината технических сукон.

Вновь ульяновские шерстяники услышали слово «первый». Оно, казалось, навсегда получило прописку в крае. Право на первый шаг, на первое испытание волжане завоевали своей творческой смелостью, лидерством в отрасли, умением разумно рисковать.

Технические сукна на ульяновских предприятиях никогда раньше не вырабатывали. Да и во всей стране для их изготовления было лишь два цеха: на комбинате имени Тельмана в Ленинграде и на фабрике «Красный Октябрь» в Пензенской области. Но разве могли те небольшие производства сравниться с первым в Советском Союзе специализированным комбинатом, который доверили возводить мелекессцам! Комбинатом-гигантом, который должен был занять площадь в 10 гектаров, а его основной корпус — 32 тысячи квадратных метров!

Рождение первенца не затягивалось во многом благодаря усилиям самих текстильщиков, которым предстояло на комбинате работать. Если в 1963 году строители в раскачке освоили всего 500 тысяч рублей, то в следующем, под нажимом управления текстильной промышленности Приволжского совнархоза, — уже 1 миллион 100 тысяч рублей. Вступили в строй административное здание, ремонтные мастерские и котельная.

К лету 1964 года был готов и главный производственный корпус. Требовалось быстрее приступить к монтажу оборудования — в ящиках с иноязычными надписями оно уже ждало своего часа. Но вот беда — рабочие чертежи сборки отсутствовали, а практические руководства не были переведены на русский язык. По этой причине работники саратовского СМУ «Монтажлегмаш» не торопились начинать установку машин. Тогда суконщики решили взять дело в свои руки.

— Мефодий Алексеевич, знаете, нам такие монтажники не нужны, — обратился однажды к директору М. А. Сухову начальник ткацкого призводства Г. Григорьев. — Мы с ребятами подумали — раз нам работать на этих машинах, сами их и установим.

— Это уже решено — откажемся от саратовцев, — сказал Сухов. — А за инициативу передай ребятам спасибо.

И вот молодые текстильщики Бибин, Солоухин, Вязых, Мингалеев штудируют схемы с иностранными обозначениями. Из ящиков перекочевали на бетонный пол узлы угароочистительной и концервальной машин. Они были установлены первыми. Следом встали в ряд семь механических лабазов, десять красавцев-аппаратов.

В обещанный рабочими срок — к 7 ноября 1965 года — машины ожили. Экономисты подсчитали, что монтаж собственными силами обошелся в 80 тысяч рублей,

тогда как саратовское СМУ запрашивало полмиллиона...

А за десятки километров от Мелекесса, в Инзе, строилась фабрика нетканых материалов. В отличие от КТС, выросшего на пустыре, инзенское предприятие возникло в 1963 году на базе ликвидированного пенькозавода. Проект сделали в Ульяновском филиале Государственного института № 1 по проектированию предприятий текстильной промышленности. Главный корпус фабрики не уступал в размерах первому мелекесскому. Ведущий инженер проекта М. Г. Сионцев задумал расположить его на площади в 4 гектара. Расстояние между опорными колоннами равнялось 18 метрам.

Как и на КТС, в Инзу приходили высокопроизводительные, новейшие машины лучших фирм: вязально-прошивные, щипальные, замасливающие. На вязальных агрегатах были установлены удобные сигнальные системы.

Фабрика нетканых иглопробивных материалов тоже возводилась на поволжской земле впервые. Само слово «нетканые» всего несколько лет, как перекочевало из лексикона ученых в язык производственников. Решение о выработке этих новых, нужных стране материалов было принято на XXII съезде КПСС.

В конце 1964 года со станков сошли первые, пробные и трудные, но желанные метры инзенского ватина.

— Наша отрасль расширяется, — говорил при пуске фабрики начальник управления текстильной промышленности Приволжского совнархоза И. Д. Ростиславов. — Всех нас радует то, что текстильщики не боятся нового, берутся за него и рук не опускают. Вы сами еще только осваиваете дело, а знаете, что у вас уже есть последователи в области?

И действительно, в Мулловке, обсудив решения XXII съезда партии, сами, без подсказки сверху решили тоже освоить производство нетканых материалов.

Мулловцы начали с того, что направили своих представителей во главе с инженером Ю. Ф. Калиновским на столичный автозавод, где выпускались известные всей стране «Москвичи». Гостям показали сборочный конвейер, участок внутренней отделки. Обшивку здесь делали двумя способами. Часть рабочих трудилась по-старому, отвертками заправляя вату, тратя уйму времени на все операции. Другая часть отделочников действовала с применением нового материала — объемной

клеевой ткани, и работа шла быстро, споро. Но нетканого полотна автомобилестроителям очень не хватало.

Мулловцы вернулись в Ульяновск. Первым делом обратились в управление текстильной промышленности. Получили не просто «добро», а реальную помощь: наряды на сырье и химикаты. А вот специального оборудования не было. Тогда группа фабричных рационализаторов — А. Барамонтов, И. Суслин, А. Мягков, В. Евдокимов — взялась за переоборудование чесального аппарата. Рядом смонтировали трехсекционную сушильную машину. Технология получилась вполне грамотная: с чесального аппарата сходил слой искусственной ваты, который опрыскивался под давлением специальным химическим раствором, на него ложился следующий слой — и так 15—20 раз. Этот «пирог» отправлялся в сушильную камеру, после чего был готов к отправке на автозавод. К 1965 году мулловцы довели выпуск нетканого материала до 250 тысяч квадратных метров в год.

В эти годы наряду с неткаными материалами и иглопрошивными коврами у ульяновцев появился еще один новый вид продукции — камвольная пряжа. Эластичная, прочная, красивая, она предназначалась для изготовления верхнего трикотажа.

Освоение доверили шерстяникам фабрики имени Ленина.

В 1961 году здесь смонтировали американское оборудование. Новая чудо-техника могла порадовать любого инженера. Но не обошлось без просчетов. Камвольное производство водворили в старые стены фабрики имени Ленина наспех, без достаточно продуманного проекта, без совета с хозяевами предприятия. В результате 15 тысяч веретен оказались не обеспеченными ровницей, потому что два кардочесальных аппарата лежали на складе — негде было их установить.

На реконструкцию производства ушло два года — 1964-й и 1965-й. Своими силами текстильщики фабрики сделали пристрой под монтаж кондиционеров, заменили древние перекрытия, высвободили место, убрав старые сукновальные и ворсовальные машины, ткацкие станки. Выпуск тканей в этот период ленинцы почти не сократили, а производство камвольной пряжи обязались увеличить к XXIII съезду КПСС в полтора раза. Каждый знал: их продукцию ждут 80 предприятий Союза. На фабрике тогда вырабатывали 11 видов камволь-

ной пряжи — из чистого нитрона и из смесей его с шерстью и вискозой. Осваивали все это с помощью Центральной научно-исследовательской лаборатории управления текстильной промышленности.

В 1963 году химические вложения в продукцию ульяновских текстильщиков составляли около 30 процентов. Используя искусственные волокна, фабрики сберегли 330 тонн шерсти для пальтовых тканей и 771 тонну иного сырья.

Однако суконщики старались не обольщаться этими цифрами, помня, как недешево обходились им частые перезаправки станков, какими непокорными оставались до последнего времени новые волокна. Предприятиям все больше требовались подготовленные, квалифицированные рабочие. Но дефицит таких кадров никак не удавалось устранить. Из-за этого обострялась проблема качества. Ульяновский промышленный обком КПСС и Приволжский совнархоз вынуждены были даже провести 11 июля 1963 года специальную конференцию работников текстильной и легкой промышленности «Браку и переделкам — надежный заслон».

Сообща искали пути решения этой самой насущной проблемы.

Еще в 1962 году, когда на фабрику имени Гладышева пришли 100 быстроходных ткацких станков, делегат XXII съезда КПСС ткачиха А. С. Симонова и ее подруги Е. Воробьева, М. Ерофеева, Н. Зотова, А. Кириллина, М. Кутузова, А. Макарова, М. Мартышкина выступили инициаторами почина.

— Разрешите нам самим, без предъявления браковщикам, сдавать суровье, — обратились они в дирекцию фабрики. — Гарантируем выпускать всю продукцию первым сортом.

Разрешение было получено, и только за два с половиной месяца 30 тысяч метров суровья поступило от женщин-мастериц напрямую в отделку.

Но истинный почин — это всегда развитие, творчество. Разве могли бы ткачихи сдержать свое слово, не вовлекая в движение за качество прядильщиц, других смежников.

В статье «Контролер — наша совесть», опубликованной газетой «Ульяновская правда», инициаторы писали: «Считаем, что для повышения качества надо создавать

6 Заказ 229

сквозные бригады... наряду с рабочими должен нести материальную ответственность и помощник мастера».

Вскоре гладышевцы первыми среди ульяновских текстильщиков начали составлять бригадные комплексные планы.

На фабрике имени Ленина коммунисты прядильного производства подняли на щит лозунг: «Отличное качество возможно лишь при отличной работе машин». На предприятии завели специальную книгу замечаний по качеству.

Как из отдельных нитей рождается цельное и прочное полотно, так начинания тех или иных производственных звеньев сливались в один мощный, широкий поток всеобщего движения за высокопроизводительный труд. На каждом предприятии соревнование принимало свои формы.

Мулловцы, например, первыми в области и одними из первых в стране возродили — через сорок с лишним лет — патриотический почин металлургов «Югостали». О нем рассказал журнал «Огонек» в апрельском номере за 1964 год. В конце двадцать первого года рабочие петровского, макеевского и юзовского заводов послали Владимиру Ильичу Ленину свой коммунистический вексель. В том векселе металлурги обязались дать стране в трудном 1922 году десять миллионов пудов черного металла. Это было первое социалистическое обязательство свободных пролетариев. И литейщики не только выполнили, но и перевыполнили его.

Статья в «Огоньке» взволновала многих. Но именно у Михаила Мальцева, бригадира ворсовальщиков, родилась мысль вновь вызвать к жизни давний почин. Бригада единодушно поддержала своего лидера. Надо сказать, вся предшествующая деятельность этого коллектива доказывала, что он готов к столь ответственному шагу. Только один пример: дважды ворсовальщики требовали от дирекции и фабкома: «Повысьте нормы!» — и дважды нормы пересматривались. Если прежде за смену в этой бригаде отделывалось 220 одеял на одном станке, то после повышения норм стало ворсоваться 450.

После одной из смен, не переодеваясь, с журналом в руках члены бригады пришли в фабком.

— Дело замечательное, — неторопливо обвел взглядом задорные лица молодых рабочих председатель фаб-

ричного комитета. — Только не спешите. Надо все как следует продумать.

Он сам помог сделать расчеты, пригласив инженеров из производственного отдела и ОТиЗа. А 22 апреля, в день рождения Ильича, на общем собрании текстильщиков помощник мастера от имени бригады вручил администрации фабрики коммунистический вексель. За восемь месяцев 1964 года отделочникам предстояло выработать сверх установленного плана восемь тысяч метров готового товара и получить около двух тысяч рублей экономии.

Но без поиска невскрытых резервов разве этого добьешься? И рабочие искали. Стояла в стригальном цехе чистильно-бастовальная машина, которую обслуживали шесть человек. «Куда это годится?» — задумался Мальцев, а бригаде своей предложил: возьмем машину. И без увеличения своих штатов начали обслуживать дополнительный агрегат: шестерых рабочих высвободили, а собственную производительность значительно увеличили.

Коммунистический вексель был оплачен досрочно. Не 8 тысяч метров сверх плана, как намечалось вначале, дала бригада, а 70 тысяч. И сэкономила около 4 тысяч рублей.

Не пострадало и качество, несмотря на то, что скорость на ворсовальных машинах у Мальцева была повышена с 11,5 до 15 метров в минуту. 99,5 процента продукции делали первым сортом. Тут на помощь отделочникам пришла система бездефектного труда. Внедрялась она не только в бригаде Мальцева, но и на всей фабрике.

Начали мулловцы с того, что разработали новую шкалу премирования. Теперь, если ткач сдавал первым сортом 98—98,5 процента суровья, то премию получал десятипроцентную, а за 99,5—100 процентов первосортной продукции он прибавлял к своей зарплате уже 25 процентов премиальных.

Эта шкала стала первой ступенькой системы бездефектного труда. Были и другие способы улучшения качества.

Например, на каждую партию пряжи, каждый кусок суровья стал заводиться паспорт, в котором делались отметки о качестве изделия на всех переходах. Без такого паспорта ОТК не принимал товар. Провели на

предприятии и аттестацию рабочих. За любой случай брака виновные теперь несли наказание.

Соревнование за бездефектный труд и сдачу продукции с первого предъявления шагнуло с мулловского предприятия на все фабрики и комбинаты области. Никогда за свою историю перед текстильщиками так остро не стоял вопрос — поднять качество. Страна преодолела трудное послевоенное возрождение. Шинели, бушлаты, гимнастерки остались в прошлом. У людей появилась не только потребность, но и материальная возможность шить пальто из легких ворсованных тканей, ярких расцветок.

В 1960 году ульяновские суконные предприятия выпускали 59 артикулов тканей. В середине десятилетия эта цифра приближалась к 100. Уже в 1961 году на Всесоюзной выставке текстильных товаров в Москве 8 ульяновских фабрик представили 238 образцов различных тканей и одеял. Когда выставка завершилась, специальная комиссия дала отличную оценку драпам фабрик имени Свердлова, Мулловской и имени III Интернационала, а 40 лучших образцов отправила в качестве экспонатов на ВДНХ СССР. Это была крупная победа. Однако текстильщиков ждал еще один сюрприз...

Начальника областного управления легкой промышленности И. Д. Ростиславова и главного инженера фабрики имени Свердлова А. М. Чернавского попросили задержаться, зайти в оргкомитет выставки. Оба руководителя волновались: неужели неприятность? Обнаружили недостаток? Хотят изменить решение?

Но по тому, как энергично пожал им руки председатель выставкома, поняли — опасения напрасны.

— Вместе с представителями внешнеторговых фирм, — начал председатель, — мы решили показать ткани вашей фабрики «Леопард», «Пчелка» и артикула 45 206 на выставках в Берлине, Париже и Лондоне.

Чернавский не сразу поверил. И еще больше удивила и обрадовала новость дессинаторов Т. И. Никитину и М. М. Клеутину — непосредственных авторов отобранных образцов.

Время предоставляло для дессинаторской мысли огромные возможности. На предприятия приходила качественно новая техника, в химических лабораториях рождались невиданные ранее материалы. Фабрика имени Свердлова держала в области первенство по освоению

перспективного ассортимента, и потому ей в начале 1963 года управление текстильной промышленности отдало восемь бесчелночных ткацких станков завода «Сибтекстильмаш». Устанавливал машины, вызывавшие поначалу больше сомнений, чем радости, сменный мастер Александр Иванов. Первыми осваивали их Владимир Коннов и Евгений Рысев, а уж затем ткачихи Дадеева, Семенова, Шапирова, которые научились вырабатывать 48—50 метров суровья в смену при ширине заправки в 216 сантиметров.

Совершенная карбонизационная машина, поточная линия отделки тканей — такое оборудование отправляло устаревшие дессинаторские наброски в корзину, заставляло думать, конструировать иначе. Смелость и фантазия позволили свердловцам разработать в образцах и освоить в производстве даже женский драп из камвольной пряжи. Детскую меланжевую ткань в 1963 году высоко оценил Главный комитет ВДНХ СССР, за ее выпуск были награждены помощник мастера отдела крашения Р. И. Бакотина и техник Н. В. Кузина.

Но в условиях массового производства внедрение новых тканей подчас оказывалось труднее, чем борьба за медали и награды на представительных смотрах. Многим фабрикам тяжело давалась перестройка на улучшенный ассортимент. «Не для выставок и смотров» — так назвала свою статью в «Ульяновской правде» от 28 апреля 1963 года главный товаровед базы Ростекстильторга А. Левашова. Образцы-то научились делать красивыми, а вот массовая продукция часто на них не похожа, справедливо замечала она. Четыре миллиона рублей составил в 1962 году возврат продукции на ульяновские фабрики и комбинаты. Остаток нереализованных тканей превысил норматив в три раза.

Справедливый упрек задел за живое. Текстильщики знали: автор статьи права.

— Возвратов и переделок у нас не будет тогда, — убежденно говорил на собрании коллектива старотимошкинской фабрики помощник мастера красильного отдела Я. Денисов, — когда мы поднимем общую культуру производства.

Вместе с красильщиками А. Кирюхиным и В. Познуховым он написал об этом в газету. На статью откликнулся аспирант Московского текстильного института А. Калягин. Надо шире внедрять передовую технологию

в текстильную промышленность, заявлял он, и соблюдать ее на всех этапах производственного процесса.

Пришло время совершенствовать самые первые звенья технологической цепи. Смесовые мастера уже не могли управляться вручную и работать на глазок. Да и истинные кудесники ручных смесок (как, например, мастер фабрики имени Свердлова С. Е. Павлов, широко известный в отрасли своими меланжами) уходили в историю.

— Теперь-то прежних драпов не увидишь, — жалели ревностные ценители текстиля. Но искра творчества не погасла и у внуков искусных мастеров.

Анна Григорьевна Дробжева из Мулловки предложила новый метод разработки шерсти — свалку. Лидия Осиповна Кочеткова с фабрики имени Степана Разина пустила в смеску предварительно порезанную шерсть верблюжьей гривы — сырье, от которого прежде отказывались. А взяв на вооружение прогрессивную технологию использования восстановленной шерсти, ульяновцы к концу 1964 года стали лучшими в СССР по применению этого вида сырья в суконном деле. Госкомитет легкой промышленности при Госплане СССР, Центральное правление НТО легкой промышленности, ВДНХ СССР и Приволжский совнархоз решили распространить ульяновский опыт, организовав на родине Ильича всесоюзный научно-технический семинар по этому вопросу.

— Еще до войны существовали прекрасные методы восстановления шерсти, — так начал свое выступление на семинаре И. Д. Ростиславов. — В то время такая шерсть занимала до пятнадцати процентов в сырьевом балансе отрасли, а сегодня даже у нас, передовиков, — лишь около восьми. Капиталисты вкладывают ее в смеску в количестве от двадцати до сорока процентов. Я предлагаю наряду с применением новой технологии вспомнить и старую...

Многое показали ульяновцы участникам семинара. Не хвалясь, а затем, чтобы товарищи из других областей могли что-то перенять, увезти, применить у себя.

Вот на фабрике имени III Интернационала демонстрируется драп «восстановленный». Красив и недорог — 16 рублей за метр. На поверхности его заложены нити из натуральной шерсти и химических волокон, а пряжа, содержащая восстановленную шерсть, скрыта с изнанки. Такому износа нет.

Или Мулловка. Предприятие выпускает пять артикулов тканей с восстановленной шерстью. Швейники рады тканям «Ночка» за 6 рублей и «Рябь» — на детское пальто лучше не найти.

Впереди остальных — гимовцы. В 14 из 18 выпускаемых артикулов они вкладывают вторичную шерсть. А главное — ее научились получать здесь же, у себя, на текстильном комбинате. Технология нехитрая: негодный лоскут замасливают, пускают в переработку на волчках, а потом уж шерсть проходит через чесальный аппарат.

Что ж, гимовцам и карты в руки, решили на всесоюзном семинаре, и в планах на 1965 год Приволжский совнархоз наметил: высвободить некоторые площади на текстильном комбинате в Ишеевке и разместить здесь новое производство — фабрику восстановленной шерсти, рассчитанную на выпуск 4 тысяч тонн сырья в год. Экономисты подсчитали, что стоимость строительства — 1 миллион 442 тысячи рублей — должна окупиться за четыре месяца. Ведь цена одной тонны полугрубой шерсти составляла 2370 рублей, а восстановленной — 771 рубль. Текстильщикам это сулило большие прибыли, покупателям — дешевизну тканей.

Ради этой обоюдной выгоды три других ульяновских фабрики: имени Ленина, имени Гладышева и имени Свердлова — в числе первых предприятий страны были переведены с апреля 1965 года на новую экономическую систему. Теперь они работали не по нарядам своего ведомства, а по прямым договорам с торговлей и швейниками. Оценка их деятельности производилась по двум показателям: выполнению плана реализации и задания по прибыли.

Для большей гибкости экономики реорганизовывалась и система управления. С 1 января 1966 года были упразднены Приволжский совнархоз, его управление текстильной промышленности, организовано Ульяновское производственное объединение шерстяных предприятий Министерства легкой промышленности РСФСР. Оно являлось самым крупным индустриальным объединением края Ильича. В него вошли 11 текстильных предприятий.

В 1966 году начал действовать Мелекесский комбинат технических сукон. К открытию XXIII съезда КПСС мелекесские текстильщики выпустили первую тысячу

квадратных метров этой новой для области хлопчатобумажной продукции.

Никогда раньше опытным мастерицам Анне Василистовой и Валентине Сальниковой — а им доверили предсъездовскую вахту — не приходилось ткать хлопок. Да и на станке, который занимает площадь в 240 квадратных метров (обычный умещается на девяти), работать не доводилось. Но как ни непривычно было, быстро освоились. Коллектив КТС обязался в 1966 году выпустить 212 тонн сукон 21-го артикула, а в 1967 году — уже в 4,5 раза больше.

На фабрике имени Гладышева в канун 1966 года вошел в строй четырехэтажный корпус. Сюда перешли подготовительное, аппаратно-прядильное и ткацкое производства. За всю свою долгую биографию фабрика не видела такого обилия света, простора в цехах.

Мысль о грандиозном обновлении отрасли и преображении текстильных городов и поселков не покидала секретаря Барышского райкома партии Н. М. Вирясова по дороге в Москву — на XXIII съезд КПСС. Делегатами на партийный форум вместе с ним ехали помощник мастера подготовительного цеха Мулловской суконной фабрики В. И. Родионова и работница текстильно-швейного комбината имени Калинина А. И. Чеботаева.

И вот XXIII съезд подвел последнюю черту под завершившейся семилеткой. Какой же была она для ульяновских шерстяников? Фабрики и комбинаты области выполнили задание, увеличив за 7 лет производство шерстяных тканей на 18,5 процента, освоив качественно новые виды продукции, лидируя во многих ценных начинаниях. Для десятков текстильщиков этот период увенчался алыми орденскими ленточками, заслуженным признанием их успехов в труде. Семеро получили высшую награду Родины — орден Ленина. Это ткачи А. А. Корчина (фабрика имени Свердлова), М. М. Мусатова (комбинат имени Калинина), М. С. Спиридонова (комбинат имени Гимова), А. И. Тихонова (фабрика имени III Интернационала), помощник мастера Д. А. Лукьянов (фабрика имени Гладышева), генеральный директор Ульяновского производственного объединения шерстяных предприятий И. Д. Ростиславов. А ткачихе фабрики имени Ленина Клавдии Федоровне Галочкиной орден Ленина вручали вместе с

Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Это высшее в государстве трудовое звание, присвоенное текстильщице, было и признанием заслуг ульяновской шерстяной отрасли в целом.

Указ о награждении тружеников отрасли печатался в двух номерах «Ульяновской правды» 10 и 11 июня 1966 года. А в воскресенье, 12 июня, вся страна в первый раз отмечала День работников легкой промышленности.

В 1967 юбилейном году за победу в социалистическом соревновании в честь 50-летия Великого Октября Ульяновскому объединению шерстяных предприятий было передано на вечное хранение Памятное знамя Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. За полвека фабрики края Ильича увеличили выпуск продукции в 113 раз, стали производить в год свыше 21 миллиона метров тканей 86 артикулов в 150 расцветках. Как определил художественный совет Всесоюзного института ассортимента легкой промышленности, 58,5 процента выпускаемых ульяновцами тканей находились на уровне лучших мировых стандартов.

Первыми в области текстильщики начали переход в 1967 году на новые условия планирования и экономического стимулирования.

Обгоняя другие отрасли, фабрики и комбинаты объединения разработали практические мероприятия по реконструкции и техническому перевооружению производства. За семилетку оборудование обновилось на 70 процентов. Предстояло заменить еще 30 процентов устаревшей техники.

Фабрика имени Степана Разина оставалась единственной, где смеску делали вручную. 1968 год похоронил здесь дедовский метод. Вместе с истоком изменилось и низовье шерстяной реки — отделочное производство. Здесь ввели поточную линию по пропитке ткани хромоланом. Все прядильные машины П-123-Ш местные рационализаторы переоборудовали с 240 на 300 веретен. В ткацком цехе не осталось больше пружинных станков, их заменили каретными.

Всего за два года (1967-й и 1968-й) на предприятиях было демонтировано 675 старых машин. И вновь установленное оборудование позволило уже в 1969 году превзойти запланированный на конец пятилетки

уровень выпуска тканей — 25,6 миллиона метров в год.

С 1969 года прекратились остановки всех фабрик и комбинатов на время отпуска рабочих. Стали разрабатываться графики коллективных отпусков. В основных производствах вновь вводилась третья смена.

Невидимый общий счетчик выпускаемой продукции вращался с небывалой скоростью — цифры вала росли. А качество? О нем не забывали в погоне за количественными показателями. Помнили, что оно всегда зависело не только от умения, но и от знаний.

Специалисты с жизненным опытом учились заочно. Не ради моды, не ради престижа, а за наукой приходили и приезжали шерстяники на консультационный пункт заочного института текстильной и легкой промышленности в Барыше.

— Никогда такого не случалось, — удивлялся завпунктом А. Г. Фокеев, — чтобы одновременно учились в нашем вузе 480 заочников.

Разросся филиалами Барышский текстильный техникум. А в 1969 году открылось новое учебное заведение для текстильщиков — среднее профессионально-техническое училище в Мелекессе.

Не легко и не сразу, но именно в эти годы проблема текстильных кадров постепенно стала утрачивать свою всегдашнюю остроту. Этому во многом способствовало возросшее внимание руководителей предприятий и отрасли в целом к решению социальных вопросов, улучшению условий труда и быта рабочих.

...Впервые о технической эстетике заговорили на Новомайнской ковровой фабрике в 1965 году.

— Раз мы претендуем на то, чтобы наши ковры считались самыми современными и красивыми из напольных, — высказывалась начальник ПТО Н. Г. Травина, — то и общая культура производства должна соответствовать высокому качеству продукции. А что видим пока? Тусклые стены, замасленный пол. Отдохнуть в перерыв негде.

Она предложила организовать совет технической эстетики.

— Вам, Нина Гавриловна, как говорится, и карты в руки, — не раздумывал директор С. Ф. Маширин.

Вскоре на фабрике ввели в строй поточную линию отделки ковров. Рабочие с других участков, приходя

сюда, удивлялись не столько фирменному оборудованию, сколько новой палитре красок вокруг него. Луговая зелень интерьера, цветы, яркие халатики отделочниц — все радовало глаз. Потом не раз новомайнцы занимали призовые места в областном смотре-конкурсе по культуре производства и промышленной эстетике.

И конечно, красота, наводимая в собственном доме, не могла не отражаться на качестве выпускаемой продукции. Новомайнцам выпала честь украсить своими ковровыми дорожками коридоры и холлы здания СЭВ на Калининском проспекте в Москве. В сентябре 1968 года по этому заказу текстильщики изготовили 86 тысяч квадратных метров напольных ковров отменного качества. Следующая ответственная партия была отправлена по адресу: город Ульяновск, Ленинский мемориальный центр.

Министерства легкой промышленности СССР и РСФСР приняли решение расширить фабрику: если в 1968 году она выпускала 3,3 миллиона квадратных метров изделий, то в 1970 году должна была дать 5,8 миллиона. Планировалось строительство двух новых цехов — прядильного и отделочного.

Рассматривая их проект, Нина Гавриловна Травина думала теперь не только о технологии, но и о том, как органичней вводить в новые производства элементы эстетики, дизайна.

В шестидесятые годы возросло внимание к человеку. Время требовало всерьез изучать происходящие в трудовых коллективах процессы. Почему, например, с фабрики имени Гладышева в 1958 году уволилось по собственному желанию 7 процентов рабочих, а в 1967-м — 27 процентов (в основном молодежь)? На предприятии появились социологи. Выявили главные причины — трудности с жильем, работа в ночные смены, шум и пыль в некоторых производствах. Анкетные опросы показывали, что есть и другие жалобы. Авторы социологического обследования — кандидат экономических наук И. Змушко и инженер фабрики Г. Усынин — предложили: обсудим результаты на открытом партийном собрании.

Вскоре такое состоялось. Оно прошло не без пользы. На фабрике расширили ясли, и очереди на них не стало. Транспортники начали выделять автобусы для подвоза рабочих. Вошла в строй новая фабричная столовая,

и через полгода она уже считалась одной из лучших в области. Гладышевских текстильщиц радовала открытая при фабрике женская парикмахерская.

В 1968 году подали заявления об уходе уже не 27 процентов рабочих, как было в предыдущем, а только 16. Текстильщики все больше убеждались, что без внимания к человеку, без помощи ему в его насущных нуждах производство, каким бы совершенным оно ни казалось, не даст желаемых результатов.

В 1970 году Министерства легкой промышленности СССР и РСФСР приняли решение построить для текстильщиков края Ильича 75,5 тысячи квадратных метров жилья, новые детские сады и ясли на 1820 мест, многое другое.

В год столетия со дня рождения В. И. Ленина работники фабрики имени III Интернационала обживали новые цехи — отделочный и прядильный. Дети старотимошкинцев тоже праздновали новоселье в только что построенной средней школе.

На Инзенской фабрике нетканых материалов постарались, подгадали, чтобы в юбилейный год впервые зацвел общий сад.

...При входе в прядильное производство текстильно-швейного комбината имени Калинина горел кумачом транспарант: «22 апреля — в день рождения Ленина — ни одного килограмма сырья из склада. Работать только на сэкономленном материале». И призыв не расходился с делом. Например, прядильщицы Л. М. Медведева и А. С. Корнилова целую неделю работали на условно сбереженной шерсти.

С жаккардовых станков молодой ткачихи А. Гусевой за смену обычно сходило 16 одеял. Бывало, соткет одно, а на початках еще 8—12 метров пряжи осталось. Другие ткачихи меняли такие початки на свежие. Алла стала дорабатывать. И два дня — 21 и 22 апреля — она ткала свои «дополнительные» одеяла. К концу Ленинской смены мастер отметил:

— Гусевой соткано 36 одеял. — И добавил с улыбкой: — Для целого школьного класса!

Лучшим в объединении по итогам трудовой вахты стал коллектив Мелекесского комбината технических сукон. Ему была вручена Ленинская юбилейная Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

Новое слово — сверхтип

Имя Анны Степановны Симоновой текстильщики страны услышали еще на XXII съезде КПСС. Ткачиха фабрики имени Гладышева будто яркая звезда взошла на небосклоне рабочего мастерства. И не случилось с ней того, что, к сожалению, часто происходит на взлете с другими — «звездной» болезни. Наоборот, сказалась потомственная текстильная жилка: Анна Степановна год от года работала все энергичней. В числе первых в Ульяновской области она перешла на обслуживание сверхтиповой станочной зоны.

Как и у всех ткачих фабрики имени Гладышева, в начале 8-й пятилетки у Симоновой находилось под присмотром два станка. И вот вместе с В. Ф. Храмовой они поставили перед собой задачу: взять по три машины. Когда-то, в далеких тридцатых годах, текстильщики тоже переходили с двух ткацких станков на три, а потом на четыре — семь. Только станки те были тихоходными, их с сегодняшними не сравнить. Так что проложить первую тропинку в освоении сразу трех челночных станков «Текстима» оказалось не шуткой. Но Симонова вместе с Храмовой, Зотовой, Носковой, Гробовой настойчиво ходили к технологам, пока наконец те не создали удобные схемы работы ткачих по-новому, определили артикулы тканей, которые допускалось совмещать при обслуживании трех станков. Экономисты нашли лучшие варианты материального поощрения. И дело пошло. В январе 1971 года уже 36 ткачих предприятия перешли на сверхтиповые зоны.

А 9 апреля у гладышевцев был праздник: они узнали, что Анне Степановне Симоновой присвоено звание Героя Социалистического Труда. Так совпало, что эта дата вошла в историю как заключительный день работы XXIV съезда КПСС. И делегат партийного форума с фабрики имени Гладышева прядильщица Зоя Дмитриевна Савельева спешила поздравить Героя. Ведь по симоновской дороге Савельева прошла сама, вслед за Анной Степановной она стала болеть за сверхтип в своем производстве, одной из первых вместо 120 веретен взяла 160.

180 ульяновских текстильщиков были удостоены по итогам 8-й пятилетки орденов и медалей. В целом Ульяновское объединение шерстяных предприятий за 5 лет

увеличило объем реализации продукции на 80 процентов. Шерстяники освоили больше ста новых артикулов изделий. Мулловская ткань «Леопард» получила отличную оценку на выставке в Монреале (1967 г.).

Фабрики имени III Интернационала и имени Степана Разина в 8-й пятилетке добились наивысшей производительности труда среди текстильных предприятий области.

Основой успехов был сверхтип, который первыми внедрили в ткачестве Симонова, Храмова и их подруги. К 1971 году 600 ульяновских ткачей и 260 прядильщиц обслуживали расширенные рабочие зоны, и такого числа многостаночников тогда еще не знала ни одна отрасль края.

Но темп новой, 9-й пятилетки требовал от текстильщиков сделать движение еще более массовым. Ведь предстояло к 1976 году увеличить объем товарной продукции в 1,5 раза, выпустить 42,3 миллиона квадратных метров шерстяных тканей, освоить 200 новых артикулов. Техника позволяла взять эти рубежи, а рабочих рук в главных производствах не хватало. Если захватит, увлечет сверхтип молодежь — можно считать, результат обеспечен (ведь, например, на фабрике имени Гладышева средний возраст рабочих составлял 23 года).

— Мы, конечно, можем начинающих обучить, — рассуждали ветераны-гладышевцы. — Но ведь молодому деревцу лучше расти рядом с таким же молодым. Вот и нашим девчатам и парням в каждом цехе нужен свой пример в труде — из сверстников.

И такие примеры были. Наталью Тюльпеневу в ее 22 года уже считали ткачихой-мастерицей. Вслед за Анной Степановной Симоновой она перешла на три текстимовских станка и семерых девчат на сверхтип перетянула. За первых сто трудовых смен 9-й пятилетки Тюльпенева соткала сверхплановых тканей на 170 пальто — «как раз свое производство можно одеть». В 1971 году текстильщики выбрали Наталью Тюльпеневу депутатом в Верховный Совет РСФСР.

У инзенцев движение за сверхтип началось с новаторского предложения Ольги Нестеровой, вязальщицы.

Расширить зону обслуживания на прошивных машинах мешали частые обрывы. А попробуй устрани такой быстро. Надо каждый раз залезать на агрегат, искать, какая именно нить оборвалась... И пока скрепляешь

концы, оборудование молчит, бездействует. Вот как бы научиться не останавливать машину? Фабрика работала не первый год, и никто не мог придумать. Ольге первой пришла в голову мысль установить на машине резервные нити: оборвалась основная — тут сразу, без остановки вводится резервная.

Оценили новшество соседки Александра Радаева и Анна Горбунова. Быстро оно стало достоянием всего цеха, школы коммунистического труда. Сама Ольга Нестерова уже в 1972 году выработала 64 тысячи сверхплановых метров нетканых материалов. А в целом по фабрике благодаря освоению нового метода стали ежедневно производить 2,5 тысячи метров дополнительной продукции.

Чтобы взять станков больше, чем положено по норме, человек, особенно молодой, должен поверить в свои силы, испытать себя. Тут текстильщики находили хорошую помощь в конкурсах рабочего мастерства. В семидесятых годах они стали проводиться ежегодно.

В марте 1971 года Ульяновское объединение шерстяных предприятий и обком ВЛКСМ собрали на фабрике имени Гладышева желающих попробовать свои силы в ткачестве. Соревнование длилось два часа. Победительницей стала Софья Абдрашитова.

В январе 1972 года стартовал областной конкурс прядильщиц. Победили в нем А. С. Бирюкова и ее напарница А. М. Черкасова с фабрики имени III Интернационала. А в июле старотимошкинские текстильщики встречали участников уже второго областного конкурса ткачей.

Как и год назад, каждой ткачихе определили по два станка «Текстима-УФС». Один из них был заправлен обувной байкой, противоположный — драпом. Давать расширенную зону обслуживания тогда не решались. Но конкурсы служили для текстильщиков хорошей школой передового опыта, давали толчок к освоению нового. И Галина Михайловна Кислякова, вернувшись на фабрику имени Ленина со званием чемпиона области, уже не смогла оставаться на двух станках. Три, и не меньше! А когда болела соседка — даже четыре.

Практиковалось у текстильщиков и творческое сотрудничество коллективов предприятий. Гладышевцы по давно прото1ренной дорожке ездили за опытом на фабрику имени Ленина и пензенский комбинат «Красный

Октябрь». Работники комбината технических сукон перенимали высокую культуру и организацию производства на Новомайнской ковровой фабрике. Мулловские текстильщики узнали от ишеевцев технологию производства обувной байки, взамен поделившись секретами изготовления драпа «Волга». Шестерых ткачей и двух помощников мастеров с комбината имени Гимова они обучили у себя работе на СТБ-216.

Шерстяники учились разговаривать на «ты» с новой техникой. Она открыла перед текстильщиками невиданные ранее возможности обслуживания сверхтиповых зон. Ведь производительность бесчелночных ткацких станков, например, была в 2—2,5 раза выше, чем производительность прежних машин, и ткач мог спокойно управляться с четырьмя СТБ, меньше уставая от напряжения и шума.

Для текстильной промышленности области настало время массовой замены ткацкого оборудования. Но, хотя за два года 9-й пятилетки на фабриках имени Свердлова, III Интернационала и Мулловской пустили 56 бесчелночных станков, шерстяников такой темп не устраивал (ведь и сейчас СТБ составляли лишь 5,8 процента всего станочного парка). Производительность труда в ткачестве колебалась от 4300 до 5100 уточин в час, тогда как, например, на пензенском комбинате «Красный Октябрь» — 5460 уточин в час.

В 1973 году ульяновцы добились поставки 50 станков СТБ-216, 10 станков СТБ-330 и 50 рапирных ткацких станков с жаккардовой головкой, а в 1974 году бесчелночные станки в парке ткацкого оборудования составляли уже 22 процента.

Цепочка потянулась. На всех предприятиях потребовалась дополнительная технологическая операция — перемотка утка. Устанавливали новейшие уточно-перемоточные аппараты АТП-290, позволяющие получать пряжу увеличенной длины. Машиностроители стали поставлять трехпрочесные аппараты Ч-31Ш. Только за 8 месяцев 1974 года объединение получило их 258 единиц. Пришли машины безбаллонного прядения ПБ. Предстояло быстро их освоить и научиться умело использовать.

Два семинара — на Мулловской фабрике и фабрике III Интернационала — были проведены с целью ближе познакомить текстильщиков с новым чесальным и пря-

дильным оборудованием. В ноябре 1974 года очередной семинар посвятили станкам СТБ.

Всем было ясно: внедряемое оборудование лучше прежнего. Бери — работай. Но как порой на ткани встречаются узелки и мешают сделать полотно образцовым, так и с новым оборудованием не все обстояло гладко. Станки часто ломались, запчастей же к ним почти не было. Появилась и другая проблема: нередко СТБ заправляли тканями старых артикулов, разработанных для механического ткачества, и тогда бесчелночные станки действовали с половинной производительностью. Для СТБ требовалась пряжа покрепче, и некоторые виды переплетений эти станки не могли выполнять. Надо было менять ассортимент.

Объединение шерстяных предприятий отдало всем дессинаторским группам фабрик и ассортиментной лаборатории комбината имени Гимова распоряжение разрабатывать новые виды тканей для производства их на бесчелночных станках.

Колдовали художники. Но никак не удавалось с должной эффективностью использовать на СТБ пряжу низких номеров и крученую, выпускать ткани со сложными переплетениями. Производительность станков падала. Тогда-то некоторые предприятия и поступились качеством, былой славой своих драпов, бобриков, трико, пошли по пути упрощения внешнего вида продукции в угоду валу. Поэтому в середине семидесятых годов, узнали трудности с реализацией готового товара. Но были коллективы, сумевшие и в этот трудный период сохранить лучшие свои творения, а с нового оборудования, освоив его, получать конкурентоспособный ассортимент.

Еще в 1971 году на фабрике имени III Интернационала начали монтировать 24 быстроходных СТБ-2-250. Комсомольско-молодежные бригады поммастеров Ш. Дульмаева, И. Коновалова, Р. Зверева быстро освоили на них выпуск плотных мужских драпов, которые по-прежнему составляли славу предприятия. Тканям «Авангард» и «Рассвет» отраслевая комиссия присвоила высшую категорию качества.

— А вот драп «Юбиляр», — резонно рассудил главный инженер В. Веселко, — даже пытаться не стоит запускать на СТБ, хотя и просят у нас об увеличении его выпуска. Этот драп выгодней работать на механических ткацких станках.

Гибкость старотимошкинских шерстяников проявлялась также в том, что они ежегодно обновляли до 20 процентов своих изделий. И качество выходило хорошее: например, план 1972 года по выпуску продукции первым сортом был перевыполнен, возврат готового товара от потребителей по сравнению с 1971 годом сократился в пять раз, а внутрифабричные переделки — на 2 процента.

В 1973 году текстильщики внедрили новшество, уменьшающее усадку тканей: прядильные машины перевели на выработку утка с левой круткой.

— Ну а пустим новый аппаратный цех и карбонизационную установку — продукция у нас вообще будет отменная, — говорили старотимошкинцы.

Вторыми среди текстильщиков области они представили свои изделия на присвоение Государственного знака качества. А до этого почетный пятиугольник получили шерстяники текстильно-швейного комбината имени Калинина за свои жаккардовые одеяла, пользовавшиеся большим успехом у покупателей.

Текстильщики комбината имени Калинина всегда старались высоко держать марку предприятия. Как и везде, были здесь свои правофланговые, на которых равнялся коллектив.

Один из них — Дмитрий Александрович Севостьянов, удостоенный звания «Лучший помощник мастера РСФСР». Среди рабочих комбината Севостьянов считался асом своего дела. Когда нужно было установить новое оборудование или модернизировать старое — будь то «августовки» 1936 года, «Текстимы» или жаккардовые станки — отдел главного механика неизменно приглашал Дмитрия Александровича. Помогать в монтаже жаккардовых машин в Нижне-Троицк направили его. Даже проверить, как используется языковская пряжа на трикотажном комбинате в городе Верещагине Пермской области, доверили Севостьянову.

Все знали, что, попади в бригаду Севостьянова молодая ткачиха, он не позволит ей работать ни шатко ни валко: или учись, или уходи. Так вывел в мастерицы Татьяну Забродину, и не было в бригаде ни одного члена, который бы тянул вниз, а ткачихи А. С. Гусева, А. Г. Куличкова, Т. Н. Засорина составляли цвет комбината.

Людей, которые, подобно Севостьянову, всей душой

болели за производство, было среди языковских текстильщиков немало.

...Долгие годы комбинат специализировался на выпуске байки. Казалось, все секреты ее изготовления давно известны. Но вышло, что не все. У Юрия Васильевича Спицина, мастера подготовительного отдела, и главного инженера объединения Анатолия Андреевича Михеенко возникла смелая и оригинальная идея: освоить выпуск байки с двойным утком.

Помочь в эксперименте попросили ткачих Н. И. Фефелеву и В. М. Зиновьеву.

— При одной уточной нити, — объяснял Михеенко женщинам, — со станка у вас сходит — сами знаете — три с половиной метра байки в час. Ну, если постараться, чуть больше. А мы хотим попробовать вплетать в зев не одну, а две нити.

Для намотки на початок двух нитей вместо одной приспособили старенький ватер. Правда, он сначала не только наматывал пряжу, но и накручивал ее — пришлось его немного переделать. Теперь рыхлой намотки больше не будет, початки пойдут правильной формы.

Ткачихи не побоялись, перешли на двойной уток. 4,5—4,6 метра байки в час сразу же дала оригинальная технология. Лаборант Любовь Васильевна Волных проверила первое суровье: качество отменное, ткань стала еще крепче. Вскоре уже 16 станков заработали по-новому. К концу 1972 года языковцы подсчитали: более семи тысяч дополнительных метров ткани дал новый метод.

— Раз ликвидировали мы узкое место — выпуск байки, — рассудили на комбинате имени Калинина, — то теперь самое время вплотную заняться качеством фирменных изделий.

К 1974 году здесь 7 артикулов одеял делали в жаккардовом исполнении. Научились к каждому художественно-техническому совету подрабатывать по 15—17 новых жаккардовых рисунков. С высокой оценкой было принято специалистами Минлегпрома одеяло «Сувенир» из тонкой мериносовой шерсти, а дессинаторы предприятия уже работали над двухспальным «Гулливером», детским сказочным «Медвежонком».

Но и покупательский спрос изменился. Языковцы почувствовали это на примере одеяла «Тропинка». Оно относилось к самому простому и, естественно, дешево-

му ассортименту, предназначалось для поездов и гостиниц, турбаз и пионерских лагерей.

...На межреспубликанской текстильной ярмарке главного инженера комбината имени Калинина специально разыскал представитель объединения гостиничного хозяйства Москвы:

— Отказываемся от вашей «Тропинки».

— Как это, пять лет брали — и вдруг отказ. Или мы качество ухудшили?

— Нет, ГОСТы вы выдерживаете. Только само одеяло тусклое, неинтересное.

Уговаривать изготовителя долго не пришлось. Как ни трудно оказалось языковцам добиться дополнительной поставки классной шерсти и потом перезаправлять станки, но через шесть месяцев «Тропинка» изменилась. Теперь она представляла собой яркий плед с крупной клеткой, поначалу двух-, а затем многоцветный.

Языковская марка пользовалась успехом. Многие московские торговые предприятия, имея под боком Серпуховскую фабрику (тоже одеяльную), заказы адресовали комбинату имени Калинина.

Языковцы обязались в честь XXV съезда КПСС на каждом десятом одеяле ставить Знак качества, выпуск готовых тканей первым сортом довести до 94,4 процента. Причем объемы производства росли стремительно. Если в 1970 году комбинат выпустил 3650 тысяч метров продукции, то в 1975 году — 4877 тысяч.

Рынок требовал все больше одеяльной продукции, поэтому наряду с языковцами ее начали вырабатывать и другие ульяновские предприятия. Мулловская фабрика изготовила в 1971 году 120 тысяч одеял, а к 1975 году они составляли уже треть объемов всей продукции фабрики. В октябре 1974 года жаккардовому одеялу «Мулловское» был присвоен Государственный знак качества.

А гимовцы сразу два одеяла стали метить почетным пятиугольником. Одеяльный ассортимент у них был шире, чем у мулловцев. На 1975 год художники-конструкторы комбината имени Гимова предложили 20 жаккардовых рисунков, и 11 из них по рекомендации Всесоюзного института Минлегпрома пошли в производство. Тогда же на предприятии появилась высококлассная новинка — одеяло типа голландского. 50 итальянских ра-

пирных станков позволяли ткать самый сложный орнамент, а чтобы одеяло получалось до конца красивым, текстильщики установили английские швейные машины и стали обстрачивать края полотна шелковой лентой.

...В конце мая 1973 года выставочный зал Ульяновского Дома художников был заполнен не совсем обычными для него экспонатами — коврами. Они демонстрировались здесь все время, пока в Ульяновске работал художественно-технический совет Всесоюзного института ассортимента изделий легкой промышленности.

Жизнь нового поколения отечественных ковров начиналась в Ульяновской области, и теперь край Ильича вырос в крупнейшего производителя этой продукции. Новомайнская фабрика стала выпускать в сутки столько дорожек и петельных ковров, сколько изготовила за весь первый год своего существования. Здешние новаторы первыми перешли с трехниточной на двухниточную пряжу, получили полотно с комбинированным ворсом. Рождению популярной продукции помогло сотрудничество предприятия с семью научно-исследовательскими институтами страны.

Заведующий лабораторией ЦНИИ шерсти А. Е. Краснобородько огласил общую оценку, которую дал совет новомайнским коврам: 11 видов из представленных 27 были аттестованы по высшей категории качества.

Стихли поздравления, участники заседаний разъехались по Союзу. Ульяновцы чувствовали: ох как непросто будет держать набранную высоту — ведь наряду с выпуском высококачественной продукции им предстояло еще огромное расширение ковровой отрасли. В 1976 году должна была начаться реконструкция в Новой Майне, где планировалось создать мощности для производства 10 миллионов квадратных метров изделий в год (в 1973 году фабрика выпустила 3,5 миллиона).

А в начале 1974 года уже испытывалось уникальное оборудование, предназначенное для строящегося на Димитровградском комбинате технических сукон коврового производства. Будто гигантский паук, стягивала нити со всех сторон в единый пучок тафтинг-машина. И при этом свою работу она выполняла с молниеносной быстротой.

Димитровградцы были единственными в стране, кто получил право изготавливать прошивные ковры для «Жигулей» волжского автогиганта. В сотрудничестве с

Киевским НИИ по переработке искусственных и синтетических волокон на КТС подобрали для тафтинговой продукции новое сырье — текстурированные капроновые нити. Первые же образцы ковров получили отличный отзыв на ВАЗе.

Автомобилестроители видели в димитровградских текстильщиках надежных партнеров. С января 1972 года, когда на комбинате технических сукон была пущена первая очередь производства нетканых материалов, два предприятия установили между собой прямые связи. Первыми в Советском Союзе димитровградцы освоили производство новых сложных текстильных материалов сипрона и вазопрона, стали единственными поставщиками их на все автозаводы страны.

На комбинат приезжало немало гостей с российских фабрик. Давая попутно разъяснения, их проводили по всей технологической цепочке. Захватывающая экскурсия!

...Сначала сырье подается в дозаторы, быстро отвешивающие нужные порции. Затем по транспортеру оно поступает в наклонный разрыхлитель, где частично смешивается; оттуда по пневмопроводу — в автопитатель чесальной машины. Одна за другой следуют операции без участия человеческих рук: масса-полуфабрикат проходит очистку в специальном конденсаторе, снижается ее влажность. Бережно раскатанная, будто снегом присыпанная, ватка попадает в пульверизационную камеру, где на полотно автоматически распыляется состав, скрепляющий волокна. Теперь нужна сушка, и холст обдувается горячим воздухом снизу и сверху. Итак, готово. Куда же пойдет готовый материал?

На раскройный стол. Здесь он примет форму деталей внутренней обшивки машины, а уже потом на ВАЗе, обтянутый кожей, сделает интерьер автомобилей современным и уютным. И если вы, ударившись локтем о дверку, не почувствовали боли, знайте: вас выручил димитровградский сипрон. А в том, что воздушный фильтр «Жигулей» не пропускает и микропылинки в карбюратор за целых десять тысяч километров пробега, «заслуга» вазопрона.

Сколько стараний, чтобы сделать качество нетканых материалов безупречным, приложили работники комбината! Ни миллиметра усадки, — требовали от новой продукции на ВАЗе, — ни одного пятнышка на поверх-

ности, никаких колебаний в толщине. Предложи даже опытному текстильщику выполнить все эти условия при освоении нового ассортимента — не каждый поручится за аккуратность исполнения.

Но димитровградцы, с исключительной точностью выполняя договор с Тольятти, сумели не только расширить производство сипрона и вазопрона для поставки их другим автозаводам страны, но и освоить выпуск еще одного нетканого материала — прокломелина. Его потребители, швейники, благодарили создателей за то, что отныне у них отпала необходимость закупать дефицитную бортовочную ткань за границей.

Димитровградское производство нетканых материалов (первоначально оно именовалось фабрикой) быстро выходило на проектную мощность, его четыре автоматизированные линии могли выпускать по 6,8 миллиона квадратных метров продукции в год. Не замедлялся рост и в смежных цехах КТС. Новые артикулы технических сукон облегчали труд бумажников, способствовали усовершенствованию технологии в асбоцементной и кожевенной промышленности. Ими стали обтягивать отжимные валы в механизированных прачечных.

Трудно перечислить отрасли, где появилась потребность в ульяновском текстиле.

Известно ли было раньше золотоискателям с притоков Лены о существовании города Инза? Едва ли. Но в 1970-х годах об Инзе узнали и в Сибири, а кое-кто из «Лензолота» даже побывал здесь — благодаря фабрике нетканых материалов. Дело в том, что сибиряки разместили на предприятии большой заказ на производство фильтровальных тканей. Только инзенцы могли сработать такие, ведь у них с мая 1971 года действовал агрегат по выработке нетканых материалов иглопробивным способом. Партнеров текстильщики не подвели: за три месяца на восток было отправлено 50 тысяч погонных метров специального полотна. Выполнив заказ, инзенцы испытали агрегат и в изготовлении синтетического войлока — результаты получились отличные. Но особо удачной специалисты Серпуховского НИИ нетканых материалов признали фабричную технологию выработки вязально-прошивных лавсановых фильтров для цементной промышленности. А работники Ленинградского швейного объединения «Трибуна» нашли отличной теплоизоляционную подкладочную ткань, которую инзен-

ские текстильщики специально для них разработали в 1975 году.

Когда партнеры начинали удивляться: «Как удается столь быстро освоить новинку?» — главный инженер фабрики Т. Н. Ребровская вела гостей в цех.

— С нашими людьми перестраиваться быстро. Вот вязальщица Оля Нестерова, — знакомила она гостей.— Видите, у всех по одной иглопрошивной машине, а у Ольги Дмитриевны две. К тридцатилетию Победы начала работать за двоих, так на сверхтипе и осталась. Хорошо работают мастерицы Мокеева, Ганина, Горбунова, Базина и многие другие.

Инзенцы всегда считали лучшей помощницей движения за сверхтиповые зоны обслуживания оборудования — рационализацию. Мастер И. П. Мурзаев изготовил устройство для натяжения крайних нитей на вязально-прошивной машине «Малимо», слесарь В. Ф. Танин, мастер В. М. Чернышева и сама Т. Н. Ребровская подали за 1975 год пять рацпредложений. Среди внедренных новшеств было изменение положения эксцентрика в механизме движения кольцевой планки прядильных машин, благодаря чему обрывность снизилась настолько, что появилась возможность снимать с каждой машины на 20 килограммов пряжи больше прежнего.

В мае 1973 года обновление пришло и к инзенским соседям — вешкаймцам. Здесь появилась прядильно-ткацкая фабрика, которую создали на базе Вешкаймского механического завода, принадлежащего Ульяновскому шерстяному объединению, и прикрепили филиалом к текстильно-швейному комбинату имени Калинина.

Языковцам новая фабрика помогла решить вопрос о выпуске простого асортимента (в основном, байки) — именно его разместили тут, высвободив опытных прядильщиц и ткачей для более сложной и дорогой продукции. Вешкайма, получив текстильное производство, становилась поселком истинно рабочим.

А в канун 1975 года шерстяников области облетела новая весть: вошел в строй новый корпус текстильного комбината имени Гимова. По существу, предприятие родилось вновь.

Проект комбината был разработан под руководством инженера Е. Шиганова еще в 1970 году. Министерство утвердило сметную стоимость новой стройки — 16,2

миллиона рублей. Ни одно текстильное предприятие в области не получало такой площадки, какую отвели под новый комбинат, — 12 гектаров. Основные производства по проекту размещались под одной крышей на гигантской площади — 4315 квадратных метров. Впервые в отрасли здесь предусматривалось разместить автоматизированную поточную линию, выполняющую все операции, начиная от поступления сырья до выхода ровницы.

Хлопоты с переездом упрощались тем, что не надо было демонтировать в старых корпусах все оборудование — 90 процентов машин шло на новый комбинат прямо с заводов. Страна дала гимовцам самые совершенные станки СТБ и СТР, чесальные агрегаты непрерывного действия, скоростные машины безбаллонного прядения, механизированную линию для крашения суровья под давлением и другую технику. Одним из первых в отрасли ишеевский комбинат получил японский агрегат «Чори» для карбонизации шерсти. В прежней тесноте его было бы не разместить — длина агрегата 105 метров, — а в новый цех он вошел свободно.

Одно тревожило — кадры. Пока строили новый комбинат, старые цехи ветшали, и многие рабочие, не дождавшись лучших условий, взяли расчет.

Ткачиха Зинаида Ивановна Жукова была уверена: те, кто ушел, прогадали. Ведь такого чистого воздуха (а что может быть важнее для текстильщиков во время работы!), каким наполнили высокие цехи кондиционеры и пылеотсасывающие автоматические системы, наверняка нет на большинстве других, даже городских, предприятий. Она чувствовала: вернутся люди на комбинат. Вовсе не далеким покажется им путь из Ишеевки до блестящей стеклами проходной.

Правда, существовало одно обстоятельство, о котором знала Зинаида Ивановна: опытные суконщики привыкли работать на известном им оборудовании, и нового, по правде говоря, побаивались. Жукова одной из первых решилась перейти на СТБ. К этому шагу ее подтолкнуло и личное социалистическое обязательство — выполнить две пятилетки за одну.

Новое современное оборудование, прекрасные условия труда открывали перед коллективом комбината большие возможности. Не дремала и творческая мысль. Впервые в области на комбинате имени Гимова родил-

ся почин «Рабочей инициативе — инженерную поддержку».

...Бригада прядильщиц К. П. Ключникова, все взвесив и тщательно обдумав, решила в 1976 году выработать дополнительно 54 тысячи килограммов пряжи.

— Чем облегчить рабочим выполнение напряженных обязательств? — задумались инженерно-технические работники Ф. В. Маршалов, А. Я. Новиков, Р. В. Храмова, А. В. Погорелов. — Пожалуй, самое тяжелое и нудное дело для прядильщиц — укладывать готовые початки в ящик и толкать его вдоль ватера.

Было принято решение — оборудовать каждую прядильную машину транспортером. Первый такой появился уже через месяц у ватера № 23. Результат — 15—20 дополнительных килограммов пряжи в день с одного ватера.

Вскоре почин, первоначально подхваченный бригадами Ю. Е. Давыдова, К. П. Ключникова, А. П. Мясникова, К. Н. Джордонадзе, а также специалистами комбината Ю. А. Мохноножкиным, Н. В. Храмовой, О. А. Ильиной и другими, вовлек в свою орбиту уже 17 рабочих бригад и 24 инженерно-технических работника предприятия. В феврале 1976 года его одобрило бюро Ульяновского обкома КПСС.

Текстильщики так просто завидовать кому-то не привыкли: если увидят у коллег какое-нибудь ценное новшество, то обязательно переймут то, что может пригодиться им. Вот и Любовь Фадеева, как только узнала, что на комбинате имени Гимова с помощью специалистов облегчили работу прядильщицам, задалась вопросом: а нельзя ли и у них, на фабрике имени Свердлова, сделать то же?

Любовь Николаевна пошла к главному инженеру.

— У рабочих поднимется выработка, — горячо убеждала она, — если в производстве появятся транспортеры и канатная дорога. И труд облегчится...

И вот уже измайловские инженеры делают наброски будущих механизмов...

В другой раз, теперь на фабрике имени III Интернационала, подметила Фадеева, что все прядильные машины сосредоточены в одном зале. Предложила перенять: удобно, нет разбросанности. Специалисты согласились. Казалось бы, откуда у молодой работницы

столько наблюдательности, хозяйской сметки? Ведь и стаж-то ее на производстве был еще невелик. Но род Фадеевых корнями уходил в историю измайловского текстиля, все разговоры в доме с детских лет Любы — о тканях. Сама она довольно хорошо знала фабрику еще со школы.

Когда-то раньше, чтобы стать мастерицей, требовалось полжизни. Люба достигла высот прядильного искусства за пять лет. Взять, к примеру, смену бобины — долгой считается эта операция у прядильщиц, по норме на нее требуется почти 35 секунд, а Фадеева укладывалась за 25. И не только природные способности помогали ей овладевать профессией, но и большое трудолюбие.

Коммунисты фабрики избрали Любовь Фадееву делегатом на XXV съезд партии. И тогда же, в 1976 году, ей была вручена награда — орден «Знак Почета».

В том же году измайловцев ждало еще одно радостное событие: ткачихе Нине Васильевне Лямзиной присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С 1950 года Нина Васильевна трудилась на фабрике имени Свердлова. Наставляла ее в ткачестве Екатерина Григорьевна Чижова, потомственная мастерица, делегат XX съезда партии. И Лямзина осталась благодарна ей не столько за обучение приемам — ведь техника обновлялась, станки-тихоходы отошли в прошлое, а вместе с ними и старые приемы и методы работы, — сколько за воспитание, благодаря которому постепенно открывались перед молодой работницей высокий смысл и красота избранного ею дела.

На бесчелночные станки Лямзина переходить не хотела. И не только в привычке к своей тройке «Текстим» было дело. «На СТБ легче — пусть молодежь и пробует», — думала она. Тяжесть брала на себя, чтобы ученикам поначалу ткацкое дело не показалось изнурительной ношей. Десятки ее воспитанников (только за 9-ю пятилетку она обучила 11 человек) уверенно работали на бесчелночном оборудовании.

Позже, уже в звании Героя, Лямзина размышляла: «Работаю на трех «Текстимах»... Может, попробовать взять четвертый станок? Ведь получается, когда подменяю кого-то...» Помнился Нине Васильевне разговор, который вышел у нее с Валентиной Голубевой и Валентиной Плетневой. Все трое встречались в Москве

как делегаты XVI съезда профсоюзов страны. Тогда знатные ткачихи из Иванова и Костромы рассказали о своих обязательствах: выполнить в течение пятилетки по 14—15 годовых норм! А позднее мулловская мастерица Анна Михайловна Прокофьева, сама освоив удвоенную зону обслуживания, тоже советовала: «Берите, Нина Васильевна, четыре станка, у вас получится».

В юбилейный год шестидесятилетия Великого Октября Лямзина наконец решилась. Теперь два ее станка ткали суровье для одеял, два противоположных — пальтовый драп. За смену выходило 80 погонных метров классного суровья. В добром начинании Нине Васильевне помогал помощник мастера Николай Савельевич Дудников: ее станки работали безупречно.

Многостаночница была от души рада, когда через месяц узнала: Валентина Федоровна Храмова с фабрики имени Гладышева тоже перешла на четыре станка, а попробовав, сагитировала работать по-новому двух подруг из ее же комплекта — Зою Васильевну Фуфыгину и Нину Александровну Павлову. К 1978 году у Лямзиной появился последователь и на своей фабрике — Антонина Николаевна Скрябина. В числе мастериц, взявших по четыре механических станка, стали называть также старотимошкинских ткачих Н. Я. Волкову, Н. Т. Мангушеву, Д. К. Тапрову.

Но переход на сверхтиповые зоны обслуживания зависел не только от самих ткачей, прядильщиц и поммастеров. Главную роль играл здесь уровень технического обеспечения производства.

Новая же техника оказывала текстильщикам не всегда добрые услуги. Большинство технических новшеств, конечно, помогало. Как, например, первая в Ульяновской области и в шерстяной индустрии страны «АСУ-текстиль-1». Идея создать эту автоматизированную систему управления производством родилась при проектировании нового комбината имени Гимова. Зачатки ее — в виде двух автоматических установок и регистраторов производства АРП-1м, каждый из которых следил за 50 станками, появились в 1973 году еще в старых цехах предприятия.

И вот в июле 1977 года была пущена первая очередь «АСУ-текстиль». Энтузиаст ее создания Андрей Иванович Поляков не мог налюбоваться светлыми за-

лами информационно-вычислительного центра, установленной электронно-вычислительной машиной третьего поколения ЕС-1020, которая поначалу умела рассчитывать 17 задач.

Рабочие-гимовцы любопытствовали: «Что даст нам эта АСУ?» Оказалось, многое.

На каждом станке теперь были установлены датчики. Они посылали в центр импульсы при каждом сбое в работе машин. Сразу обнаруживались все узкие места, когда ЭВМ решала задачу: «Учет простоев и выработка оборудования аппаратно-прядильного и ткацкого производств».

Научившись ставить диагноз, текстильщики занимались не только «лечением» техники. Появилась четкая программа ее использования: где-то требовалось изменить расположение оборудования, на каких-то машинах можно было увеличить скорость. Все это работало на сверхтип.

Современная техника позволила резко расширить зоны обслуживания и суконщикам Димитровграда. КТС становился одним из самых безлюдных предприятий в текстильной отрасли. В новом ковровом цехе комбината, пущенном в 1977 году и рассчитанном на выпуск 4,5 миллиона квадратных метров изделий в год, начали действовать четыре автоматизированные поточные машины.

Вместе с тем к текстильщикам приходило и другое новое оборудование — тормозящее производство, мешающее рабочим проявить себя.

В конце 1977 года фабрика имени Гладышева получила с Шуйского машиностроительного завода партию новых ткацких станков с гибкими рапирами СТР-8-250.

— Красавцы, — восхищенно поглядывали на свежевыкрашенные машины ткачихи. Лидия Прокофьева запустила станок, понравилось: работает без шума, и, самое главное, не надо тянуть челнок.

Но вскоре радость сменилась разочарованием: поломки станков не успевали устранять, а производительность их оказалась ниже, чем у старых механических. Ни о какой повышенной зоне обслуживания нельзя было и думать. «Сырыми» называли текстильщики эти в принципе своем прогрессивные машины, и справедливо. Такими они вышли из стен конструкторских бюро, а затем из ворот машиностроительных заводов.

Гладышевцы боролись с этим, как могли. Сами дорабатывали конструкцию станков СТР, не отказывались от забракованных машин, свозимых в Барыш с других предприятий...

В конце семидесятых годов старотимошкинцы первыми создали специальную мастерскую, которая ликвидировала дефицит в запчастях к станкам СТБ. Здесь же рационализаторы создали из двух машин — кардной и стригальной — единый агрегат, что высвободило 27 рабочих (авторы рацпредложения — инженер А. М. Камынин и мастер К. И. Мангушев). Новшеств, разработанных суконщиками фабрики имени III Интернационала, было очень много, а трое самых пытливых — А. А. Кадермятов, Ш. И. Орлов и А. А. Пронин — в 1979 году были удостоены звания «Лучший рационализатор легкой промышленности СССР».

Во Всесоюзном конкурсе, который проводился Минлегпромом СССР, Центральным Советом ВОИР и ЦК профсоюзов отрасли, призовое место заняло другое ульяновское предприятие — Димитровградский ковроао-суконный комбинат.

И все же, получая медали за рационализаторскую деятельность, текстильщики не могли забыть об оборотной стороне своих достижений, на фоне которых еще отчетливее выступало несовершенство оборудования. Это было одной из причин — правда, не самой главной — того, что во второй половине семидесятых годов ульяновские шерстяники оказались в прорыве.

Что же тормозило движение вперед? Это и кадровый дефицит. И некачественное сырье, требующее все новых циклов обработки. И ухудшение ассортимента. Буксовал экономический механизм периода застоя, цифры все больше заслоняли живое дело.

Допущены были и организационные промахи. Один из них заключался в том, что Ульяновское объединение шерстяных предприятий с 1 января 1976 года разбили на два: Ульяновское и Барышское суконные объединения, подчинив их московскому главку «Роспромсукно». Многие складывавшиеся годами экономические связи и механизмы управления оказались нарушенными. «Роспромсукно» установило барышцам на 1977 год следующую плановую цифру прироста по реализации продукции — 12,9 процента, хотя в 1976 году реальный прирост составил около 6 процентов, и это соответствовало

«Основным направлениям развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Более того, «Роспромсукно» не подкрепляло свои задания достаточными ресурсами. В 1977 году главк удовлетворил заявку барышцев на сырье и материалы лишь на одну треть, а красителей выделил 69 процентов от всей потребности.

Итог был печален — план провалили на миллионы рублей, премий не получили ни копейки. Текучесть кадров достигла неслыханной для края цифры — 25 процентов. Только за 6 месяцев 1977 года с барышских фабрик уволилось 628 человек.

Положение ульяновской текстильной отрасли оказалось настолько серьезным, что по этому поводу выступила «Правда».

Как могут шерстяники выполнять план, выпускать в год изделий на 1,1 миллиарда рублей, резонно задавала вопрос газета, если, кроме раздутых цифр задания, Минтекстильпром ничего им не дает? Строился огромный комбинат в Ишеевке, а министерство вычеркнуло деньги на жилье, детские и культурные учреждения. Ведется реконструкция в Новой Майне, и опять на жизненные нужды людей не выделено ни копейки. Не удивительно, что планы двух лет пятилетки оказались сорванными.

Чтобы развязать этот узел проблем, решением правительства в январе 1978 года в Ульяновске было создано республиканское промышленное объединение по производству шерстяных тканей «Ульяновскпромшерсть». Оно стало одним из четырех шерстяных главков Министерства текстильной промышленности РСФСР, получило большие права. Руководить объединением было доверено Евгению Владимировичу Мешкову. В отрасли его уже знали как инициативного директора, поставившего на ноги Димитровградский коврово-суконный комбинат.

Как поднимать отрасль? С чего начать? Казалось бы, все одинаково важно. Но вскоре было определено главнейшее, магистральное направление работы: человек! Перемены в быту, решение социальных проблем должны были помочь текстильной отрасли вновь выйти на ровную дорогу. Ведь до сих пор каждый пятый труженик отрасли работал в условиях повышенной запыленности и загазованности, каждый седьмой — при не-

допустимо высоком шуме. 38 процентов рабочих мест в 1977 году не соответствовало санитарным нормам, бытовые помещения устраивали людей лишь на трех предприятиях — комбинате технических сукон, Новомайнской ковровой фабрике, комбинате имени Гимова.

Первыми за дело взялись ишеевцы. Быстро рос 216-квартирный жилой дом. Старожилы удивлялись: кругом пустырь, поле, и вдруг среди него встала крупнопанельная девятиэтажка, ни в чем не уступающая городским домам. Ни в одном райцентре области не было такой. И ничего, что возведена в стороне от поселка, зато рядом с комбинатом.

Вскоре около первого дома был заложен еще один, на этот раз 90-квартирный. Неподалеку появились детский сад на 160 мест, школа, рассчитанная на 1200 учеников, техническое училище.

— Теперь передохнем с кадрами, — радовались гимовцы при открытии нового ПТУ в 1979 году (до этого в Ишеевке действовал лишь филиал Барышского текстильного техникума).

Для молодежи в короткие сроки были построены два благоустроенных, на сто мест каждое, общежития. Комбинат стал заметно молодеть. Не успевали справлять свадьбы. А затем — и дни рождения новых граждан. Решили: нужен второй детский комбинат, и, не откладывая, заложили фундамент под него в начале 1980 года.

А новомайнские текстильщики многое перенимали у димитровградских ковровщиков, которые стремились создать для рабочих наиболее благоприятные условия труда. Например, в ткацком производстве совсем рядом с огромными, шумными станками можно было вдруг обнаружить «райский» уголок: пол убран коврами нежного тона, глубокие кресла помогают мышцам расслабиться, и вся обстановка небольшой, но уютной комнаты словно приглашает: отвлекись, отдохни, наберись сил.

Будет ли все так же в Новой Майне — зависело прежде всего от окончания реконструкции. Она завершилась к 1980 году. Только на строительно-монтажных работах на новом корпусе было освоено 6 миллионов рублей. В январе ожил ковровый цех, и с его тафтинг-машин сошли первые 24 тысячи метров петельного полотна. Вскоре вступили в строй красильный цех и ад-

министративно-бытовое здание, заработали две поточные линии отделки изделий.

Новомайнцы старались решать все вопросы производственного быта сразу, не откладывая, хотя им и приходилось одновременно осваивать новые мощности.

Но главные бытовые трудности начинались за порогом проходной: ведь жилья людям не заменит и десяток комнат отдыха в цехе. А квартирная проблема решалась пока что медленно. Сколько собственных сил потратили ковровщики, чтобы наконец в 1979 году строители сдали благоустроенный дом для 70 семей текстильщиков и в 1980 году заложили еще один такой же!

И все-таки Новомайнской фабрике могли позавидовать многие предприятия. Их положение с жильем оставалось еще более сложным. А молодое объединение «Ульяновскпромшерсть» было не в силах сразу его улучшить.

За годы 10-й пятилетки у объединения появилось свое СМУ, а затем и две ПМК — в Димитровграде и Барыше. Но мощности их были слабыми (СМУ едва осваивало 2,5 миллиона рублей в год). Приходилось прибегать к помощи строителей-подрядчиков. И все же именно в этот период началась реконструкция фабрик имени Ленина, имени Степана Разина, Мулловской, Вешкаймской, комбината имени Калинина, расширение производственных площадей на фабрике имени Гладышева.

Реконструкция велась не в ущерб объектам социально-культурного назначения. Текстильщики, как ни трудно им было, старались не отступать от раз и навсегда взятой линии: строить комплексно, удобно, эстетично. Даже жители многих современных городских микрорайонов могли бы позавидовать: как близко друг от друга находятся дом, магазин, школа.

Думали шерстяники не только о жилье, но и об окружающей природе. Требовали от строителей: «Пусть дороже обойдется стройка, пусть чуть медленнее растут этажи — только не нарушайте, не губите красоту вокруг».

Новые коттеджи в Измайлове вырастали, обходя вековые бурые сосны. «Не хуже, чем в Швейцарии», — восхищались здешними видами приезжие.

Сохранились нетронутыми лес и холмы, у подножия которых расположился поселок имени Ленина.

7 Заказ 229

А знаменитый языковский парк? Текстильщики были среди тех, кто поддержал общество охраны природы, ударившее в набат: уникальное творение природы и рук человеческих — второго такого нет в Поволжье — гибнет; нужны крупные лесотехнические мероприятия, чтобы возродить его былую славу и красоту.

...Любовь к окружающей красоте, к поэзии, к искусству отличала текстильщиков во все времена, рождала немало талантов. И в современной кипучей, стремительной жизни не растратили эту любовь.

В 1970 году Языковский народный театр завоевал первое место в областном конкурсе самодеятельных коллективов, посвященном столетию со дня рождения В. И. Ленина. А в 1973 году он вошел в число десяти лауреатов Всероссийского конкурса.

На языковских подмостках играли истинные актеры. И пусть не имели они сценического образования — В. С. Морозов и К. И. Курочкин работали помощниками мастера, Ю. И. Жихарев — инженером по новой технике, Ф. Е. Дотоль — заместителем начальника ткацкого производства, А. Г. Крайнов — электриком, — но к увлечению своему относились самозабвенно и не порывали с театром много лет. Везло языковцам и на талантливых режиссеров. С 1961 по 1977 год коллективом руководил Александр Иванович Столяров. С ним не боялись браться за самые сложные пьесы.

Шерстяники фабрики имени Гладышева 26 февраля 1977 года открывали районный Дом культуры. Радовались: теперь можно ходить не только в фабричный клуб, но и сюда. В новом здании — три зала: зрительный, лекционный и танцевальный. Есть где развернуться хору, двум оркестрам и, главное, народному театру — к нему текстильщили тянулись больше всего.

Дети текстильщиков удивляли своими талантами взрослых: их драматический коллектив «Спутник» стал широко известен в области.

Постигая мир прекрасного, закаляясь духовно и физически, шерстяники открывали в самих себе все новые возможности для самосовершенствования, профессионального, культурного и нравственного развития. В свою очередь освобождающаяся творческая энергия людей, их энергия, активный поиск меняли лицо производства. Человеческий фактор был решающим и в освоении нового оборудования, и в расширении движения за сверх-

типовые зоны обслуживания станков, которое к концу семидесятых годов стало поистине массовым.

Основа — прочная

Современная текстильная индустрия сильна не мастерами-одиночками, как когда-то, а прежде всего коллективными формами организации труда.

Бригады в отрасли существовали еще в тридцатых годах. Но какие? Без продуманной внутренней организации, скомплектованные чисто механически. На заре восьмидесятых годов требовались другие: инициативные коллективы, спаянные конечным общим результатом.

Примеры прогрессивных бригад — комплексных, сквозных — в истории ульяновской текстильной отрасли были. Это и помогло шерстяникам быстрее перестроить работу всех предприятий.

Пионером принципиально новой формы организации труда в текстильной промышленности страны стал коллектив Димитровградского коврово-суконного комбината. С апреля 1978 года он начал переходить на вазовскую систему.

— Возможно ли? Метод автомобилестроителей — на текстильном предприятии? — удивлялись многие. — Ведь даже крупным автозаводам (УАЗ — живой тому пример) не удалось полностью внедрить его.

Но ковровщики Димитровграда оказались мудрыми и последовательными в своем начинании. Испытали систему сначала в одном производстве — нетканых материалов. Образовали три укрупненные — по 40 человек — сквозные бригады. В каждой избрали совет.

Условия текстильного комбината требовали корректировки вазовской системы. Ведь шерстяное производство мало похоже на конвейер, одними и теми же мерками работу текстильщиков и автомобилестроителей невозможно измерить. Пришлось пересмотреть нормы, изменить документацию. Появились специальные карты рабочих мест, в которых отражались факторы тяжести и напряженности, рекомендуемые режимы труда и отдыха.

Оценили ковровщики и еще один плюс вазовской системы — качество. Бригада, получая норматив качества продукции, уже не могла выдавать брак — иначе

прощайся с премиальными. До 99 процентов продукции сдавалось с первого предъявления в цехах, перешедших на новую форму работы (за производством нетканых материалов последовали ковроно-ткацкое, ковроно-отделочное производства, служба главного энергетика).

Система убедила также, что слово «взаимозаменяемость» приемлемо и для текстильной промышленности. Оказалось, совмещать профессии и осваивать смежные вполне под силу ткачу или вязальщице, мотальщице или работнику отделочного производства. Освоив этот резерв, ковровщики принесли огромную выгоду государству. Только в 1980 году экономия фонда заработной платы по трем производствам комбината составила 89 тысяч рублей. А производительность труда за тот же год выросла в ковроно-ткацком производстве на 24 процента, в ковроно-отделочном — на 16,5 процента.

Так совпало, что у димитровградских шерстяников внедрение вазовской системы шло одновременно с созданием нового производства — иглопробивного. С 1978 года красавец корпус, пристроенный к старому зданию, заполнился уникальным, купленным в США оборудованием. Ковроно-суконному комбинату страна доверяла особо важное дело: первым в СССР освоить изготовление технических сукон иглопробивным способом. В этой продукции нуждалась бумажная промышленность.

...Представитель фирмы хозяйским, освоившимся взглядом, в котором чувствовалась и скрытая усмешка, пробежал по установленным в цехе агрегатам. Вид ярких, многометровых громадин, способных за считанные минуты превращать ватку в суконное полотно шириной до 13 метров, был ему привычен.

— Свой контракт мы выполнили, — попросил перевести американец, адресуясь к главному инженеру КСК В. Ф. Потепалову. — Монтаж произведен, оборудование действует. — И, выдержав паузу, добавил: — В своей стране, чтобы эти машины вывести на полную мощность, нам требуется год. Я буду рад за вас, если уложите период освоения в два года.

Владимир Федорович Потепалов молча кивнул — к чему спорить, доказывать, что комбинату по иглопробивным сукнам уже спущен план, и осваивать фирменное оборудование придется куда как в более короткие сроки. В успех он верил, а озабочен был в то время другим. «Как получается всегда? — размышлял Поте-

палов. — Постигаем тонкости новой технологии, добиваемся проектной производительности, а об организации труда в этот период практически не думаем. Может быть, стоит людей в иглопробивном не приучать к сдельщине, а быстрее переводить на вазовскую систему?»

Поговорил с Виталием Ивановичем Веселовым и другими поммастерами нового производства, операторами. «Мы не против бригады», — сообща решили рабочие.

И вскоре иглопробивное производство доказало, что метод коллективной организации труда не только не тормозит освоение сложной техники — как раз наоборот! Об этом производстве сначала по комбинату, затем по области и даже по отрасли пошла слава: здесь минимальны простои, нет брака; коллектив на редкость дружный, стабильный. Дисциплина установлена строгая, нарушений не бывает.

К 1982 году на Димитровградском коврово-суконном комбинате уже мало кто сомневался в пользе бригадного метода. Окончательно оформилась новая структура руководства производственным процессом: начальник производства — старший мастер — сменный мастер — бригадир производственной бригады. Управлять стало проще. Самостоятельности, а значит, поиска, творчества — больше. Только за 1981 год внедрение бригадной формы принесло предприятию дополнительно 26 тысяч рублей.

В мае 1982 года коврово-суконному комбинату было присвоено имя Георгия Димитрова. Это обязывало коллектив и дальше трудиться, не снижая набранного темпа.

На Инзенской фабрике нетканых материалов сначала образовали комплексные бригады по 20—25 человек в каждой. Сюда вошли и основные рабочие, и вспомогательные, и помощники мастеров. Но как оценивать работу? Сдельно-премиальная система здесь не годилась. Рассудили так: бригаде отводится свой участок, а вся произведенная на нем продукция считается общим конечным результатом. Сдали на склад пряжу или ткань в заданном количестве и нужной сортности — получите сполна за все, а уж сколько кому причитается — делите сами.

К 1982 году на фабрике образовалось уже 15 комплексных бригад. Появилась и другая прогрессивная форма трудового коллектива — сквозная бригада. Объединившись в нее, работники двух смен сновального,

смесового и контрольно-разбраковочного отделов перешли на единый наряд.

Благодаря внедрению бригадного метода за один только 1981 год инзенцы подняли производительность труда на 28 процентов. На 15 процентов выросла зарплата в производствах.

На комбинате имени Гимова бригадный метод раньше, чем на других предприятиях, нашел надежную инженерную поддержку.

...Однажды в кабинет главного инженера комбината К. П. Агапова вошла старший нормировщик аппаратно-прядильного производства Зинаида Михайловна Софронычева.

— Константин Петрович, — начала она, явно волнуясь. — Ничего не получится у нас с бригадами, только измучаются люди, если не сократим обрывность. Триста пятьдесят обрывов на машине за смену! Разве это дело?

...В кабинете главного собрались специалисты. Все понимали, что судьба созданных в прядении бригад во многом зависит от их инженерной смекалки. Словно сговорившись, участники совещания в этот раз не сетовали на плохое качество шерсти, на короткие волокна. Мысли всех были заняты одним: найти выход. Решили попробовать замасливание пряжи.

Успех пришел неожиданно быстро. Число обрывов с 350 сократилось до 200. А у опытных мастериц, таких, как Л. И. Андрианова, — и того больше. Бригады ожили. З. М. Софронычева теперь могла уже смело внедрять свои рацпредложения по более удобной организации труда, которые помогли освоить сверхтиповые зоны десяткам прядильщиц, сократили восемь рабочих мест и дали комбинату 10 тысяч рублей экономии.

Не будь инженерной поддержки, вряд ли появились бы на комбинате имени Гимова к 1982 году 40 бригад нового типа. Одна из них — бригада помощника мастера А. А. Малинкина — своими успехами завоевала широкую известность не только среди текстильщиков края Ильича, но и во всей текстильной отрасли страны.

Все самое прогрессивное быстро получало прописку в комплекте Малинкина. Когда в 1981 году бригада переходила на единый наряд, специалисты советовали внедрить ряд технических новшеств. Все знали: главные трудности при этом достанутся поммастера. Но Алек-

сандра это не пугало. Он сам просил как можно быстрее установить на своих СТБ разоискатели. Вскоре в бригаде появились и рулонное снятие суровья, и увеличенные фланцы навоев, за счет чего сократилось число вязок. Обслуживать станки стало легче.

Комсомольско-молодежная бригада Малинкина работала стабильно, план пятилетки закончила на год раньше. В нее входили восемь ткачей и два помощника мастера (один из них — сам Малинкин). Обслуживали 22 станка — больше отраслевой нормы. Научились с помощью избранного совета бригады оценивать вклад каждого в общий результат по коэффициенту трудового участия, сообща обсуждали бригадный план, собираясь кружком за два-три дня до начала нового месяца.

И все-таки организация труда была еще недостаточно совершенна. Нередко ткачихи сетовали на сменщиц: «Вечно станки не убирают, пряжу никогда не подготовят». Привычной была и такая картина: до конца смены еще 15—20 минут, несколько початков сошли, а работница и не думает перезаправлять станок — ведь скоро домой.

Малинкин задумывался над этими проблемами, советовался со специалистами. Вместе нашли решение: сделать бригаду более гармоничной поможет ее укрупнение и превращение в сквозную.

1 апреля 1982 года молодой директор комбината имени Гимова Владимир Викторович Рыжков объявил новость:

— С сегодняшнего дня в ткацком производстве № 1 начинает действовать впервые организованная на предприятии сквозная бригада. Теперь в ней 20 человек — по 10 из каждой смены.

Вновь созданный коллектив первым в области выступил с почином выполнить задание 11-й пятилетки к 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Эту инициативу одобрило бюро обкома КПСС.

План двух лет пятилетки бригада Малинкина, как и намечала, выполнила ко дню открытия XIX съезда ВЛКСМ. Только за первый год работы сквозным методом выработка ткачей возросла на 22,5 процента. Производительность оборудования, коэффициент его использования в этом коллективе были неизменно высокими. О текучести кадров здесь больше не вспоминали. Зато слово «экономия» стало употребляться часто. Каждая

работница теперь полностью дорабатывала пряжу с бобин, сокращала отходы в обраты при ликвидации обрывов.

Эффективно срабатывали материальные стимулы. Только за первый год зарплата у членов бригады возросла на 10 процентов.

В один из ноябрьских дней 1982 года к гимовцам пришла радостная весть: Александру Малинкину присвоено звание «Лучший помощник мастера текстильной промышленности РСФСР». А в марте 1983 года Александр стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Его приветствовал в телеграмме министр легкой промышленности РСФСР А. М. Парамонов, поздравил начальник «Ульяновскпромшерсти» Е. В. Мешков. Вместе с Малинкиным общую радость разделили 20 ткачей его бригады и рабочие комплектов Е. А. Тузова, А. П. Мясникова, А. П. Костенина, первыми ступившие на новый путь и взаимно обогащавшие друг друга крупицами своего опыта.

В начале 1984 года гимовцы решили еще раз укрупнить бригады в ткацком производстве № 1. В них теперь вошли и вспомогательные рабочие: узловязальщики, транспортировщики навоев. Бригадирами стали уже не помощники мастеров, а сменные мастера.

Марина Демидова и Александр Дылдин оказались самыми молодыми руководителями. Но оба были достаточно квалифицированными специалистами в текстильном деле. Им пришлось одними из первых не только на комбинате, но и в области нащупывать подходы к бригадному хозрасчету.

Одно из основных требований хозрасчета — бережливость, умение четко распределить материальные ресурсы. Теоретически все ясно. Но далеко не просто было Александру Дылдину убедить поммастеров не брать детали со склада впрок, а выписывать ровно столько, сколько нужно в течение смены. Так же не просто было Марине Демидовой приучить ткачих, чтобы они не оставляли и метра уточной пряжи на бобинах, дорабатывали все до конца. Пришлось серьезно взяться за экономию электричества, поставить счетчики.

Бригада Александра Дылдина по итогам 1984 года стала победительницей социалистического соревнования на комбинате, выпустила сверх плана 80 тысяч погонных метров суровья. Переход на новые условия работы

дал ей почти 20-процентное увеличение производительности труда. Все ткани отсюда шли первым сортом. О своем опыте Александр Дылдин как один из лучших бригадиров «Ульяновскпромшерсти» рассказывал с трибуны Всесоюзной школы бригадиров на ВДНХ СССР.

Пионеры бригадного расчета недолго оставались одинокими — в начале 1985 года по тому же пути пошли десятки коллективов, а к началу новой, 12-й пятилетки 35 процентов от всего числа бригад (675) объединения «Ульяновскпромшерсть» учились считать затраты и выгоды, используя лицевые счета эффективности.

...Владимир Николаевич Гришин, помощник мастера суконной фабрики имени Гладышева, прикидывал, с чего начать переход на новую систему. Его бригада — 15 ткачей, обслуживающих станки СТБ-2-216, уже с декабря 1982 года была знакома с оплатой труда по коэффициенту трудового участия.

Внедрение элементов хозрасчета сулило большие выгоды. Гришин как-то после смены зашел к нормировщикам, те разъяснили каждый показатель, который теперь будет спускаться бригаде. Требования были ясными: ритмично выполнять месячную программу в натуральных показателях, строго следовать нормативам численности рабочих, фонда зарплаты, расхода сырья, деталей, энергии, помнить, что на оплату бригадного труда влияют и проступки членов коллектива, и случаи травматизма. Зато самим рабочим разрешалось использовать до половины сэкономленных фондов по своему усмотрению.

Как следует все взвесив, бригадир взялся за дело. И пошло оно споро, будто родился Гришин экономистом и организатором.

«Учимся беречь сырье — надо привлечь рационализацию», — рассудил он. И вместе с помощником мастера А. Н. Родиным внедрил новшество, обеспечивающее полный сход нитей с бобин.

Успехи — успехами, но опыт, которым делился Гришин на семинаре по внедрению новой формы организации труда, проводившемся объединением «Ульяновскпромшерсть» на Инзенской фабрике нетканых материалов в ноябре 1985 года, говорил и о другом. Он подтверждал наблюдения текстильщиков всех ульяновских предприятий: пока нет необходимых экономических условий для внедрения бригадного хозрасчета, пока нет

самостоятельности по всей производственной цепочке — многого не жди. На собственном опыте шерстяники убедились, что все грозные призывы: дать стопроцентный охват, быстрее внедрить отраслевую методику расчета КТУ, — исходившие сверху, могут лишь спутать живые нити практики, а то и порвать их.

Так получилось на суконной фабрике имени III Интернационала. Здесь внедрялись комплексные расценки, разработанные Минтекстильпромом РСФСР. Сначала как будто ничего не предвещало грозы. Но однажды на стол директора предприятия легло сразу полтора десятка заявлений об увольнении. Прядильщицы отказывались работать.

На фабрику выехали главный инженер объединения С. Ф. Молайчина и начальник отдела труда и заработной платы В. И. Пилипенко. Встретились с рабочими, мастерами, нормировщиками.

— У нас пятый разряд, — объяснили причину своего недовольства прядильщицы Кавеева и Кадермятова. — Мы давно работаем на сверхотраслевой зоне обслуживания, а когда не выходит соседка, и ее веретена прихватываем. Теперь же, с этой новой системой, теряем в заработке по пятьдесят рублей ежемесячно.

Выходит, не учитывал министерский КТУ фактическое уплотнение рабочей зоны, был рассчитан на середнячка. Потому-то на большинстве предприятий, отчитавшись, как требовали, о его внедрении, постарались от него уйти: вернулись к индивидуальным расценкам, оставив бригадной лишь премию. Но и в этом случае опытными работниками ощущалась потеря в рублях, у коллективов не было стимула работать меньшим составом, зачастую премировались — «дабы не обидеть» — слабачки.

Конфликт у старотимошкинцев подтверждал всю порочность административно-нажимной экономики, в условиях которой инструкции разрабатывались в отрыве от жизни, в тиши министерских кабинетов и спускались затем вниз. Тогда, летом 1986 года, ведущие специалисты «Ульяновскпромшерсти» решительно отвергли такую систему, делом проголосовали за принцип самостоятельности.

Они разработали свою методику расчета заработной платы в бригадах, под корень подрубавшую уравниловку и очковтирательство. В ней учитывалось все: и инди-

видуальная выработка, и взаимопомощь, а главным достоинством являлась простота; любой рабочий, даже без среднего образования, мог подсчитать свой вклад и потери, выверить зарплату, убедиться, что все заработанное остается в бригаде, а не отбирается волей директора, как было прежде.

С переходом на коллективные формы работы не исчезли в текстильной отрасли мастера, яркие таланты.

Ленточница камвольного производства фабрики имени Ленина Раиса Александровна Бамбурина выполнила за 10-ю пятилетку 12 годовых норм! И в 11-й пятилетке темп не снизила. Как такое стало возможно?

Успех Бамбуриной — не только в остроте глаза, в мгновенной реакции, в продуманности каждого движения. Шаг за шагом, не останавливаясь на достигнутом, она упорно расширяла свою рабочую зону: в 8-й пятилетке имела шесть выпусков ленточного оборудования, в 9-й взяла восемь, в 10-й — десять. А в начале 1981 года довела число своих выпусков до 12.

Раиса Александровна Бамбурина первой из ульяновских ленточниц была награждена в 1981 году орденом Трудового Красного Знамени.

А на груди ткачихи фабрики имени Ленина Галины Михайловны Кисляковой тогда же появилась восьмая по счету награда — орден Ленина. Кислякова за 1976—1980 годы выполнила два пятилетних плана, стала победителем республиканского конкурса рабочего мастерства среди ткачей, получила звание почетной ткачихи фабрики имени Ленина.

Валентине Сергеевне Егорушкиной с той же фабрики имени Ленина и Зое Васильевне Фуфыгиной с фабрики имени Гладышева почти вдвое ускорить ритм своей работы помогло соревнование. Ткачихи заключили договор между собой в начале 1981 года. А когда на календаре значился декабрь 1985-го, сравнили результаты. Зоя Васильевна оказалась впереди.

Равна ей по силам на фабрике имени Гладышева, пожалуй, только Раиса Леонтьевна Носкова. В 1985 году обе мастерицы перешли с челночных станков на малоосвоенные рапирные.

Отправной точкой ускорения в текстильной отрасли, как и в экономике всей страны, были решения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. На них текстильщики ответили работой на совесть.

Десять годовых заданий Людмилы Петровны Ерофеевой с фабрики имени Свердлова, спрессованных в одну 11-ю пятилетку, — это 40 тысяч сверхплановых метров суровья. Благодаря только этой ткачихе швейники смогли раскроить дополнительно 16 тысяч женских пальто. А «двойное ускорение» четырех мастериц комбината имени Калинина — А. С. Гусевой, А. Г. Куличковой, А. Ф. Реутовой и Л. И. Турутиной — могло бы обеспечить бесперебойную торговлю языковскими жаккардовыми одеялами такого крупного магазина, как ГУМ в Москве.

Но чего бы стоили усилия ткачей, если бы до них, в начальных производствах, не нашлось покорителей «сверхнорм»? Разве бы дерзнула, скажем, Анна Михайловна Прокофьева первой в области перейти с двух челночных станков на четыре, когда бы на ее Мулловской фабрике ткачиху подводила прядильщица, а ту, в свою очередь, аппаратчики? Едва ли. Но в Мулловке работают такие, как Р. Х. Сагирова, которая, обслуживая два двухпрочесных аппарата «Текстима», почти девять трудовых лет уместила в границы 11-й пятилетки.

Мотальщица коврово-суконного комбината Г. Ф. Макарова, крутильщица Новомайнской ковровой фабрики О. М. Кузьмина, прядильщица суконной фабрики имени Степана Разина Л. И. Овсянникова, бригадир комбината имени Гимова Н. Ф. Егорова и многие другие вносили достойный вклад в общее ускорение.

Вклад этот — не только метры суровья, тканей, килограммы ровницы и пряжи. Издавна текстильщики вносили и иной — в копилку государственной мысли, социалистического управления.

С 1984 года депутатом в Верховном Совете РСФСР от ульяновских шерстяников была прядильщица камвольного производства фабрики имени Ленина Татьяна Николаевна Саранцева. Тремя годами раньше с этого же предприятия в Москву, делегатом на XXVI съезд КПСС, поехала ткачиха Татьяна Матвеевна Басова.

За светлый и ровный характер, за то, что ни в работе, ни в жизни не хитрит, полюбили текстильщики фабрики имени Свердлова прядильщицу Серафиму Дмитриевну Корнилову. Не было сомнений у измайловских коммунистов, когда выбирали ее делегатом на Барышскую городскую конференцию КПСС. А партийцы текстильного района единогласно решили: достойна Сера-

фима Дмитриевна представлять их организацию в Ульяновске. 11 января 1986 года XX областная партконференция голосовала за делегатов на XXVII съезд КПСС. Среди лучших коммунистов области была избрана и С. Д. Корнилова.

Так вышло, что в Измайлове первой поздравляла Корнилову Н. В. Лямзина. «По особому праву», — шутила Нина Васильевна, имея в виду, что обе они родом из одних мест — из Вителевки.

До самого ухода на пенсию Лямзина выполняла двойную норму. В ткачестве она брала расширенную зону обслуживания — четыре челночных станка, вырабатывая тысячи дополнительных метров первоклассных драпов. Но Корнилова — в прядении. Здесь свои законы. И удвоенная, против принятой в отрасли, зона обслуживания — пока только мечта.

Однако Серафима Дмитриевна как раз из таких, кому по силам если не оживить мечту, то приблизить ее достижение. Ведь когда-то считалось, что больше 150 веретен на кольцепрядильных машинах работница охватить не может. А Корнилова в числе первых на фабрике взяла 200. Сегодняшнее ее ускорение — это выполнение шести годовых норм за 11-ю пятилетку, это дополнительные 25 тонн пряжи, сработанные с безупречным качеством. Теперь никого не удивляет, что С. Корнилова, З. Веретенникова и Р. Е. Евдокимова обходятся без четвертого члена комплекта, втроем обеспечивают работу двух прядильных машин.

В прядении фабрики имени Свердлова, как и в других производствах и на других предприятиях, не хватает рабочих. Оттого с особой озабоченностью звучат слова С. Д. Корниловой: «Надо готовить смену». В них верно указан путь, который должен вывести текстильщиков из сегодняшнего нелегкого положения с рабочими кадрами.

В объединении «Ульяновскпромшерсть» намечена программа движения по этому пути, и многие кадровые проблемы шерстяники уже решили. Если в год создания объединения (1978) текучесть кадров на его предприятиях превышала 20 процентов, то в 1985 году она снизилась до 10,3 процента. Добрую роль сыграло здесь постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по закреплению кадров в производственных объединениях и на предприятиях

текстильной и некоторых других отраслей системы Министерства легкой промышленности СССР», принятое в 1982 году.

Менялась система и условия подготовки рабочих через текстильные профессионально-технические училища. В середине восьмидесятых годов филиалы от базовых ПТУ — димитровградского и ишеевского — появились при восьми фабриках и комбинатах. Вместе с профессиональными навыками учащиеся сегодня приобретают здесь среднее образование.

Пример остальным подают гладышевцы. Еще в 1979 году они выделили под учебно-курсовой комбинат двухэтажное здание, укомплектовали преподавательские штаты, обеспечили текстильным оборудованием мастерские и кабинеты. Первыми среди ульяновских шерстяников гладышевцы начали вести профориентационную работу среди младших школьников. Обеспечили подшефную школу отходами своего производства, дали инструмент, разработали образцы нужных и простых вещей, интересных в изготовлении.

Опыт фабрики имени Гладышева старались перенять многие предприятия. Привносили и свое. Кто-то сделал упор на летние лагеря труда и отдыха, кто-то — на работу школьников непосредственно в цехах. Наилучшие результаты дала профориентация на Димитровградском ковроно-суконном комбинате имени Георгия Димитрова, Вешкаймской прядильно-ткацкой фабрике, текстильном комбинате имени Гимова.

«Молодым везде у нас дорога» — слова из песни стали для ульяновских текстильщиков непреложным законом, девизом, синонимом прогресса. Омоложение рабочих коллективов сегодня — одно из главных направлений кадровой политики объединения «Ульяновскпромшерсть». В середине восьмидесятых годов средний возраст специалистов-шерстяников края Ильича составлял 37 лет.

Едва ли в какой другой отрасли руководит предприятиями столько молодежи! Трем директорам: фабрики имени Свердлова Е. Ф. Муракову, фабрики имени Гладышева В. В. Карпову, фабрики имени Ленина А. И. Шишкову — немногим более 30 лет, а шестерым их коллегам с других предприятий нет еще 40. Один из лучших ульяновских руководителей Владимир Викторович Рыжков был выдвинут после окончания Академии народного

хозяйства на ответственную работу — начальником республиканского главка «Роспромшерсть». Галина Ивановна Ирейкина, в прошлом директор фабрики имени Свердлова, возглавила отдел легкой промышленности Ульяновского обкома КПСС.

Исстари текстильщики больше уважали того, кто, прежде чем стать командиром производства, прошел все его крутые ступеньки, начинал свой путь в спецовке рабочего. У всех сегодняшних руководителей фабрик и комбинатов именно такая биография.

Думал ли К. П. Агапов, когда в 1966 году в первый раз пришел устраиваться слесарем на комбинат имени Гимова, что ему через 12 лет быть главным инженером этого предприятия, а через 20 лет — директором фабрики имени III Интернационала? Мог ли представить в 1964 году ученик поммастера Обуховского ковроо-суконного комбината А. Я. Новиков, что судьба забросит его в Ульяновскую область и ему предстоит взять на себя ответственность за дела Новомайнской ковровой фабрики? Серьезное отношение к своей работе, деятельное беспокойство за ее успех выдвинули одного на должность начальника ПТО, а потом заместителя главного инженера, другому помогли стать мастером, начальником ткацкого производства, главным инженером.

Быстрая карьера сегодня все меньше становится лишь делом случая. Без соответствующих знаний стать руководителем невозможно. Знания К. П. Агапов приобрел в Московском текстильном институте, а А. Я. Новиков — во Всесоюзном заочном институте текстильной и легкой промышленности. Управлять же производством, людьми на практике научили не только книги, но и опытные старшие товарищи.

Половину жизни отдал фабрике имени III Интернационала П. П. Фадеев. Сколько последователей воспитал! И вот пенсия. Но привычка к гудку, по которому много лет он приходил на фабрику с первой сменой, осталась. И часто видят Павла Петровича в производственных корпусах, среди людей. Не праздным созерцателем приходит сюда бывший директор, а с помощью, дельным советом, подсказкой.

О Михаиле Фомиче Пискунове говорят: «Прирос к месту». Верно: как приехал в 1962 году главным инженером на Инзенский пенькозавод, так и остался здесь, теперь уже на фабрике нетканых материалов. Лет 15 на-

зад (тогда еще Пискунов не был директором) загорелись местные жители идеей заложить парк отдыха. Михаил Фомич первым вышел на субботник вместе с женой, сыновьями, дочкой. А сегодня парк — гордость инзенских текстильщиков. Появились стадион, клуб, комплексный пункт бытового обслуживания. Сама фабрика — лучшее текстильное предприятие области.

У такого директора многому могут научиться молодые. Дальновидному расчету. Хозяйственной гибкости. А главное — принципиальности. Именно она заставила Михаила Фомича пойти на конфликт даже с советом директоров объединения (было и такое в его биографии). Пискунова укоряли: всем предприятиям не хватает пряжи, а вы на площадях прядильного производства торопитесь разместить оборудование под нетканые материалы. Он же стоял на своем.

И жизнь показала — был прав. Хоть и принесла твердая позиция директора новые заботы прежде всего ему самому — началась реконструкция производства, — но эти заботы не были тягостными, потому что обещали скорое обновление всего предприятия.

Такие кадры стали опорой текстильщиков в перестройке, начало которой положил апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС. Ульяновские шерстяники понимали, что и их не миновал застой, что в их коллективах, как и во многих других, еще немало инертности, иждивенчества. Хоть и не падала за предыдущие годы производительность труда, но уровень ее оставался намного ниже среднемирового. «Чего душой кривить, — говорили шерстяники, — ткани наши в большинстве своем бедные, от моды отстают».

Поэтому все надежды — на перестройку. Всю энергию — ей. А чтобы не расходились помыслы и дела, была намечена четкая комплексная программа деятельности объединения, осуществляется строгий контроль за ее выполнением.

Первая часть программы — научно-технический прогресс. У текстильщиков области уже имелся опыт внедрения технологии мирового уровня.

...Казалось бы, специалистам ковроводсуконного комбината имени Георгия Димитрова нет необходимости думать о новом оборудовании: совершенной техники различных фирм здесь в достатке. Но заместителю главного инженера Н. Г. Травиной все чаще попада-

лись на глаза статьи из зарубежных журналов об отделке ковров методом пенопечати. Да и в ВИАлегпроме много говорили о прогрессивной технологии в самом начале восьмидесятых.

Непросто оказалось оживить идею. Наконец, в 1982 году заработал на ковроно-суконном комбинате первый печатный агрегат. И вот уже быстрой горной речкой сходит с него полотно под названием «камешки», потоком лавы изливается «вулкан», солнечной поляной расстилаются «цветы».

А димитровградцы не успокаиваются: их партнерам-бумажникам требуются новые виды технических сукон, и на комбинате монтируют уникальное оборудование для их производства иглопробивным способом. Уже внедрена пропитка этих материалов водорастворимой смолой, позволяющая значительно увеличить срок службы материала.

Но все это было лишь предисловием к новому этапу развития отрасли, к начавшейся в ней, как и во всей советской экономике, перестройке.

Стартовой отметкой на пути ускорения для комбината имени Георгия Димитрова стало важное народнохозяйственное задание. Необходимо разработать новую технологию изготовления сукон для быстроходных бумагоделательных машин на основе синтетических мононитей, волокон и препаратов. Что она даст? Ежегодно — 130 тонн сэкономленного шерстяного сырья, 250 тысяч рублей, которые пойдут в прибыль предприятия.

Комбинат оснащен специальными, особо мощными ткацкими станками, уникальным крутильным оборудованием. Но техника и технология — лишь одно из важнейших направлений прогресса. Наука... Как слить ее воедино с производством? Об этом в Димитровграде думали немало. «Отраслевые институты находятся в Москве, Киеве, Серпухове, — рассуждали текстильщики, — по каждому вопросу не наездишься».

Однажды в кабинете главного инженера В. Ф. Потепалова появились сотрудники Димитровградского филиала Ульяновского политехнического института.

— Давайте заключим договор, станем партнерами, — предложил заведующий кафедрой «Машины и аппараты» кандидат технических наук В. А. Студенцов.

Убеждать никого не требовалось.

— Мы — за такое содружество, — ответил Поте-

палов. — Но считаем, и об этом давно говорил начальник объединения Евгений Владимирович Мешков, что еще большей будет польза от сотрудничества ученых не с одним предприятием, а со всеми ульяновскими текстильщиками.

И вот между республиканским промышленным объединением «Ульяновскпромшерсть» и Димитровградским филиалом Ульяновского политехнического института подписан договор об организации учебно-научно-производственного комплекса. Вуз отныне не только будет готовить кадры для шерстяных предприятий области, но и намного расширит круг научно-исследовательских работ, напрямую связанных с текстильным производством.

Учеными было выбрано главное направление: повысить надежность и долговечность текстильного оборудования. К их усилиям добавлялась энергия суконщиков, и вскоре на комбинате имени Георгия Димитрова появился участок газотермического напыления на изношенную поверхность деталей порошковых износостойких материалов. На текстильное предприятие пришла порошковая металлургия! Уже восстанавливаются валы тафтинг-машин. Разработана технология изготовления подшипников из металлической стружки, борирования деталей, иначе говоря, упрочения их поверхностей.

Все громче заявляет о себе научная мысль и на Новомайнской ковровой фабрике. Несколько лет назад о лазере здесь знали только благодаря газетам и телепередачам. Мог ли кто подумать, что лазерный луч поможет текстильщикам, разрежет трудный узел проблемы запчастей! Фабрика приобрела лазерную установку типа «Кардомон», не пожалела под участок лазерной обработки выделить нужную площадь.

Раньше было так: какую по качеству сталь получило предприятие, на той и работай. И ничего не поделаешь, если детали в считанные дни попадают в отвалы Вторчермета. С помощью лазера текстильщики получили возможность превращать низкоуглеродистые стали в легированные. С его приходом на фабрику родились и технология поверхностной закалки, и метод лазерного оплавления самолюксующихся покрытий при восстановлении изношенных деталей. Экономический эффект от внедрения разработок немалый — 90 тысяч рублей.

Участок лазерной обработки начал действовать так-

же на суконной фабрике имени Гладышева, готовы к внедрению техники века и другие предприятия.

Многое даст ульяновским шерстяникам программа «Прогресс-90». Только новых технологических процессов до конца 12-й пятилетки будет внедрено около 30. Впервые фабрика имени III Интернационала и комбинат имени Калинина приступят к выпуску тканей из верблюжьей шерсти со сглаженным ворсом, а комбинат имени Гимова — высококлассной ткани с вложением до 50 процентов ангорской шерсти. Ряд предприятий освоят технологии выработки суровья на рапирных ткацких станках «Акутис» и перемотки пряжи на автоматах «Аутосук».

Ускоренными темпами будет происходить замена устаревшего и модернизация действующего оборудования. Появятся концервальные машины К-II-Ш, отечественные карбонизационные агрегаты, мотальные автоматы АМК-150, ткацкие станки СТБ новых модификаций, декатиры заключительные ДЗН-220 и другие виды новой техники. Комплексная механизация облегчит трудоемкие работы на фабрике имени Свердлова, в печатном цехе Новомайнской ковровой фабрики, в камвольном производстве фабрики имени Ленина и на множестве отдельных участков других предприятий. В результате 884 рабочих объединения освободятся от ручной работы. Производительность труда к концу 12-й пятилетки возрастет у ульяновских шерстяников на 11,2 процента. Для отрасли — цифра немалая! Но главное — она будет достигнута за счет научно-технических мероприятий, строгой экономии и бережливости.

Из чего складывается стоимость шерстяных тканей? Наибольший удельный вес — 93—96 процентов — здесь приходится на сырье. Если научиться работать безотходно, можно сберегать десятки тонн шерсти, пряжи, химических нитей. А значит, по объединению можно экономить ежегодно более полутора миллионов рублей. Текстильщики прекрасно понимают огромные выгоды, которые сулит экономное хозяйствование.

На Димитровградском ковроsо-суконном комбинате приспособились вновь пускать в дело угары иглопробивного производства, что вовсе не было предусмотрено технологическими рекомендациями иностранной фирмы.

— Что делать с остатками капронового жгутика? — ломали голову в ковровом производстве. Для начала

решили по опыту соседей-суконщиков организовать участок ширпотреба: негодные в производстве, но вполне применимые для домашних дел нити упаковывать, взвешивать и отправлять в торговлю. И до сих пор спрос на эту продукцию обгоняет предложение!

Но в цехе остается и другой жгутик, для покупателей непригодный.

— Хватит вывозить его во Вторсырье. Будем сами перерабатывать, — решили ковровщики.

И уже создан участок, где, переплавляя рубленые капроновые нити, получают необходимые для станков и машин детали. С заводов были привезены автоматы для отливки капрона, и инженеры не просто установили, а по существу переделали их под свою оригинальную технологию: вместо предусмотренных инструкцией гранул в автоматы теперь запускают жгутик.

Все больше входит безотходная технология в цехи суконных предприятий.

Бывало, поднимет мастер из-под ног клок шерстяных отходов, пожалеет: «Эх, зря пропадает. А что поделаешь — непрядомые волокна, никуда не годятся», — с тем и отбросит шерсть в угол.

«Стоп, — сказали на фабрике имени III Интернационала. — Хоть для смески такие отходы не годятся, но в дело пускать их можно. Отличный строительный войлок получится». Одними из первых в отрасли старотимошкинцы начали выпускать этот материал. Следом за ними освоили новый вид продукции и суконщки фабрики имени Гладышева.

А на фабрике имени Ленина из шерстяных отходов получают ватин. Привезли для этого от инзенских коллег преобразователь прочеса и прошивную машину, подремонтировали их, запустили в дело. Первое время для пошива раскатанной ватки использовали привозную капроновую нить.

— У нас же своей полушерстяной пряжи немало остается по переходам, — высказал мысль начальник ПТО фабрики А. А. Черпаков. Попробовали свою нить на прочность — и стали использовать. Теперь не нужно ни капрон закупать на стороне, ни думать, как избавиться от разноцветных отходов.

Может послужить на пользу текстильщикам даже... шерстяная пыль. Сегодня новаторы на пути к тому, чтобы специально улавливать ее по цехам, собирать из

вентиляционных каналов и, превращая в деловые материалы, вкладывать, к примеру, в тот же строительный войлок.

Конечно, сделать технологию полностью безотходной шерстяникам удастся лишь в современных производствах. Но большинство предприятий — старые, как быть здесь? Ульяновские текстильщики знают ответ — реконструировать!

Кажется, пригорок рядом с Мулловской фабрикой сберегался природой и людьми специально. Сегодня даже старики, не любящие перемен, восхищаются: «Эх, высоко стоит, гордо!». Так говорят о новом ткацко-отделочном корпусе, который вырос здесь, на юру. Реконструкция была нелегкой. Не обошлось без ошибок проектировщиков: те заложили немало устаревших решений. Например, установку крутильных машин К-83, которые вовсе не подходят к новой бесчелночной технологии ткачества.

Много трудностей у Мулловской фабрики впереди, ведь ее коллектив должен возрасти в полтора раза, планируется резко увеличить выпуск тканей, более высокие требования предъявляются к ассортименту. Но мулловцы верят: неурядицы пройдут, а сегодняшние неустанные заботы окупятся сторицей.

Немало сулит реконструкция и фабрике имени Ленина: новую технологию аппаратно-прядильного производства, обилие света, воздуха, освежаемого кондиционерами, удобные бытовые комнаты. Все это будет в новом корпусе, который впервые в «Ульяновскпромшерсти» сооружается на модулях.

Фабрика имени Гладышева за свою историю меняла облик не раз. В минувшую пятилетку она обрела законченный аккуратный вид. К ее корпусам примкнули прекрасная столовая, талантливой архитектуры и отделки актовый зал, а в производстве первичной обработки шерсти воцарились чистота и уют, здесь стали применяться биологический и другие эффективные виды очистки промышленных стоков.

Без специалистов при реконструкции не обойтись. Время, когда строительные обязанности могли поочередно выполнять текстильщики из цехов, проходит. Сегодня одно СМУ и три ПМК в системе объединения уже не удовлетворяют шерстяников. И к началу 12-й пятилетки было принято решение: создать при объединении

«Ульяновскпромшерсть» сильное строительное подразделение — трест «Текстильстрой». С его помощью предстоит придать предприятиям истинное ускорение.

Начавшаяся перестройка кардинально изменила и отношение к решению жилищной проблемы. В соответствии с программой «Жилье», принятой в «Ульяновскпромшерсти», строительство квартир развертывается в невиданных ранее масштабах, а на капитальный ремонт существующих домов к 1990 году предполагается израсходовать свыше 900 тысяч рублей. Уже сейчас решена на многих предприятиях отрасли проблема детских садов и яслей.

Решения XXVII съезда КПСС, пленумов ЦК дали мощный импульс осуществлению социальной программы текстильщиков.

Известно, насколько бывает выгодна любому производству хорошая организация общественного питания. Здесь можно многому научиться у гимовцев.

...Первая смена начинает работать, а вскоре прямо в ткацкий и аппаратно-прядильный цехи подается завтрак. В одном из уголков на специальном столе появляются бутерброды, кофе. Даже если по каким-то причинам человек не успел позавтракать дома, голодным он не останется.

Взять домой мясные, овощные, рыбные полуфабрикаты? На ишеевском комбинате сделать это просто — работает магазин-кулинария. Купить остальные продукты и необходимые промтовары? Нет проблемы — действует магазин заказов. Достать билет на поезд, самолет, попасть в театр в Ульяновске, разыскать зимой букет цветов? И от этого работника комбината освободят, если он обратится в бюро добрых услуг предприятия.

А в середине смены, во время перерыва, приглашают текстильщиков в комнату эмоциональной разгрузки. (Кстати, такую комнату гимовцы создали первыми в области.) Завораживающая мягкая мелодия, слайды. Успокаивает полумрак. Пятнадцать минут — и бодрость возвращается к человеку.

Цех встречает обычным шумом. К нему привыкают, но приятнее он от этого не становится. На комбинате имени Гимова сумели предусмотреть и это. Ткачиха надевает миниатюрные наушники (они без проводов, а значит, не мешают) — и может слушать концерт по заявкам, классическую или современную музыку. От работы

это не отвлекает. Напротив, подсчитано: производительность труда благодаря функциональной музыке повышается.

Другое ишеевское новшество может приезжих поначалу удивить: летним жарким днем прямо напротив проходной комбината вдруг увидишь десятки людей в купальных костюмах. Что это, пляж? Но до Свияги далеко... Оказывается, ишеевцы построили здесь оригинальный бассейн. Больше всех рада, конечно, ребятня.

Во всех этих начинаниях за гимовцами угнаться трудно. Но ценные крупицы опыта в области социально-культурного развития есть и на других предприятиях. На фабрике имени III Интернационала действует физиотерапевтический кабинет не хуже, чем в санатории. Термальные ванны? Пожалуйста. Массаж в морской воде? И это возможно... На Новомайнской ковровой фабрике примечателен комплексный приемный пункт бытового обслуживания.

Эти и другие добрые начинания, получающие сегодня постоянную прописку на текстильных предприятиях, значительно облегчают труд рабочих, разнообразят и украшают их жизнь.

Вот подсобные хозяйства. Сегодня их девять. И на тех фабриках и комбинатах, где они есть, не знают забот с молоком для столовых и детских садов, круглый год обходятся собственными овощами. Продают рабочим мед, мясо. Продукции в подсобных хозяйствах будет производиться все больше с каждым годом. Например, мяса в 1990 году планируется получить 160 тонн — против 80 тонн в 1985 году. На столе у текстильщиков появится зеркальный карп, выращенный в собственных прудах.

Но не хлебом единым сыт человек — об этом текстильщики всегда помнили. Сейчас эта истина тем более верна: ускорить поступательное движение страны по силам лишь людям, которые развиты духовно и закалены физически.

Вырос новый клуб на фабрике имени Гладышева — поистине дворец! В Гурьевке верят: он откроет немало талантов. В газетах отмечается все возрастающее мастерство артистов Языковского народного театра, ставится в пример его актуальный репертуар. Агитбригада комбината имени Гимова популярна и за пределами Ульяновского района. А в Барыше на смотре самодея-

тельных коллективов победителем не один раз становился вокально-инструментальный ансамбль «Радуга» фабрики имени III Интернационала.

О фильмах любительской киностудии при фабрике имени Свердлова одобрительно писала газета «Социалистическая индустрия».

Стадион фабрики имени Ленина нашли самым удобным для проведения в 1984 году областной сельской спартакиады. Следующий, 1985 год стал для спортсменов-шерстяников знаменательным: футбольная команда «Текстильщик» комбината имени Гимова завоевала титул чемпиона области. И удержала его в 1986 году!

...Зимними вечерами над фабричными поселками слышны звуки музыки: пожалуй, самым любимым зимним увлечением стало для текстильщиков массовое катание на коньках.

В Ишеевке действует юношеская конно-спортивная школа. А сколько их еще, интересных и полезных увлечений! И все они помогают главному — воспитанию красивого душою, всесторонне развитого человека.

Качественное обновление текстильных предприятий, поселков, а главное, людей только начинается. Оно идет в русле всеобщей перестройки советского общества, которая, по словам Михаила Сергеевича Горбачева, есть «не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы» *. Узловыми вопросами перестройки, как известно, стали демократизация всей жизни общества и осуществление радикальной экономической реформы.

Уже не удивляют текстильщиков выборы руководителей на предприятиях, и если на первом этапе люди относились к ним порой с недоверием, то теперь каждое выборное собрание — это яркое подтверждение высокой ответственности рабочих и служащих, пробудившегося у них чувства сопричастности к управлению.

---

* Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Правда, 1987, 3 ноября.

— Голосуем за Богбардина потому, — объясняли ткачи Новомайнской ковровой фабрики на выборах начальника ткацкого производства, — что он требователен, а дисциплина сейчас особенно важна...

Ульяновские текстильщики одними из первых в области стали проводниками и участниками экономической реформы. С 1987 года основными принципами деятельности всех 12 предприятий * объединения названы хозрасчет, самофинансирование, самоокупаемость. А с января 1988 года каждый коллектив и руководитель сверяет свою работу с «Законом СССР о государственном предприятии (объединении)».

Что изменилось? Прежде всего, отношение к доходам и расходам. Раньше иная фабрика работала, не получая плановой прибыли, и это не очень-то беспокоило коллектив: ведь премии выплачивались, сметы на строительство утверждались, убытки от жилищно-коммунального хозяйства фабричного поселка списывались. За счет чего? Ужимали собственные оборотные средства — деньги, что предназначались на сырье, материалы, технику и т. д., отвлекали от производства. Залезали в кредиторский карман государства!

К моменту перехода на новые условия хозяйствования восемь из двенадцати предприятий «Ульяновскпромшерсти» работали с недостатком собственных оборотных средств, из них в худшем положении находились Димитровградский льнокомбинат, текстильные комбинаты имени Калинина и имени Гимова, суконная фабрика имени Степана Разина. А в целом по объединению дефицит оборотных средств составлял 4 миллиона рублей.

Новые условия хозяйствования закрыли возможности безбедной жизни за счет истощения собственных ресурсов и привлечения разного рода дотаций. Потерянные некогда оборотные средства теперь восполняются за счет получения дополнительной прибыли. 3,5 процента от расчетной прибыли отчисляются в финансовый резерв предприятий, которого не было раньше, и могут быть направлены, скажем, на покрытие недостатка собственных оборотных средств, убытков от жилищно-коммунального хозяйства, на дотации детским садам и яслям, сто-

---

* С 1987 года в состав объединения вошел Димитровградский льнокомбинат имени Я. Е. Пискалова.

ловым. (Еще недавно практически все сверхплановые доходы шли в госбюджет).

Появились так называемые свободные фонды предприятия. Свободные — поскольку коллектив ныне может распоряжаться ими по собственному усмотрению, не стремясь, как прежде, израсходовать во что бы то ни стало к концу отчетного периода (иначе изымут). Сегодня текстильщики знают: если им удобно воспользоваться своими доходами не тотчас, а, скажем, в будущем году, то ни одной копейки не пропадет ни из фонда развития, ни из фонда материального поощрения, ни из фонда соцкультбыта и жилищного строительства. Так, текстильный комбинат имени М. И. Калинина сохранил за собой на 1988 год 1 миллион 295 тысяч рублей — с тем, чтобы наиболее эффективно вложить деньги.

Но чтобы сохранить, накопить, истратить, надо сначала заработать.

— Реформа открыла нам немало новых путей для этого, — делился своими наблюдениями на совете директоров в начале 1988 года Виктор Петрович Кондрашечкин. Его, молодого и деятельного начальника финансово-бухгалтерского отдела «Ульяновскпромшерсти» особенно радовали перемены в хозяйственном механизме; хотелось подсказать «секреты» получения прибыли тем, кто пока еще робко постигал науку хозяйствования.

— Надежный путь пополнить собственные фонды — это увеличить выпуск продукции улучшенного качества с индексом «Н». Прибыль от такой продукции полностью остается на предприятии, — советовал он руководителям предприятий.

Это отлично поняли на Димитровградском ковровосуконном комбинате имени Георгия Димитрова: здесь по итогам 1987 года при плане прибыли от продукции с индексом «Н» в 965 тысяч рублей получили 1 миллион 491 тысячу рублей. Таким образом, в фонд на социальные нужды, в частности строительство жилья, было направлено дополнительно 745,5 тысячи рублей и столько же вложено в развитие производства.

На суконной фабрике имени Я. М. Свердлова неплохо используется другой хозрасчетный резерв. Здесь получают дополнительную прибыль, наладив выпуск дефицитных тканей по договорным ценам.

А отходы производства? Раньше на большинстве предприятий на них смотрели равнодушно, брались

пускать в дело, лишь когда разворачивалась очередная кампания или спрашивали «сверху». Сейчас оставшаяся шерстяная пряжа и синтетический жгутик, вязаные вещи, автомобильные чехлы, коврики, изделия из мерного лоскута — все это, изготовленное в цехах ширпотреба и отправленное в торговлю, не только служит покупателю, но и дает коллективам дополнительную, не подлежащую отчислению прибыль. Даже такое рентабельное предприятие, как Новомайнская ковровая фабрика, не гнушается перерабатывать бросовые синтетические волокна на ценный утеплитель «мебели», а выбракованные метры коврового полотна превращать в симпатичные декоративные коврики. На этом новомайнцы ежегодно получают 120 тысяч рублей прибыли, которая для них оборачивается дополнительными премиями, льготными путевками и бесплатным питанием, а для детей текстильщиков — возможностью на льготных условиях посещать детские ясли и сады предприятия.

Убедились текстильщики и в другом: омертвленные сверхзапасы при хозрасчете больно бьют по собственному карману. Но как перераспределить ресурсы умело, на выгодной основе? На помощь пришла коммерческая служба «Ульяновскпромшерсти»», которую возглавляет заместитель начальника объединения И. Г. Тарасов. Здесь свели воедино интересы тех, кто ищет, и тех, кто продает. Не стало огромных залежей моющих веществ на комбинате имени М. А. Гимова, иных, чем нужно, красителей на фабриках имени П. Х. Гладышева и III Интернационала.

Нет, не легко и безболезненно дается текстильщикам наука хозяйствовать, считать. Ведь годы застоя приучили многих к такой ситуации: к примеру, получила фабрика всего 10 тысяч рублей сверхплановой прибыли, но выполнила вал, умело отчиталась за объемные показатели (это требовали в первую очередь!) и начисляет в свои фонды экономического стимулирования... 40 тысяч рублей!

Теперь такого не встретить. Премии начисляются только на основе реально заработанных денег. И если Мулловская суконная фабрика и фабрика имени Степана Разина не получили за первый квартал 1988 года расчетного дохода, то их работники лишились многих материальных благ. Если те же мулловпы потеряли в 1987 году 367 тысяч рублей в виде штрафов за наруше-

ние условий поставок, за задержку тары, если в целом «недобрали» почти два миллиона рублей плановой прибыли — сказались уценка старых тканей и удорожание себестоимости новых, — то расплачиваться за это приходится им самим: замедляется решение жилищной проблемы, нечем компенсировать затраты на детские сады, на спорт, на отдых.

Вот тут-то начинают и руководители и рабочие прозревать, на практике убеждаясь, что дает прибыльная работа предприятия в условиях хозрасчета.

Вместе с тем шерстяникам еще приходится слышать окрики сверху, грозные призывы «дать темп, увеличить вал». Слышать — и противостоять этому. Ведь теперь учитывается каждый рубль, и никто не заинтересован в выпуске продукции плохого качества, которая осядет на складе. Лучше меньше, да лучше — не забывают текстильщики ленинский наказ. В 1987 году впервые за последние десятилетия все предприятия «Ульяновскромшерсти» вошли в нормативы остатков готовой продукции. Нет завалов на складах. Не омертвляются больше сырье и человеческий труд.

Пристальней, чем прежде, следят на предприятиях за колебаниями моды, изучают спрос.

Хозрасчет и новизну изделий связывает одна нить. Потому и выход из нынешних финансовых трудностей те же мулловцы, например, видят в выпуске тканей, не просто соответствующих моде, а определяющих, диктующих ее. Эффективные твиды, современные, с искоркой, меланжи — «Иней», «Черемша», «Россыпь», «Вечер» — сегодня моментально раскупаются покупателями, особенно молодыми.

Сопутствует удача в поисках новых ассортиментных решений измайловским текстильщикам. Радуют глаз их многоцветные клетчатые одеяла «Лабиринт», «Закат», чистошерстяные ткани с направленным ворсом.

Красив и мужской облегченный драп «Горизонт», созданный на фабрике имени III Интернационала. А текстильщики комбината имени М. А. Гимова обрели заслуженную славу благодаря своим жаккардовым одеялам. Загадочны, но неизменно привлекательны их рисунки — «Кони», «Экзотика», выполненные талантливым художником Александром Гавриловым.

Требования реформы заставляют перестраивать всю практику хозяйствования, ломать чрезмерно централи-

зованную, командную систему управления, одновременно создавая демократическую, основанную на экономических методах, на оптимальном сочетании централизма и самоуправления. Основательно изменились подходы в работе и у самого объединения «Ульяновскпромшерсть». Здесь твердо сказали «нет» любому администрированию, а аппарат объединения выступает прежде всего помощником, консультантом предприятий, распространителем достижений отраслевой науки и передового опыта.

Вот поступил престижный заказ от автомобилестроителей ВАЗа на разработку ткани для малолитражки «Ока». Раньше такой направили бы на какую-нибудь фабрику волевым решением. Теперь же проводится конкурс среди предприятий на лучшую разработку, и здоровая конкуренция только помогает делу.

Время заправляет станки новыми тканями. Какими они будут? Это зависит от каждого — рабочего, инженера, руководителя.

Открылся новый этап в истории ульяновских текстильщиков. Неимоверно трудный, особенно на первых порах, но необходимый. Ведь цель впереди — благодарнейшая: цельная, красивая жизнь, новые отношения людей, новый человек.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Олег Владимирович Никитин

РУБЕЖИ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ

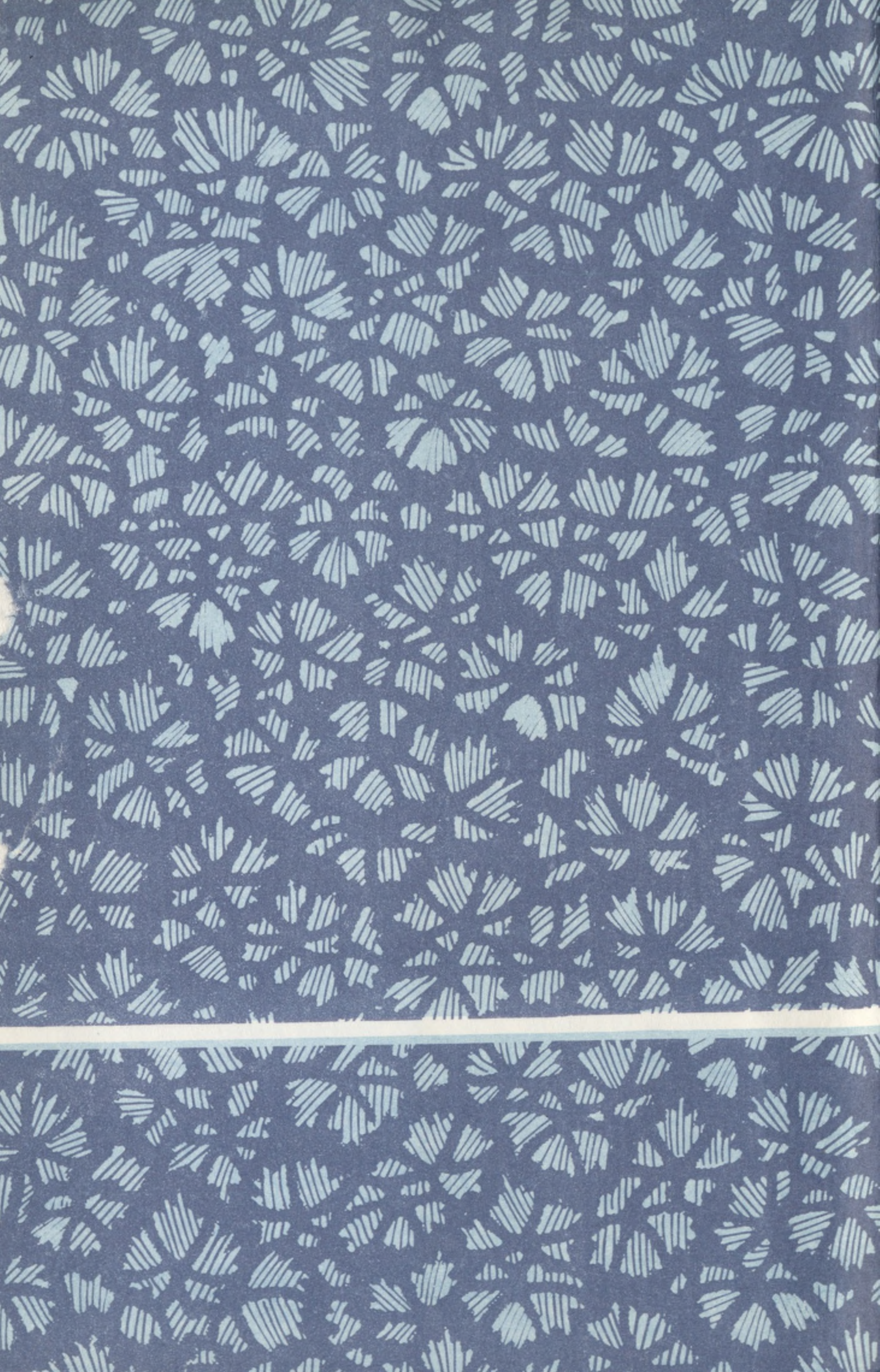
Редактор *Н. Б. Шарыгина*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. А. Долгова*
Корректор *И. А. Соколова*

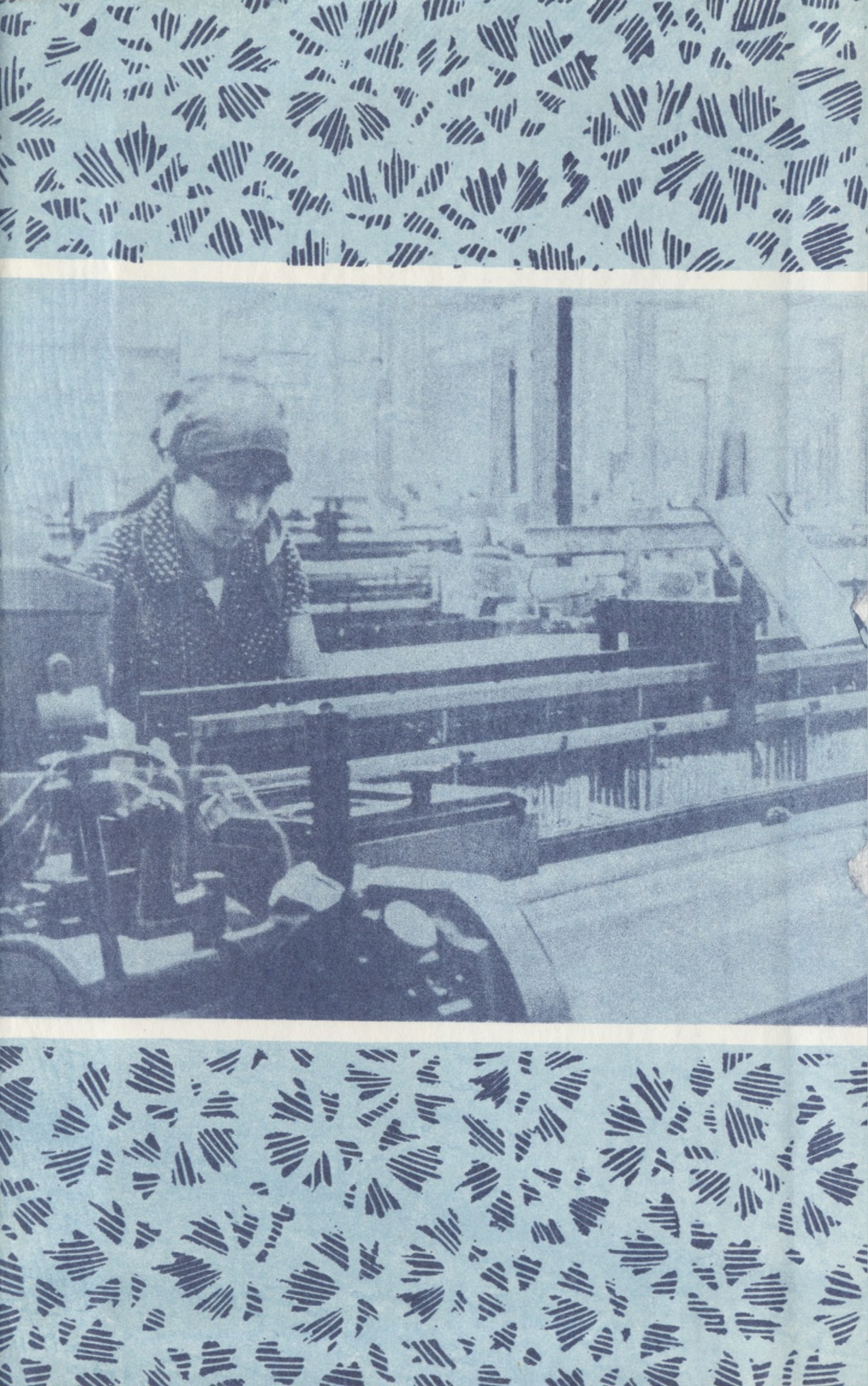
ИБ № 1463

Сдано в набор 10.02.88. Подписано в печать 29.06.88. НГ31474. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92+0,42 вклейка. Усл. кр.-отт. 12,39. Уч.-изд. л. 11,46+0,424 вклейка. Тираж 10 000. Заказ 229. Цена 1 р. 20 к.

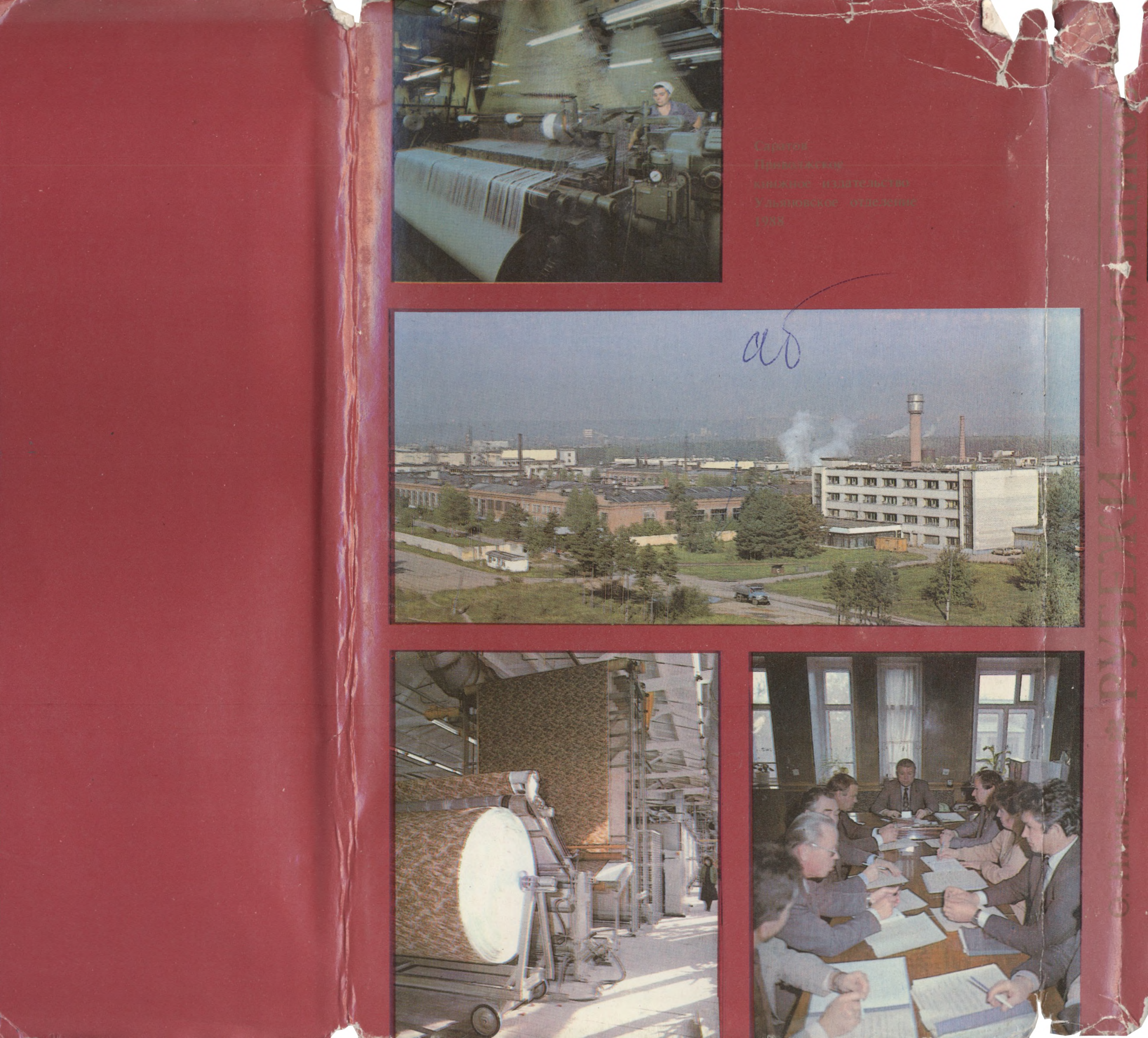
Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение. Саратов, 410071, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, 410600, пр. Кирова, 27.





О. Никитин ❀ РУБЕЖИ текстильщиков ❀



Саратов
Приволжское
книжное издательство
Ульяновское отделение
1988